

*Посвящается памяти
наших родителей*

Е. Л. Кан

Мы — из блокады

Издание второе,
переработанное и дополненное

Санкт-Петербург
2015

УДК 947.085
ББК 63.3(2)622
К19

Кан Е.Л.

К19 Мы — из блокады. Издание 2-е, переработанное и дополненное — СПб.: Скифия-принт, 2015. — 212 с.

Во второе переработанное издание книги «Мы из блокады» (2010) дополнительно включены личные воспоминания автора, пережившего все невзгоды фашистской блокады: жизнь, учебу и работу медсестрой в годы осады города. Используются сведения о смертности в Ленинграде в годы блокады согласно рассекреченному документу ЦГА СПб (ф. 2076, оп. 4, д. 63, л. 143–191, — «Похоронное дело»). Включены дополнительные фотоматериалы из личного архива.

Глава 1. Начало войны

За день до войны

21 июня 1941 года в Ленинграде был праздничный день. После окончания выпускных экзаменов в 10-х классах повсюду проходили школьные торжества с вручением аттестата зрелости. Учителя поздравляли своих учеников с вступлением в большую взрослую жизнь, желали успехов. Так было и в 239 школе Октябрьского района Ленинграда, где училась я, и где выпускницей была моя старшая сестра Татьяна. Она потом в деталях нам все подробно рассказала — и как прошли торжества, и что было после них. Счастливые мальчики и девочки после всех поздравлений пошли через Александровский сад, напротив которого находилась наша школа, на набережную Невы и дальше к «Медному всаднику», продолжая и там веселиться и радоваться жизни.

На набережной было полно нарядной, веселой молодежи. Девочки были в красивых платьях, а мальчики — в строгих темных костюмах. Все держали себя как взрослые. Гуляние продолжалось всю ночь. Выпускники мечтали о будущей жизни, строили планы, обменивались телефонами, адресами. Была отличная летняя теплая погода, многие пели песни, танцевали.

Но коротка ленинградская белая ночь. Не успели оглянуться, как уже наступило 22 июня 1941 года ... Молодежь стала расходиться, мальчики провожали девочек. Все вокруг казалось таким светлым и многообещающим. Никто даже представить себе не мог, что уже через несколько часов жизнь может коренным образом измениться...

Конечно, взрослые наверняка по-иному вспоминали бы этот день, но я пишу от себя, от лица 15-летней девочки, закончившей учебный год и с радостью ждущей летних каникул. Пусть именно этот взгляд задаст отправную точку всему остальному рассказу.

Мы с моими одноклассниками тоже переживали радостные дни, мечтали о предстоящих каникулах. Мы сдали экзамены за восьмой

класс и перешли в девятый и наконец-то стали старшекласниками! Как много интересного нас ожидало...

Я со своими друзьями из школьного туристического кружка всю зиму готовилась к увлекательному многодневному и достаточно сложному байдарочному походу по реке Тосно Ленинградской области. Нашим кружком уже несколько лет руководила заведующая школьной библиотекой Валентина Петровна (к огромному сожалению, не могу вспомнить ее фамилии), о которой стоит сказать особо. Это был интересный, знающий, увлекающийся и очень доброжелательный человек. Валентина Петровна сама путешествовала и нам рассказывала забавные случаи. Она очень много читала, всегда делилась своими впечатлениями о прочитанном, а мы все это впитывали и старались запомнить. Готовя нас к байдарочному походу, она рекомендовала побольше прочитать о местах будущих стоянок, настраивала нас на взаимопомощь, приучала к порядку, собранности и ответственности.

Еще не раз мне придется повторять эти два слова: взаимопомощь и ответственность. Причина не в попытке писать назидательно, она в размышлениях о том, что позже помогло нам не сдаваться, жить и бороться в самых трудных условиях и, в конце концов, победить.

Под руководством Валентины Петровны к началу лета 1941 года мы уже совершили немало интересных лыжных и пеших походов по Ленинградской области и Карельскому перешейку. Особенно запомнился лыжный поход от станции Белоостров до станции Оллила (Солнечное), в который мы ходили зимой 1940 года вскоре после окончания советско-финской войны. Мы шли по бывшей финской территории и остановились на ночлег в финской школе. Здесь нас поразила непривычная белизна. Даже парты, похожие на наши, тоже были белые. В кухне — чистота и порядок. Представьте себе, что сначала нам было даже страшновато до всего дотрагиваться. Справившись с растерянностью, мы распаковали рюкзаки и подготовили ужин на газовой плите: макароны с мясными консервами. Получилось очень вкусно. Запили чаем и стали готовиться к ночлегу. Так как в школе никаких постелей не было нам пришлось вынимать свои спальные мешки из рюкзаков и укладываться спать на полу.

Вспоминаю обо всех этих бесхитростных занятиях не только, чтобы задать фон последующим дням, месяцам и годам. Важно, что пусть такими детскими походами, но все же Валентина Петровна

Вот во что фашисты превратили усадьбу И.Репина

приучала нас к совместным действиям, к ответственности за себя и товарищей. Это всё очень пригодилось нам в блокаду.

На следующий день мы позавтракали остатками ужина и на лыжах отправились в соседнее Куоккала (Репино). Не вдаваясь в детали, отмечу, что там все сохранилось так, как было при жизни художника Ильи Репина. Стоял мольберт с незаконченной картиной (А.С. Пушкин на набережной р. Невы), тросточка, шляпа и пальто в передней. Усадьба была двухэтажной, с несколькими башенками и верандами, и вот во что фашист превратил памятное для всех удивительно красивое место! Нас пригласили войти внутрь, и экскурсовод рассказал об усадьбе и о самом художнике. Было очень интересно. Все внимательно осмотрев и представив себе жизнь Репина в этой усадьбе, мы вернулись в Оллила, а вечером поездом отправились домой. Впечатлений было очень много, и через короткий период времени все участники этого похода написали подробные отчеты-рассказы. Затем, зимой 1940/41 годов мы начали готовиться к байдарочному походу, запланированному на лето 1941 года. В туристическом кружке изучали основы ориентирования по карте и компасу, устройство байдарок, знакомились с окрестностями предстоящего маршрута. Уже распределили все обязанности среди

239 школа Октябрьского района Ленинграда

участников похода по принципу: «все за всех и все за одного» (как нам в блокаду пригодились эти качества!). Оставалось только доделать кое-какие мелочи. Еще требовалось получить письменное разрешение родителей на предстоящий поход. Довольно неожиданно для меня мои родители сразу дали «добро» на участие в походе. Я была счастлива!

Хочу сказать несколько слов о том месте и том доме, где находилась наша школа. Конечно, мне лично в этом отношении просто очень повезло, но кроме того мне кажется, что это поможет ощутить красоту и величие всего нашего города. Ведь именно такой город враг хотел разрушить, и именно такой город мы защитили.

Наша 239-я школа находилась в самом центре города, на Исаакиевской площади. Ее официальный адрес — Адмиралтейский пр., дом 1 (ранее пр. Рошала). Это огромный дворянский особняк, построенный в 1817–1820 годах в стиле ампира по проекту Огюста Монферрана, архитектора, создавшего знаменитый Исаакиевский собор. Здание предназначалось для бывшего флигель-адъютанта Императора Александра I, полковника князя А.Я. Лобанова-Ростовцева. Оно представляло собой треугольник, и выходило тремя фасадами на пр. Адмиралтейский,

пр. Майорова (Вознесенский) и Исаакиевскую площадь. Место постройки особняка определил сам архитектор. После возведения им Исаакиевского собора оказалась незастроенной часть площади в виде треугольника, и Монферран предложил князю Лобанову-Ростовцеву, построить здесь здание. Вот почему оно и имело форму треугольника. У главного фасада, украшенного восемью колоннами, на высоких постаментах возвышались никогда не спящие два беломраморных льва, воспетые А.С. Пушкиным в поэме «Медный всадник».

*Тогда на площади Петровой,
Где дом в углу вознесся новый,
Где над возвышенным крыльцом
Стоят два льва сторожевых.
На звере мраморном верхом,
Без шляпы, руки сжав крестом,
Сидел недвижим, страшно бледный,
Евгений...*

В здании огромных размеров, кроме резиденции Лобанова-Ростовцева, часть помещений сдавалась внаем. В частности, какое-то время здесь находилось Военное Министерство. Начиная с 30-х годов, здесь открылась средняя школа, номера ее менялись несколько раз, в последствие она стала школой 239 Октябрьского района.

В обиходе особняк назывался «дом со львами». Этих беломраморных львов в блокаду тоже не обошла беда: одна из лап и хвост во время артобстрела были повреждены, отбиты. Но заботливая тетя Саша (о ней я расскажу ниже) нашла их и спрятала до лучших времен.

Первое сообщение

22 июня 1941 года я с утра отправилась в универмаг «Гостинный двор» докупить кое-что нужное для предстоящего похода. Я поднялась на второй этаж и заняла очередь в отдел «Ткани». Кругом царил праздничное, воскресное настроение, играла музыка. И вдруг!...

В начале 11 часов, по внутреннему радио универмага передали, что в 12 часов по всем радиостанциям Советского Союза

22 июня 1941 года
у репродуктора на
углу Невского пр.
и Малой Садовой

выступит Министр иностранных дел В.М. Молотов с важным Правительственным сообщением. Моментально среди покупателей и продавцов возникло волнение и беспокойство. Очереди тут же поредели, и народ устремился к выходу на угол Невского проспекта и Малой Садовой (тогда — улица Пролеткульта), где был установлен громкоговоритель — в народе «черная тарелка».

Ровно в 12 часов дня диктор Всесоюзного радио Юрий Левитан объявил, что сейчас выступит Министр иностранных дел В.М. Молотов. Вот что мы услышали: «Немецкая армия, нарушив пакт о ненападении между Германией и СССР от 23 августа 1939 года, в 3 часа 45 минут утра 22 июня 1941 года одновременно в трех направлениях нарушила Государственную границу СССР и двинулась вглубь страны...».

Началась Великая Отечественная Народная война! На западной границе нашей страны уже проливалась кровь.

*Война уже с рассвета длится.
Войне уже девятый час.
Уж враг за новою границей.
Уж сотни вдов у нас...*

О. Берггольц

Война — это зловещее слово привело всех стоящих у «черной тарелки» в состояние замешательства, растерянности, подавленности. Словно и не минуло с тех пор более 70 лет, а я все отлично, до

мельчайших подробностей, помню, как стояла тогда в толпе народа и слушала Правительственное сообщение у репродуктора. Все люди замерли. Никто не двигался, как будто не могли еще осмыслить услышанное. Все стояли в полной тишине, в каком-то оцепенении и долго не расходились. Что же будет дальше...?! Какой будет эта война...?!

Из нашей памяти еще не ушла недавно закончившаяся советско-финская война 1939/40 гг. Многие еще не забыли похоронок, повсюду была светомаскировка, много военных на улицах. Мы, школьники, тогда собирались в красном уголке школы — писали письма на фронт, собирали теплые вещи для бойцов. И сейчас все это сразу вернулось из памяти!

В тот день на улицах Ленинграда еще сохранялся дух самого длинного летнего дня, знаменитых ленинградских белых ночей. Нарядно одетые горожане вместе с детьми гуляли по городу. Многие уехали отдыхать в наши прекрасные пригороды. Но, несмотря на такое летнее настроение ленинградцев, в воздухе уже витало это страшное слово — «война». Армада вермахта двинулась на восток и, воспользовавшись внезапностью, устремилась вглубь страны.

Немного придя в себя после услышанного по радио, я побрела домой. Ни о каких покупках и ни о каких походах теперь уже не могло быть и речи. В голове все вмиг перевернулось! Мы жили недалеко от Невского проспекта. Я дошла до улицы Гоголя (теперь Малая Морская), через Исаакиевскую площадь вышла на улицу Якубовича к дому 4, где мы жили. Дома я застала всю семью в полном составе, включая бабушку Веру. Она успела накануне уехать из Гатчины, где постоянно жила и работала заведующей библиотекой в школе. На одной из последних машин ей удалось выехать в Ленинград. Немецкие войска вошли в Гатчину уже на следующий день. Бабушка Вера — это сестра маминой мамы, бабушки Оли. Я часто на каникулах гостила у нее. И там у меня было так много друзей...

Мы остаемся

Дома все уселись за круглый стол посередине комнаты и долго молчали. Первое слово взял папа, как глава семьи. Он сказал: «Случилось то, чего никто не ожидал — началась война с Германией. Что будет

*Мои родители:
папа Элькинд
Леонтий Леонтьевич
и мама Элькинд
Мария Ивановна*

дальше, еще говорить рано. Надо выждать какое-то время, еще раз все осмыслить и только после этого принять взвешенное решение — как нам поступать дальше». Последовало вновь долгое молчание... Надо отметить, что в нашей семье было всегда взаимопонимание, взаимоуважение и любовь. Папа — интеллигентный, сдержанный человек, по специальности горный инженер. После непродолжительного, но тягостного молчания опять заговорил папа. Прежде всего, он попросил нас не паниковать, все хорошо продумать и только после этого принимать согласованное решение о будущей жизни всей нашей семьи. Было принято семейное решение, что мы из-за папиной болезни (он перенес инсульт в апреле 1941 года) пока эвакуироваться не сможем, и семья остается в городе. Наверное, родители представляли себе сложности эвакуации, а папе прописан был спокойный режим и контроль врача. Конечно, сложности эвакуации трудно сравнить с трудностями блокады, но понятно, что никто из нас не мог представить себе ничего, что ждало нас и город в ближайшие 900 дней.

Тем не менее, было решено, что все мы должны включиться в общую работу по защите нашего города. Каждый из нас самостоятельно решал вопрос о конкретном участии в обороне города и затем обсуждал уже на семейном совете. Я на следующий же день пошла в свою школу. Татьяна (старшая сестра) поехала в Педиатрический институт, чтобы узнать о правилах приема документов, так как решила стать врачом. Папа, как всегда, с самого утра поехал на работу в Гипрошахт (институт по проектированию и строительству шахт), а мама и бабушка Вера оставались дома.

Уже было известно, что в городе с 27 июня 1941 года объявлено военное положение, началась эвакуация населения и некоторых предприятий. Вначале ленинградцы эвакуировались неохотно, а в самый голодный период это было сделать уже очень трудно, преимущество было у семей ответственных работников.

В Гипрошахте знали, что папа в апреле этого года перенес тяжелое заболевание и еще полностью не восстановился. Руководство понимало, что папа и его семья в настоящее время не смогут эвакуироваться с учреждением.

Несколько слов о самом проектном институте, Гипрошахте. В 1929 году в Ленинграде открылось новое учреждение по проектированию и строительству шахт в Средней Азии — Гипрошахт. Папа получил приглашение руководства возглавить группу специалистов по проектированию шахт в Казахстане. Приняв приглашение, он с семьей переехал из Донбасса в Ленинград осенью 1929 года. Так мы и оказались в Ленинграде. Вначале поселились в пригороде, в Детском Селе. Это место всегда считалось одним из самых здоровых в климатическом отношении. Папа побоялся с Украины сразу перевезти семью в Ленинград — сырой северный город. Ему, правда, на работу приходилось ездить на поезде. В Гипрошахте он пользовался уважением и авторитетом, неоднократно избирался в состав местного профсоюзного комитета. Нередко его можно было видеть на доске почета. Папу, как грамотного специалиста, буквально в ближайшие дни после объявления войны назначили ответственным за подготовку и отправку всей ценнейшей проектной документации Гипрошахта в глубокий тыл. Он, как очень исполнительный человек, немедленно приступил к этой объемной работе, и вся она была выполнена в срок.

После эвакуации Гипрошахта папа поступил работать механиком на Главпочтамт, который находился поблизости от нашего дома. Это было очень удобно. Знания и личные качества папы и здесь пригодились. Осенью 1941 года мама пошла работать медсестрой в 10-ю детскую поликлинику на Красной улице, д. 58 (Галерная). Так наша семья начала трудиться в военных условиях.

Наши мальчики

Несмотря на сопротивление наших войск, враг неуклонно приближался к Ленинграду. Одной из первоначальных задач Гитлера было овладеть сходу Ленинградом, что позволяло немецкой армии открыть прямую дорогу на Москву. Всё это вмиг изменило нашу жизнь. Мы, подростки, распрощались с детством, и сразу шагнули во взрослую жизнь, встали рядом со взрослыми и в одном ряду делали все, что требуется для защиты своего города от врага.

*Мы были юны, страшно юны,
среди разрывов и траншей,
как мальчики времен Коммуны,
как ребятня Октябрьских дней.
О, детство!
Нет, я в детстве не был,
Я сразу в мужество шагнул.*

О. Шестинский (юнга)

Сын-полка Коля Макряков

Было много случаев, когда мальчишки 14–15 лет, правдой и неправдой, прибавив себе года, убежали на фронт, чтобы принять участие в боевых действиях. Многие из них становились сынами полков или юнгами. Таких примеров очень много. Вот лишь некоторые из них. Коля Макряков — сын полка 30-ой отдельной Выборгской Гвардейской танковой бригады. За смелость награжден медалью «За оборону Ленинграда» (1943 год), которую вручил ему его начальник, Ф. К. Румянцев. Вскоре Николай Макряков был направлен из части в Суворовское училище. В последующем стал кадровым военным.

Альфред Кузьмин: слева — боец народного ополчения 265 пулеметно-артиллерийского батальона, справа — председатель Союза «Юные участники обороны Ленинграда».

15-летний Альфред Кузьмин, ученик ремесленного училища, очень хотел на фронт. Он оставил родителям записку: «Мама и папа! Я взял у бабушки пять рублей и уйду бить фашистов. Обо мне не беспокойтесь. Целую. Альфред, 4 июля 1941 года». А. Кузьмин вступил в народное ополчение, став бойцом 265 отдельного пулеметно-артиллерийского батальона (ему еще не было 16 лет). Был дважды ранен. После демобилизации вернулся в Ленинград и много времени уделял общественной работе, возглавляя несколько лет общественную организацию Союз «Юные участники обороны Ленинграда». Позже он был также членом Президиума Советского комитета ветеранов войны.

Яковлев Владимир Иванович в 15 лет добрался до Волховского фронта, разыскал там своего отца и был зачислен

Борис Гальперин — юный партизан Белоруссии

Владимир Яковлев — сын полка

встала на стахановскую вахту рабочей завода №5, а позже стала членом общества «Юные участники обороны Ленинграда». Также поступил и школьник Валентин Поляков, который пошел рабочим на завод и ответственно выполнял военные заказы. Я пошла работать медрегистратором в 10-ю детскую поликлинику на Красной улице, дом 58.

Валентин Поляков — малолетний рабочий в цеху

сыном полка. Как член Совета союза «Юные участники обороны Ленинграда» активно участвовал в военно-патриотическом воспитании молодежи.

В составе совета Союза «Юные участники обороны Ленинграда» был и Б. М. Гальперин (партизан Белоруссии), впоследствии принимал активное участие в его работе.

Как много мальчишек и девочек сменили своих отцов и дедов, ушедших на фронт, и добросовестно работали в цехах заводов по выпуску и ремонту вооружения! Некоторым маленьким рабочим приходилось подставлять ящики, чтобы дотянуться до станка. Среди них была и Аня Шульц (Удалова), которая

Валентин Поляков

Анна Шульц — встала на стахановскую вахту на военном заводе

Группа рабочих-малолеток в цеху по выпуску оружия

Невозможно не вспомнить о блокадном школьнике 6 класса одной из школ Куйбышевского района Юрии Воронове. Отец Юры, офицер КБФ, служил в Кронштадте и часто приезжал в блокадный Ленинград навестить свою семью. Однажды Юра пошел в булочную

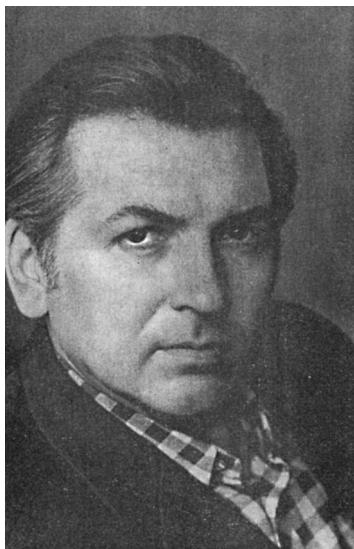
за хлебом, и вдруг объявили воздушную тревогу. Началась бомбежка района... Он не успел добежать до своего дома и остался около булочной дожидаться отбоя тревоги. Как только кончилась тревога, он помчался домой и увидел, что в его дом попала бомба и пострадала их квартира. Под развалинами оказались погребенными младший брат и маленькая сестричка. Срочно вызвали отца. Приехав, он увидел и понял, что спасать уже некого... Так, Юра Воронов потерял своих родных брата и сестру, когда ему самому было всего 14 лет.

*Эту бомбу метнули с неба
Из-за туч
Среди бела дня...
Я спешил из булочной
С хлебом.
Не успел.
Ты прости меня.*

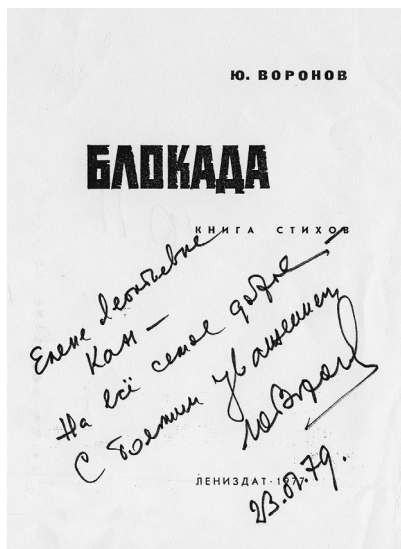
Ю. Воронов

Справившись с несчастьем, Юра продолжал учиться в школе и много времени уделял общественной работе и своему увлечению — поэзии. Пройдя через трудности и потери родных в блокаду, Ю. Воронов стал серьезно относиться к описанию всего того, что сам видел и пережил в блокаду, в стихотворной форме. Уже в школьные годы многие знали его стихотворения, в которых он очень правдиво, а порой и лирично писал о блокаде и войне. Многие из них стали близкими, понятными, трогательными, и их знали наизусть.

*Я забыть
Никогда не смогу
Скрип саней
На декабрьском снегу,
Тот пронзительный,
Медленный скрип:
Он как стон,
Как рыдание,
Как всхлип.
Будто все это было вчера...*

Ленинградский школьник, поэт,
председатель Союза писателей
СССР — Юрий Петрович Воронов

Автограф Ю. Воронова для Е.Л. Кан
(Элькинд)

*В белой простыне —
Брат и сестра...*

Ю. Воронов

По роду своей работы позже Юрий Петрович жил в Москве и возглавлял Союз писателей СССР, но никогда не порывал связи с юными участниками обороны Ленинграда и всегда был желанным гостем на наших традиционных вечерах-встречах блокадников. На одной из таких встреч Ю.П. Воронов подарил мне сборник своих стихов с трогательной надписью. Мне этот подарок очень дорог, и я вручу его своей внучке, Маше. Она тоже должна все знать о подвиге школьников-подростков в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.

Первое военное задание

Буквально на следующий день после объявления войны, не стовариваясь со своими одноклассниками, я пришла в нашу родную 239 школу. Оказалось, что нас здесь уже ждали: директор школы Валентина Васильевна Бабенко, учительница истории Ксения Владимировна Ползикова-Рубец, учитель физкультуры Дмитрий Александрович Лобысевич, зав. библиотекой Валентина Петровна и еще несколько учителей. К собравшимся обратилась директор школы со следующими словами: «Началась Отечественная война нашей страны с фашистской Германией. Легкой эта война не будет! Мы должны принять самое активное участие в защите нашей школы и города. На эту борьбу поднялся весь народ, от мала до велика, и мы не должны оставаться в стороне. Прежде всего, из числа старшеклассников нужно образовать отряды самозащиты по типу районных отрядов МПВО и со всей ответственностью и серьезностью приступить к разработке первоочередных задач и буквально без промедления начинать работать.»

Было рекомендовано создать бригады самообороны по 8–10 человек из числа старшеклассников и составить график круглосуточных дежурств в школе. В одном из классов первого этажа выделили помещение для кратковременного отдыха дежурных и для школьного штаба МПВО. Все сразу дружно взялись за работу и дежурства начались сразу же со следующего дня. Нам, прежде всего, надлежало освободить чердаки (а их было несколько в огромном здании школы) от всякого хлама и мусора. С помощью работников ЖАКТа сюда были привезены ведра и бочки для воды, ящики для песка, щипцы и рукавицы для захвата зажигалок, и другой нужный инвентарь. Через несколько дней на чердаках мы создали запасы воды и песка. Сюда же доставили огнеупорную краску для обработки всех деревянных деталей от пожара. От районного отдела МПВО мы получили инструкцию по тушению зажигалок и приступили к дежурствам. Делали все очень грамотно, ответственно, без всякой суетоки.

Кроме этой работы нам от МПВО было поручено собирать пустые бутылки для зажигательной смеси и сдавать их в приемные пункты. Обычно эти пункты были или в ближайших хозяйствен-

ных магазинах, или в своих ЖАКТах. Для нас таким пунктом была керосиновая лавка на ул. Союза Связи (Почтамтская). Собрали в общей сложности таких бутылок несколько тысяч. Как они пригодились на фронте!

Оборонительные рубежи

Враг все ближе подходил к Ленинграду. Все население города самоотверженно трудилось, не считаясь ни со временем, ни с усталостью. Продолжалась массовая эвакуация населения.

*А те, кто не призван в сраженья,
Кирки и лопаты возьмут
И грозным кольцом укреплений
Родной Ленинград обведут.*

О. Берггольц (1941 г.)

Немецкая армия овладевала все большим количеством населенных пунктов и пригородов Ленинграда. Вражеское кольцо сжималось вокруг города.

*Стоит над морем Ленинград гранитною скалой,
Как много лет тому назад, готов на смертный бой.
Не раз подкатывался враг и здесь бывал сражен.
Не раз от яростных атак спасался бегством он.
Бей сталью верного штыка и метко шли снаряд.
Рази без промаха в бою за Ленинград!
Тесней ряды и тверже шаг, за Ленинград — вперед!
Чтоб здесь нашел могилу враг, громи его народ!*

П. Калининцев, Е. Ружанский

24 июня 1941 года А.Н. Косыгин был назначен ответственным по эвакуации населения и предприятий Ленинграда.

В городе с 26 июня началось формирование народного ополчения. Помню, как мы провожали на фронт отца моей соседки, Ривы

Аршанской, который стал ополченцем и хорошо воевал. Получив ранение, инвалидом вернулся домой.

С вражеских самолетов сбрасывали листовки с призывом «Сдаваться». В город забрасывали огромное количество диверсантов и агентов. Одной из наших задач, членов отряда самозащиты, было вылавливать именно этих «незванных» гостей и сопровождать их в штабы МПВО или в отделения милиции для выяснения личности. Вчерашние школьники неплохо справлялись и с такими задачами. Были и смешные ситуации, когда мы проявляли излишнюю бдительность и принимали за диверсантов своих же сограждан. Так дважды было и с моим папой, который всегда аккуратно одевался, да еще иногда носил шляпу. Это вызывало подозрение у наших бдительных дежурных, и дважды его сопровождали в ближайшее отделение милиции. Но, проверив документы, перед ним извинялись и отпускали.

25 июня 1941 г. было принято решение руководства города о строительстве трех оборонительных рубежей: первый — Лужский рубеж длиной 250 км от Финского залива по реке Луга до озера Ильмень; второй — Петергоф (Петродворец) — Красногвардейск (Гатчина) — Колпино; третий, внутригородской — Автово — окруж-

*Народное ополчение
Кировского завода*

Народное ополчение Нарвской заставы

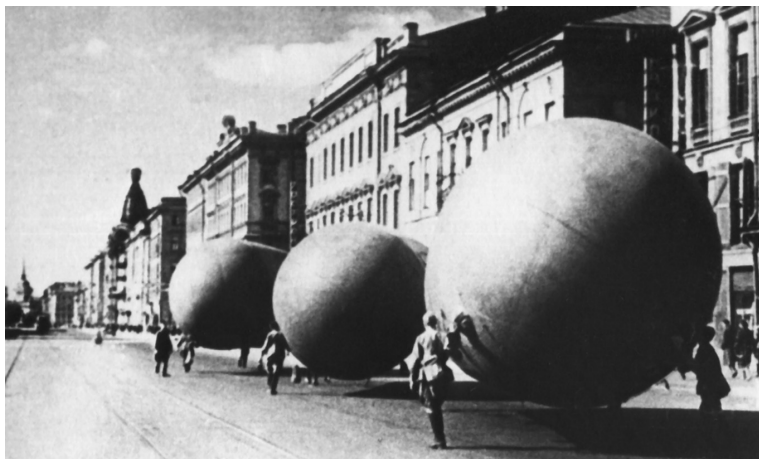
ная ж/д — Средняя Рогатка — село Рыбацкое. Эти рубежи также должны были задержать продвижение немецких войск непосредственно к Ленинграду.

В начале июля 1941 года все взрослое трудоспособное население города было мобилизовано на строительство Лужского оборонительного рубежа. Мобилизационную повестку получила и моя старшая сестра, Таня. В повестке было указано число, час и место сбора (Варшавский вокзал). Необходимо было иметь при себе теплую сменную одежду, обувь, кружку, ложку. Был выделен специальный вагон. Среди мобилизованных преимущественно были девушки и средних лет женщины. Ехали весело и всю дорогу пели песни. Уже на вокзале в Луге собралось много ленинградцев. Вскоре их всех развезли на места будущей работы и разместили в пустующих школах и в клубах. С утра следующего же дня все приступили к работе: рыли окопы, траншеи, противотанковые рвы, устанавливали защитные надолбы и проволочные заграждения. Работали много и с полной отдачей сил, вплоть до кровавых мозолей на руках и ногах. Но никто не роптал, не паниковал и не жаловался! Все понимали сложность ситуации на фронте. Времени на все строительные работы было отпущено очень мало — враг рвался к Ленинграду. Вся защитно-оборонительную работу следовало выполнить в кратчайший срок. Таня рассказывала, что все работали дружно и с полным сознанием опасности, нависшей над Ленинградом. Крайне необходи-

мые работы для защиты Ленинграда были выполнены, ленинградцы без потерь вернулись домой. Лужский рубеж сыграл огромную оборонительно-стратегическую роль в битве за Ленинград. Здесь впервые немецкая армия встретила мощнейшее сопротивление наших войск и была задержана в продвижение к Ленинграду почти на целый месяц. План захвата Ленинграда сходу был сорван. Был развеян миф о непобедимости немецких войск. Город получил «передышку» и возможность в ускоренном темпе завершить и дополнить строительство оборонительно-защитных сооружений везде, где еще можно было как в самом городе, так и в ближайших окрестностях.

30 июля над Ленинградом вновь нависла уже прямая угроза его захвата. Началось новое наступление немецких войск с целью соединиться с немецко-финской армией и двойным кольцом окружить Ленинград. Это наступление было приостановлено нашими войсками, и к 1 сентября 1941 года Ленинградский фронт несколько стабилизировался. В это время немецкая армия возобновила наступательные боевые действия в районе Любань-Тосно.

В связи с угрозой захвата города была введена обязательная светомаскировка. Продолжались работы по дальнейшей защите значимых объектов, памятников, эвакуация населения для уменьшения числа жителей, которых надо было кормить. В воздух поднималось множест-

Заградительные аэростаты на Невском пр.

Эвакуация ленинградцев

во защитных аэростатов. Над всем комплексом зданий Смольного были натянуты специально подготовленные маскировочные сетки с вмонтированными кусочками ландшафта, имитирующими лесной массив. В зависимости от сезона менялся и характер ландшафта. Качество маскировки проверяли с воздуха летчики, которые подтвердили, что комплекс зданий Смольного не виден, а маскировочная сетка действительно создает впечатление какого-то зеленого массива.

Эрмитаж и другие сокровища

Одновременно с маскировкой надо было обязательно сохранить бесчисленные сокровища, хранящиеся в великолепных музеях Ленинграда и пригородов, уберечь их от возможных опасностей военного времени. Уже на следующий день после объявления войны из Москвы пришло распоряжение о срочной подготовке к эвакуации

Шатровый зал Эрмитажа после эвакуации картин

вглубь страны сокровищ Эрмитажа. Эта ответственная работа проходила при непосредственном участии директора Эрмитажа академика Иосифа Абгаровича Орбели. Были заготовлены упаковочный материал и специальной конструкции ящики для транспортировки картин и других ценностей. Все работы велись самими сотрудниками музея, без привлечения волонтеров. Полотна картин были вынуты из рам и очень аккуратно свернуты в рулоны и уложены в подготовленные ящики. Некогда роскошные залы Эрмитажа опустели, и пустые рамы без картин напоминали что-то неживое... Все это выглядело очень и очень грустно и больно. Но это была война...

Первый эшелон с ценными сокровищами Эрмитажа был готов к отправке уже через неделю. Сразу же приступили к подготовке второго эшелона. С невероятными трудностями готовили к эвакуации громоздкую мраморную скульптуру мыслителя Вольтера работы Ж.-А. Гудзона. Матросы Балтийского флота, сняв с пьедестала скульптуру, погрузили ее в огромный ящик на специально переоборудованную платформу грузовика, и ночью, в сопровождении бойцов-моряков с винтовками, доставили этот ценный груз на запасные пути Московского вокзала. Сюда же прибыл и первый эшелон из

24 вагонов. Среди них, один бронированный для особых ценностей Эрмитажа, два вагона для его сотрудников во главе с директором филиала музея проф. В.Ф. Левинсоном-Лессингом и один вагон — для военизированной охраны. Во всех остальных вагонах разместили ящики с сокровищами Эрмитажа и все отправили вглубь страны на Урал, в г. Свердловск.

Осенью 2014 года на международной выставке «Манифеста 10» в Эрмитаже, были показаны поразительные работы японского фотографа и художника Ясумасы Моримура, который сотворил невероятное. Он изобразил сегодняшние роскошно отреставрированные залы с шедеврами живописи, но.... «вынул» некоторые картины из рам. Он хотел показать, как выглядел Эрмитаж в страшные дни блокады, и впечатление оказалось очень сильным. Представьте себе, что вы стоите в зале. Видите все стены, увешанные знакомыми полотнами, а в центре зала — картина, на которой сам художник Ясумара Моримура изобразил себя, в образе ленинградской художницы Веры Милютиной. Она работала в этом же зале, но в котором

На фото слева портрет ленинградской художницы Веры Милютиной, а справа видение одного из залов японским художником, изобразившим себя в облике Милютиной.

остались только рамы без картин, спрятанных от опасностей войны. Ведь более миллиона шедевров из коллекции были эвакуированы.

Многие посетители останавливались около этих работ и, молча, сравнивали то, что они видят сейчас, с тем, как это же выглядело в блокадные дни.

Резкое ухудшение положения на Ленинградском фронте потребовало срочно подготовить второй эшелон с Эрмитажными сокровищами для эвакуации. Он ушел из Ленинграда 20 июля 1941 года. Третий, уже готовый эшелон, отправить не удалось из-за угрожающего положения в городе и сложностей с эвакуацией. Враг все ближе и ближе приближался к Ленинграду и практически стоял у стен города. Уличные бои не исключались. Все было в боевой готовности.

После отправки в глубокий тыл шедевров Эрмитажа подвалы Зимнего дворца со сводчатыми потолками и толстыми стенами были переоборудованы под бомбоубежища из нескольких отсеков, их было более десяти. Сюда переселились оставшиеся в городе сотрудники Эрмитажа. Помещение было, конечно, плохо приспособлено для жилья, но все же это спасало людей от бомбежек и артобстрелов, которые в городе систематически начались уже с 8 сентября 1941 года. В бомбоубежищах еще какое-то время было более или менее тепло и светло. Как оказалось позже, с корабля «Полярная звезда», который стоял на рейде на Неве, напротив служебного подъезда Эрмитажа, был сброшен кабель для экономного снабжения музея электричеством. После того, как «Полярная звезда» покинула водные просторы Невы, на рейд встал ледокол «Ермак», который стал снабжать электроэнергией часть помещений Эрмитажа. Всю тяжелейшую первую блокадную зиму 1941/1942 гг. в бомбоубежище жил и продолжал работать директор музея акад. И.А. Орбели. Здесь нашли свое убежище кроме сотрудников Эрмитажа и работники искусства. Среди них здесь обосновался страшно ослабленный заслуженный архитектор СССР А.С. Никольский с женой. Несмотря на свою крайнюю истощенность, он продолжал работать над проектом Триумфальных арок для встречи героических войск-победителей. Архитектор в победе над фашистской Германией был абсолютно уверен. В своем блокадном дневнике он написал: «Сдавать город нельзя — лучше умереть, чем сдать! Я твердо верю в скорое снятие осады и начал уже думать о проекте триумфальных арок для встре-

чи героических войск, освободивших Ленинград». Так оно и было! Город не был сдан!

Оставшиеся в Ленинграде сотрудники Эрмитажа с первых же дней войны активно участвовали в строительстве оборонительных укреплений. Каждое утро они отправлялись на южную окраину города и там участвовали в этих работах. После сотрудники Эрмитажа возвращались на свои рабочие места... В Эрмитаже не прекращалась научная жизнь: писали статьи, готовили к печати обзоры, монографии. При непосредственном участии акад. И.А. Орбели дважды в осажденном городе проходили торжественные юбилейные заседания, посвященные азербайджанскому поэту Низами и узбекскому поэту-просветителю XV столетия Алишеру Навои. В конце марта 1942 года после настойчивых предписаний из Москвы акад. И.А. Орбели покинул Ленинград и отправился в Ереван, чтобы возглавить вновь образовавшуюся Армянскую Академию Наук.

В городе предпринимались отчаянные усилия спасти и другие сокровища, подвергавшиеся опасности. Так, уже осенью 1941 года в Исаакиевский собор свозили ценности пригородных музеев и в первую очередь из Павловского дворца. Некоторые экспонаты, таким образом, успели сохранить.

Культурная жизнь города и в условиях осады продолжалась. В частности, не прерывалась традиция отмечать Пушкинские даты. Во дворе квартиры поэта на наб. р. Мойки, дом 12, поблизости от Эрмитажа, 10 февраля 1942 года собралось всего пять человек, но традиция продолжала жить! Собравшиеся тихо постояли, а потом шепотом произнесли: «Красуйся, град Петров, и стой непоколебимо, как Россия». Позже, 6 июня 1943 года здесь же, на Мойке 12, несмотря на начавшийся обстрел, отметили 144-ую годовщину со дня рождения великого поэта ...

Что делали школьники

Очень полезной оказалась работа подростков по дальнейшей защите Ленинграда. У меня дома все понимали, что происходит в городе и не спрашивали, почему я иной раз возвращалась очень

поздно. Наши дежурства в составе школьного отряда самозащиты МПВО продолжались и днем, и ночью. В городе возводились дополнительные защитные укрепления. И мы, старшекласники, не оставались в стороне от этой работы, добросовестно выполняли все задания по защите города, которые могли доверить нам как школьникам-подросткам.

Уже в начале июля 1941 года мы приняли активное участие в работе открывающихся дополнительных военных госпиталей. В первую очередь нам было поручено помогать оборудовать один из новых госпиталей в пустующей 232 школе Октябрьского района, на улице Плеханова (Казанская). Здесь мы таскали кровати и другую мебель, медицинское оборудование, выполняли другие распоряжения старших. Помню, как я со своей подружкой упала на лестнице, когда мы тащили тяжелую железную кровать. Наши мальчики тут же подскочили и помогли нам. Очень много было примеров и более серьезной взаимовыручки! Работа в госпитале была крайне необходима, в город уже поступало много раненых с фронта. Среди них были и очень тяжелые. Нередко приходилось участвовать и в размещении вновь прибывающих раненых по палатам. А как много было среди них совсем молоденьких защитников, но уже покалеченных войной! Некоторые из раненых были ненамного старше нас...

Так через работу в госпиталях мы видели, что делали нацисты на нашей земле. Гитлер, начав войну с СССР, рассчитывал на скорую победу, но этот миф был развеян уже на Лужском рубеже.

Очень скоро нам разрешили дежурить непосредственно в палатах с ранеными. Мы понимали, как им тяжело. Можем ли мы как-то облегчить их страдания? Наше общение с ранеными оказалось им очень нужным и в какой-то мере их отвлекало и успокаивало от всего недавно пережитого и увиденного. Мы читали и писали письма, рассказывали о нашем прекрасном городе и его жителях, о нашей школе, об огромной работе всего населения Ленинграда, вставших, как один, на защиту своего города. Среди раненых были очень тяжелые, некоторые с ампутированными конечностями. Как жестоко с ними обошлась война! Как нам, иногда до слез, было их жаль, но мы не имели права это показывать им.

Раненые к нам относились очень хорошо, с уважением, несмотря на наш юный возраст. Всем нам было по 15–16 лет, и часто слы-

шались слова: «подойдите сестричка, доченька». Сколько благодарности было в их глазах, и сколько бы ни прошло с тех пор лет, я этого забыть не смогу. Кроме посещений палат и общения с ранеными, мы помогали медсестрам и санитаркам отделений готовить перевязочный материал, бегали в аптеку за лекарствами, выполняли другие поручения. Мы делали все, что надо было отделениям, как бы это ни было непривычным. Слишком трудно? Такого вопроса не возникало в юных головах. Это надо было! Мы никогда не произносили таких слов «не умеем, устали...». Ни со временем, ни с выходными, ни с усталостью, никто из нас не считался. Мы понимали, что, помогая раненым, мы помогаем своему городу, который сейчас находится в таком крайне тяжелом и опасном положении. Именно здесь, в госпитале у раненых, мы окончательно поняли, как много бед и несчастий несет эта война не только нашему городу, но и всем людям...

Дежурства в госпитале вскоре привели нас к решению устраивать для раненых концерты самодеятельности. Среди нас нашлись и певцы, и танцоры, и другие таланты. Я, например, вспомнила довоенные свои занятия в балетном классе при Дворце пионеров, которые посещала уже несколько лет и прервала только с началом войны. Однажды я на нашем концерте исполнила русскую пляску. В другой раз вместе с мальчиком из нашего же отряда самозащиты мы станцевали задорный танец «Яблочко». Как-то один из легкораненых тут же пустился вместе с нами в пляс. Мы почувствовали, что наши самодеятельные выступления раненым очень понравились. Это их отвлекало от переживаний, поднимало им настроение. Вскоре мы решили продолжить наши концерты-выступления не только в одной, но и в других палатах. В августе — сентябре у нас было свободное время, так как учеба в школе еще не начиналась, и мы могли дольше оставаться в госпитале. Когда мы уходили с дежурств, раненые всякий раз просили: «Приходите, пожалуйста, еще много, много раз! Нас это отвлекает от пережитого, становится как-то легче». Какая была непринужденная и очень доброжелательная обстановка в госпитале!

В начале октября 1941 года началась учеба в школе, и наши посещения госпиталя прекратились вообще или были очень редкими. Раненые, узнав об этом, перед выпиской разыскивали нас по всем

отделениям. Им очень хотелось поблагодарить нас за все хорошее, что мы пытались сделать для них, и попрощаться с нами. Прошло столько лет, но я не могу забыть этих улыбающихся добрых и благодарных глаз раненых. Это был наш первый опыт помощи в защите своего города в борьбе со злейшим врагом-захватчиком.

Война подходит ближе

Хотя мы и не были на поле боя и не держали в руках винтовки, но понимали, что живем на переднем крае, в прифронтовом городе, перенося все тяжести лишений и невзгоды войны. Ленинградцам, было нелегко, и это понимали во всех уголках нашей страны и даже за ее пределами. Все пытались помогать ленинградцам, чем только можно было. Отовсюду, преодолевая большие трудности, а порой и опасности, присылали в блокадный город с любой оказией продукты питания, теплые вещи, подарки детям даже с фруктами и сладостями. Вся страна поддерживала нас добрым словом, вниманием и призывала верить в победу.

*Сжимает город тяжкая блокада,
Нам нелегко дается каждый час.
Друзья мои,
Перетерпеть все надо,
На жертвы хватит мужества у нас.
Ведь столько дум при слове «ленинградцы»
Встает сейчас во всех краях земли.
За все, за все заплатит враг сполна.
Друзья мои, в самих себя мы верим,
Как в нас давно поверила страна.*

С. Спасский

Джамбул Джабаев, народный поэт Казахстана, большой друг ленинградцев, обратился с теплыми словами к жителям города на Неве, который оказался во вражеской осаде:

*Ленинградцы, дети мои!
Ленинградцы, гордость моя!*

.....
*Не за тем всем, братья, служил,
Чтоб забрался ползучий гад
В город сказочный, в город — сад:
Не за тем к себе Ленинград
Взор Джамбула приворожил.
Будут снова петь соловьи,
Будет вольной наша семья,
Ленинградцы, дети мои!
Ленинградцы, гордость моя!*

(Сентябрь, 1941 г.)

Композитор Дмитрий Шостакович часть блокады провел в Ленинграде. С первых же дней войны, как член бригады самозащиты консерватории, активно участвовал в мероприятиях по обороне города. Как только объявлялась воздушная тревога, он поднимался на чердак и, если нужно, тушил зажигательные бомбы. Вот как композитор оценил роль защитников города: «Исторически победа фашизма нелепа и невозможна, но я знаю, что спасти человечество от гибели можно только сражаясь».

Дм. Шостакович на крыше Консерватории — член отряда самозащиты МПВО

Еще некоторое время после начала войны мы продолжали жить как бы по законам мирного времени. Но это только казалось! В городе все стремительно изменялось: люди, улицы, сам город. Уже введено военное положение, и все живут по законам войны. Купола церквей и храмов больше не сверкали золотом. Они были покрыты специальной защитной серой краской. Вместо памятников «красовались» огромные причудливой формы коробки из досок. Всюду была светомаскировка, синие лампочки в подъездах, а на улицах малолюдно. Очень скоро все мы, ленинградцы, стали понимать, что случилось что-то страшное, неожиданное и может быть еще хуже. Это была война! Война, очевидно, длительная. Позже, как оказалась, она продолжалась 1281 день. Изменились и сами ленинградцы. Ходили все медленно, понуро, опустив головы, и очень своеобразно одетые. Чаще это были ватники, платки на голове, у многих пальто-ватник перетянут ремнем для сохранения собственного тепла, на ногах бурки с галошами. В городе было много военных.

*По целям без промаха бьет пулемет,
Под крыльями вихри клубами...
Нет! Враг никогда в Ленинград не пройдет,
Не быть ленинградцам рабами.*

.....

*Мы будем драться с беззаветной силой,
Мы одолеем бешеных зверей,
Мы победим, клянусь тебе, Россия,
От имени российских матерей!*
*И женщины с бойцами встанут рядом,
И дети нам патроны поднесут,
И если завтра будут баррикады —
Мы не покинем наших баррикад!*

О. Берггольц

Мы, подростки, уже повзрослевшие, были рядом со взрослыми. В августе 1941 года мне исполнилось 16 лет, и я стала совсем взрослой, как мне казалось, совсем другой... Мы, по-прежнему, были связаны с нашей, пока пустующей 239 школой и продолжали выполнять все задания районного отделения МПВО. Помню, как

мы, группами по 3–4 человека, дежурили на близлежащих улицах и следили повсюду за порядком, в том числе за светомаскировкой. Все были бдительны и по-взрослому ответственны.

А. Прокофьев с болью в сердце воспринял положение в Ленинграде:

*Вся Отчизна встала для отпора,
Все свои святыни отстоим.
Ленинград, родной, любимый город,
Многославлен мужеством своим.
Вот он, друг мой, брат мой самый близкий,
Он любовью вечной наделен.
Каждый камень, каждый дома выступ
Нашей алой кровью закрепен.
Величавый, суровый, — кто не знает его!
Вот он, весь заснеженный, стоит под обстрелом,
Не сгибаясь, не дрогнув,
Он, сметая преграды, вновь в бессмертие входит.*

Немецкое командование все еще стремилось овладеть Ленинградом любой ценой, не жалея ни людей, ни великих памятников истории, ни самого города. Им нужна была только быстрая победа. Гитлер ставил первоочередной задачей — во что бы то ни стало и как можно скорее овладеть городом на Неве. 23 августа 1941 года Гитлер издает очередной приказ: «Отрезать Ленинград и установить связь с Финляндией. Затем занять Ленинград и сравнять его с землей». Немецко-финские войска были брошены на Ленинград и после ожесточенных боев вышли на Государственную границу 1939 года.

Наше участие в качестве членов школьного отряда самозащиты МПВО продолжалось. Открывались все новые и новые госпитали в пустующих школах, гостиницах, больницах, в некоторых учреждениях. Военные госпитали уже развернулись и принимали раненых в Михайловском замке, во Дворце пионеров, в библиотеке Академии Наук, в Мариинском дворце и в других зданиях. На Исаакиевской площади, на углу улицы Герцена (Большая Морская), был открыт большой военный госпиталь в помещении бывшего немецкого посольства. Здание, построено в 1911 году в классическом стиле, от-

деланное красным гранитом и своей величавостью, но некоторой мрачностью выделялось среди других на Исаакиевской площади. Но теперь и оно служило делу борьбы против фашистской Германии.

По рекомендации районного отделения МПВО нам было поручено вместе с персоналом гостиниц «Астория» и «Англетер» подготовить часть номеров под госпиталь для приема раненых. Мы и в этой работе также активно участвовали, проявив максимальную дисциплинированность, ответственность и выдержку. Задание было выполнено в срок. Вскоре сюда стали прибывать раненые с фронта. И их было много!

Положение в городе ото дня ко дню ухудшалось, нависла реальная угроза штурма города и уличных боев. Все это прекрасно понимали и стойко переносили все лишения. Мы, подростки, не оставались в стороне и постоянно участвовали в различных работах по защите города. Вскоре нам было поручено помогать оборудовать вновь открывающиеся убежища, которых в городе оказалось недостаточно. Обычно бомбоубежища устраивались в полуподвальных помещениях жилых домов и в некоторых общественных зданиях. Прежде всего, необходимо было привести в порядок вновь выделенные помещения для укрытия населения во время воздушных тревог. Надо было освободить их от хлама и мусора и минимально подготовить. Нужно было подумать и о вывесках, указывающих местонахождение бомбоубежищ. Помню, что нам очень часто помогали в этой работе мальчики и девочки из младших классов нашей же школы, хотя они и не были в составе бригад самозащит МПВО. Малышам тоже хотелось быть полезными городу. Они от нас не отставали и все время спрашивали: «Что еще надо сделать?». Все прекрасно понимали всю серьезность положения в городе. Во время воздушных тревог в нашу обязанность входило сопровождать население в бомбоубежище. По радио редела сирена, и диктор объявлял: «Воздушная тревога, воздушная тревога! Движение транспорта прекратить. Населению пройти в бомбоубежища!». Сейчас, уже задним числом, можно сказать, что бомбоубежища действительно спасли много ленинградских жизней. Те же, кто ленился идти в них во время воздушной тревоги, сурово поплатились... Так чуть не стало и со мной, когда в наш дом прямым попаданием угодила фугасная бомба и разрушила часть здания, но об этом я расскажу дальше.

В бомбоубежищах во время воздушной тревоги собиралось много народа, в том числе и детей, для которых мы из дома приносили детские книжки, разные игрушки. Люди по-разному здесь себя вели: некоторые молчали, некоторые вспоминали былую жизнь, иногда не могли удержаться и вспоминали о еде, о том, как мы жили в довоенное время, но никто не возмущался из-за сегодняшних трудностей. Часто обсуждали положение на фронтах и, в частности, на Ленинградском фронте. Вражеские войска готовились к штурму города, и все были начеку.

Появление карточек

В июле-августе 1941 года в город прибывало большое количество беженцев из уже оккупированных пригородов Ленинграда и из Прибалтики. Несмотря на массовую эвакуацию населения в глубь страны, в городе все же оставалось еще очень много людей, более двух с половиной миллионов населения. Всех надо было накормить. Катастрофически уменьшались запасы продовольствия на складах. Все это вынудило руководство города с 17 июля 1941 года ввести карточную нормированную систему выдачи хлеба и основных продуктов питания, а также мыла, спичек, керосина. Для упорядочивания снабжения продовольствием города карточки на хлеб и на продукты прикреплялись к близлежащим магазинам. Я отлично помню свою булочную на улице Союза Связи, куда я ежедневно ходила в 5–6 часов утра, чтобы занять очередь за хлебом. Были случаи, когда хлеба хватало не всем. Эти походы мне давались нелегко. Ведь надо было вылезти из теплой постели, одеться и идти на холод. В кухонке все тепло от буржуйки за ночь уходило, и стены были покрыты инеем. Превозмогая слабость и холод, я отправлялась в булочную. Кругом темнота, пустынная Исаакиевская площадь, а я одна бреду по узкой протоптанной тропинке к булочной. Хотя она находилась близко от дома, но это была тяжелая и опасная дорога — в любой момент мог начаться налет... Но чувства страха не было. Это была необходимость — надо было! Продуктовые карточки всей семьи были прикреплены к магазину «Звездочка», на углу улиц Гоголя (Малая

Морская) и Дзержинского (Гороховая). Он тоже был близко от дома, но надо было пройти через всю Исаакиевскую площадь, которая была небезопасной в виду возможного вражеского обстрела или бомбежки и отсутствия мест укрытия. Всюду нас могла поджидать опасность...

Вся обстановка с продовольствием предвещала трудности. В первых числах июля, с самого утра, я с мамой отправлялась «охотиться» за продуктами, которые еще можно было кое-где купить без карточек. Помню, что это были дорогие консервы (крабовые, шпроты), печенье, сухофрукты, из круп — чечевица. Не забыть, как мы стояли в длиннющей очереди в хорошо известный ленинградцам магазин «Соки», на углу Невского проспекта и улицы Марата. При везенье мы с мамой на двоих могли купить один килограмм сухофруктов. Это были: урюк, курага, изюм, сушеные яблоки. Удавалось еще здесь же купить несколько пакетиков с сухим киселем, суррогатный кофе. Это все так впоследствии нас выручило!

Военный город

Обстановка в городе становилась все более напряженной, непредсказуемой и опасной. Надо было привыкать к новому военному облику Ленинграда. В городе продолжали копать траншеи, противотанковые рвы, строить доты и дзоты, зашивать окна первых этажей досками с амбразурами, поперек улиц устанавливали в большом количестве противотанковые надолбы, сооружали баррикады, строили огневые точки, увеличивалось число зенитных батарей, проверялось состояние всех старых и вновь сооруженных укрытий в жилых домах.

*Горжусь, что в эти дни, как никогда,
Мы знали вдохновение труда.
В грязи, во мраке, в голоде, в печали,
Где смерть, как тень, тащилась по пятам,
Такими мы счастливыми бывали,
Такой свободой бурною дышали,
Что внуки позавидовали б нам.*

О. Берггольц

Зимой 1941 года

Мы вместе с нашими учителями продолжали возводить дополнительные защитные сооружения в Александровском саду, который находился, как я уже упоминала, напротив нашей школы. Город превращался буквально в неприступную военную крепость. Кругом гремят зенитные батареи. У памятника «Медный всадник» стояло зенитное боевое подразделение, защищавшее небо от вражеских мессершмиттов. Зенитчики базировались в первом этаже нашей школы. Мы с

Баррикады на улицах Ленинграда

Зенитное подразделение на площади Декабристов (Сенатской)

ними иногда общались. Такие же зенитные батареи в огромном количестве были установлены по всему городу. Зенитчики все время были наготове и били по целям, чтобы не допустить немецких стервятников к городу. Им уже удалось поднять на большую вы-

соту полеты вражеской авиации. Это тоже, в какой-то степени, уменьшало тяжелые последствия воздушных налетов. Тут по понятной ассоциации я вспоминаю одного знакомого военного летчика, героя Советского Союза Харитонову Василия Николаевича. Сражаясь на Ленинградском фронте, он уничтожил 31 фашистский самолет, сделал

Зенитные батареи на наб. Невы

Зенитное подразделение на Васильевском острове

более 400 боевых вылетов. В мирное время В.Н. Харитонов возглавлял отряд авиадиспетчеров в службе движения аэропорта Пулково.

А тогда, в конце августа — в сентябре все это еще и еще раз напоминало нам о приближении к городу нацистской армии. Враг буквально стоял у стен города, всего в 6–8 км от Кировского завода и в 14–18 км от Дворцовой площади. Кондуктор трамвая, идя на кольцо Средней Рогатки, объявлял: «Следующая остановка конечная и дальше фронт...».

Главкомандующий группы войск «Север» генерал-фельдмаршал фон Лееб старался исполнить приказ Гитлера и войти в Ленинград 15 сентября 1941 года. 21 августа 1941 года Гитлер передал руководство по захвату Ленинграда генерал-фельдмаршалу Манштейну. Наступало особо тревожное время. Мы, старшекласники, буквально дневали и ночевали в школе и постоянно выполняли рейды по улицам района, оценивая обстановку. Не исключались уличные бои, и наша помощь, как отряда самозащиты МПВО, очень могла бы пригодиться.

*Зенитчики
во время боя*

*Мы знаем — нам выпали горькие дни,
грозят небывалые беды,
но Родина с нами и мы не одни,
и нашу будет победа.*

О. Берггольц (октябрь 1941 г.)

*О. Фирсова натягивает чехол
на шпиль Петропавловского
собора*

Маскировочные работы в городе, начатые еще 27 июня 1941 года, продолжались. Шпили Адмиралтейства, Петропавловского собора, Михайловского замка и других «одевали» в специальные защитные чехлы. Эту очень трудную и опасную работу выполняли спортсмены-альпинисты: Ольга Фирсова, Александра Пригожина, Алоизий Земба, Михаил Бобров. Иногда им приходилось вновь проделывать этот трудный путь, чтобы восстановить маскировку, поврежденную ветром и осколками снарядов.

Клодтовы вздыбленные кони, украшающие Аничков мост, с помощью подъемных кранов были сняты

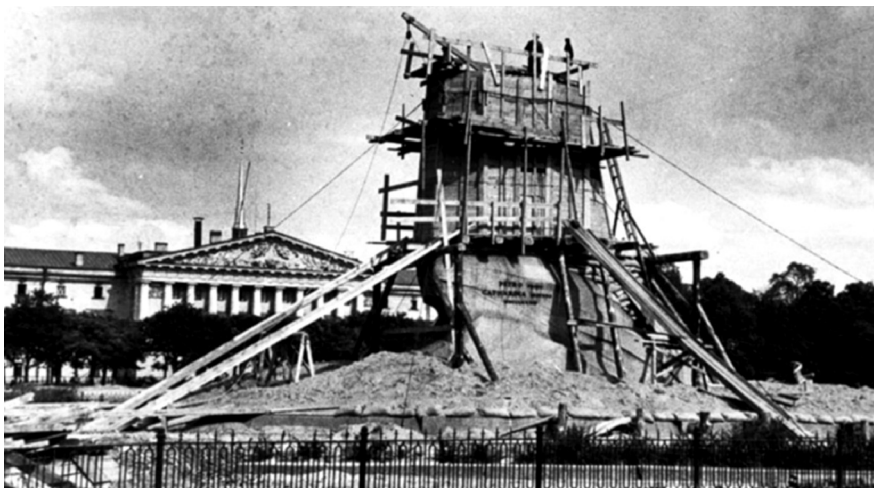

Клодтовых коней снимают с пьедестала

с пьедесталов и перевезены в сад Дворца пионеров (бывший Аничков дворец). Здесь их опустили в специально подготовленные глубокие ямы и засыпали землей. Памятники Екатерине II, Николаю I и «Медный всадник» были обложены мешками с песком и защищены досками. Остались без маскировки в городе только четыре памятника, которые, как бы символизировали защиту нашего города. Это были: памятники Кутузову и Барклаю-де-Толли (у Казанского собора), Суворову на Марсовом поле, напротив Кировского (Троицкого) моста и Стерегущему в Александровском парке на Петроградской стороне.

Маскировка Клодтовых коней в саду Дворца пионеров

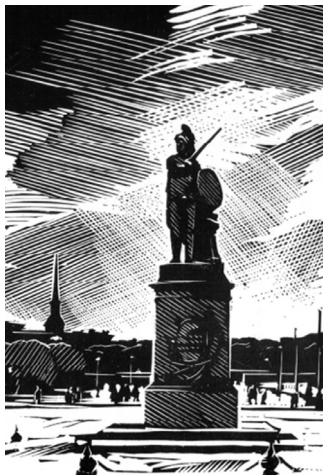

Маскировка памятника «Медный всадник».

*Среди балтийских солнечных просторов,
Пред широко распахнутой Невой,
Как бог войны, встал бронзовый Суворов
Виденьем русской славы боевой.*

*В его руке стремительная шпага,
Военный плащ клубится за плечом,
Пернатый шлем откинут, и отвага
Зажгла зрачки немеркнущим огнем.*

В. Рождественский

Памятник Суворову

Мимо этих «стражей» уходили бойцы народного ополчения прямо на фронт. К счастью, ни один из этих памятников-защитников не был серьезно поврежден в блокаду Ленинграда, и это тоже поддерживало нас — они выстояли, выстоим и мы!

Михаил Дудин, пройдя мимо памятника Суворову, написал в 1942 году:

*Я проходил у Кировского моста,
Навытяжку у памятника встал.
Он вдаль глядел по-человечьи просто.
Осколок поцарапал пьедестал,
А он стоит и крепко держит шагу.
От грохота не отводит лица.
Найди в себе такую же отвагу
И бейся до победного конца.*

Фашистско-немецкие войска продолжали приближаться к Ленинграду, и никто из защитников города не считался ни со временем, ни с физической, ни с моральной усталостью. Надо было отстоять свой город и не допустить захвата его противником. Все были как в боевом строю. Да, было страшно, но паники в городе не было, никто не сдавался и не жаловался. Все понимали реальную обстановку, необходимость выстоять и не позволить врагу войти в наш город, поработив нас. На Кировском заводе в эти и последующие дни рабочие ремонтировали военную технику для фронта в ледяных цехах. Были случаи, когда рабочий умирал прямо у станка. Но кировцы приняли присягу — «Умрем, но не сдадимся!» И они, и все ленинградцы сдержали клятву, фашисты не вошли в Ленинград! Впоследствии фашисты прошли по улицам нашего города и даже по Невскому проспекту как пленные, но не как победители!

Положение в городе было очень тяжелым и опасным. С 10 сентября Главкомандующим Ленинградским фронтом для руководства всеми боевыми действиями был назначен генерал армии Г.К. Жуков. 12 сентября 1941 года немецкие войска заняли Красное Село и устремились к Урицку. Наступили решающие дни грандиозной битвы за Ленинград. Г.К. Жуков решительно и четко приказал — «Ни шагу назад. Не сдавать ни одного вершка земли на ближних подступах к Ленинграду». Самыми трудными и опасными были для Ленинграда 15–17 сентября 1941 года. 18 сентября в оккупации оказался город Пушкин. Немецкие войска укрепились в Урицке и Лигове. Но 25 сентября руководство войск противника поняло, что их силы иссякли и штурмом город не взять. Гитлер был взбешен — рушились его планы молниеносного захвата Ленинграда. Город ожесточенно бомбился и обстреливался. Одновременно противник

стал окапываться у стен Ленинграда и сооружать бетонированные оборонительные укрепления в несколько рядов.

Мы по-прежнему, как бойцы МПВО, выполняли в эти тревожные для города дни все возложенные на нас обязанности по его защите. Каждое утро я шла в свою школу, чтобы быть на боевом посту. К этому времени на нашем счету было уже более 20 обезвреженных зажигательных бомб. Была завершена обработка противопожарной краской всех деревянных деталей на чердаках школы. Было собрано и сдано на приемные пункты более 3000 пустых бутылок для зажигательных смесей, задержано два подозрительных человека (диверсантов или шпионов), доставленных в ближайшее отделение милиции для уточнения личности. Много другой полезной и незаметной, на первый взгляд, работы подростки выполняли в своих микрорайонах в самые опасные для города дни. Уличные бои могли начаться в любое ближайшее время. Мы даже не допускали мысли, что наш город может быть сдан врагу, и так думало подавляющее большинство ленинградцев.

Несмотря на всю сложность обстановки на Ленинградском фронте, в городе продолжались работы по дальнейшему укреплению и строительству новых защитных сооружений: возводились баррикады и устанавливались в большом количестве противотанковые надолбы поперек улиц у самой линии фронта, строили новые огневые точки, в ход пошло большое количество колючей проволоки. По-прежнему ночью можно было ходить по городу только по специальным пропускам. Тревожно было передвигаться по такому городу — кругом угнетающая тишина, малоллюдно и полумрак.

Помню, как наша семья по вечерам собиралась в маленькой кухне и убеждала себя — «Надо все перетерпеть и выжить! Только не надо падать духом». Таков был наш семейный девиз! Мы его выполнили!

В обязанности школьных бригад МПВО кроме работы на чердаках школы входили и рейды по улицам своего микрорайона для проверки состояния светомаскировок в домах и общего порядка на улицах. Если обнаруживались изъяны в светомаскировке, «нарушителей» ставили на особый учет. Были случаи, когда диверсанты действительно подавали световые сигналы противнику. Блокадный

школьник, поэт, Ю. Воронов так вспоминал эти тяжелые и опасные периоды жизни города.

*Мы знаем:
Клятвы говорить непросто.
И если в Ленинград ворвется враг,
Мы разорвем последнюю из простынь
Лишь на бинты,
Но не на белый флаг.*

Ю. Воронов

Эту клятву ленинградцы сдержали, и немецко-фашистские войска не вошли в Ленинград и не поработили нас, хотя были реальные условия войти в город, но его защитники твердо стояли на своих постах.

*Враги ломались в город наш свободный, —
Крошились камни городских ворот...
Но вышел на проспект Международный
Вооруженный народ*

.....

Умрем, но Красный Питер не сдадим!...

О. Берггольц

И когда 29 августа немецкая армия подошла вплотную к городу Колпино, рабочие Ижорского завода встали на защиту и не пустили фашистов в свой город. И город продолжал укрепляться.

Враг все ближе

*Татьяна Элькинд (Ефремова),
1942 год.*

Вот несколько воспоминаний от моей старшей сестры Татьяны. В конце августа она подала документы в Педиатрический Медицинский институт и была зачислена на I курс. Вскоре студентов перевели на казарменное положение, и пришлось сдать свои продовольственные карточки, а взамен получать 3-х разовое питание в студенческой столовой. Сразу же студенты всех курсов подключились к переоборудованию части клиник в палаты для приема раненых. Все студенты стали донорами. Был уже назначен первый донорский день. Кровь сдавали ежемесячно. Донорством студенты гордились — ведь это тоже был вклад в победу над ненавистным врагом. Сестра сдала 24 раза кровь и получила бла-

годарность. Педиатрический медицинский институт находился на Выборгской стороне города и далеко от нашего дома. Тане удавалось навещать нас очень редко. Всякий раз она приносила нам часть донорского продуктового набора. Для нас это была серьезная добавка к нашему скудному рациону. Вспоминаю, как в одно из своих посещений сестра рассказала случай из своей институтской жизни, как члена бригады МПВО. В октябре 1941 года студенты вместе с дружинницами МПВО разбирали завалы дома после очередного авианалета. Им пришлось откапывать и погибших. Порой они были такими изуродованными. Для молоденьких девушек это оказалось стрессовой ситуацией и они еще долго всего этого ужаса забыть не могли... Придя вскоре домой, Таня все рассказала нам и мы тоже не могли унять слез.

В Ленинграде продолжалась эвакуация населения, которая в основном осуществлялась по железной дороге с Московского вокзала или на баржах по Ладожскому озеру. Во время одной из таких водных переправ, в результате бомбежки погиб весь выпускной курс Военно-медицинской Академии им. С.М. Кирова с сопровождающими их профессорами и преподавателями. Среди погибших

был и Сергей Грачев — сын наших многолетних друзей. Как он хотел быть военным врачом и мечтал плавать по морям и океанам! Судьба распорядилась иначе. На берегу Ладожского озера, недалеко от причала, воздвигнута памятная стела с выгравированными именами всех погибших курсантов и их наставников.

В другой раз после очередного вражеского авианалета на поверности Ладожского озера плавало большое количество детских панамок... Таких чудовищно варварских способов истребления людей мир еще не знал!

В августе 1941 года город превратился в несокрушимую военную крепость. Как Ленинград теперь уже отличался от прежнего, одного из красивейших городов мира! Как прекрасны были архитектурные ансамбли, памятники, храмы, музеи, театры и другие неповторимые шедевры! Все восхищались нашим городом. Теперь же город стоял по-прежнему величаво, но был совсем, совсем другой... Всюду полумрак, в домах светомаскировка, на улицах немногочисленно. Наши красивейшие памятники зашиты досками, здания неповторимой архитектуры превращены в огневые точки. На улицах часто встречались добровольные отряды МПВО. Это преимущественно были девушки с винтовками за плечами. Горожане выглядели напряженными, сдержанными и одетыми совсем не так, как прежде. Любимой одеждой стали: ватник, бурки и что-то теплое на голове. Мы выглядели не как прежние ленинградцы. Ведь когда-то не только Ленинградом, но и ленинградцами гордились люди всей страны. Очень хорошо помню, как летом наша семья поехала отдыхать на юг, и нам надо было снять помещение для отдыха, и как местные жители, узнав, что мы из Ленинграда, с радостью предлагали нам свои дачи. Так было до войны.

*Город сильных, мужественных, смелых,
Непреклонных, волевых людей...
Холод, голод, бомбы и обстрелы
Не затмили красоты твоей!*

*Ты стоишь как прежде величавый.
Строг и строен длинных улиц ряд,
Только подступы к твоим заставам
Сжаты грозным валом баррикад.*

*Отгрохочут залпы над заставой,
Будет враг разгромлен, скомкан, смят.
Озаренный доблестью и славой,
Встанет над страной Ленинград.*

А. Соловьев.

Теперь на улицах часто встречались добровольные отряды МПВО. Город по-прежнему был почти полностью окружен противником. Уже оказались в оккупации великолепные дворцовые пригороды Ленинграда: Пушкин, Павловск, Петродворец, Гатчина.

Уже после войны членами союза «Юные участники обороны Ленинграда» в 210 школе при содействии ее руководства был открыт музей «Школьники блокадного Ленинграда». Здесь было собрано много реликвий блокадного периода: школьная парта, буржуйка, коптилка, вещи быта того времени и многие другие памятные предметы. Мы, члены нашего добровольного Союза, помогали оформлять стенды, собирали фотографии, ценные документы. Все это сохранялось до печального момента, когда музей был разграблен и ликвидирован. Кто этому способствовал, так установить и не удалось! Огромная заслуга нынешнего руководства 210 школы, зав. музеем Л. В. Кавырзиной и блокадника В.Н. Киршина в восстановлении этого уникального музея. Сейчас он посещается ленинградцами и гостями нашего города. В памятные дни «Скорби и Печали» — 27 января и 9 мая — у памятной доски на Невском пр., 14 проходят митинги-встречи блокадников и руководства Центрального (Куйбышевского) района, чтобы вспомнить еще раз о героическом подвиге ленинградцев в годы блокады и почтить память погибших, в том числе и школьников. Встает почетный караул из учащихся этой школы. В эти памятные дни здесь собирается много народу, не только блокадников, но и молодежи. После митинга на автобусах все отправляются на Пискаревское кладбище почтить память защитников Ленинграда и возложить цветы, венки к монументу «Матери-Родина».

Глава 2.

Первая зима блокады

Начало блокады

Утром 29 августа с Московского вокзала успели проскочить еще два последних состава с эвакуированными и ранеными через железнодорожный узел Мга. 30 августа после кровопролитных боев город и важнейший железнодорожный узел Мга были оставлены нашими войсками. Была перерезана последняя магистраль, соединяющая Ленинград со всей страной. Прервалась связь и с Москвой.

4 сентября на улицах Ленинграда разорвались первые артиллерийские снаряды. Фашисты вели артобстрелы преимущественно с Вороньей горы, откуда хорошо просматривался весь город. Вскоре на домах, обращенных на юго-запад и юг, появились предупреждающие население надписи: «Граждане! При артобстреле эта сторона улицы наиболее ОПАСНА». Сейчас такая надпись, как память о том времени, сохранилась на фасаде дома 14 по Невскому проспекту, где находится 210 школа Центрального (Жуйбышевского) района. Аналогичные надписи сохранились и на одном из домов по Лесному проспекту, и на Васильевском острове.

Положение в городе оставалось угрожающим. Авианалеты не прекращались. Вражеские войска окопались у стен города. В связи с такой напряженной обстановкой в городе начало учебного года, как обычно это было 1 сентября, отложили до особого распоряжения. Не было на улицах в этот день радостной школьной детворы, нарядно одетой с цветами, не было и музыки и праздничного, всеми любимого дня — ПЕРВОГО СЕНТЯБРЯ. В городе в это время слышалась орудийная канонада, непрекращающийся гул самолетов, частые воздушные тревоги и тревожные сводки с Ленинградского и других фронтов Великой Отечественной войны.

Надо признаться, что в эти дни нам было страшно, хотя позже чувство страха у блокадников вообще исчезло, мы уже ничего не бо-

ялись! Но все же привыкнуть к войне не возможно. Никто ничего конкретно не знал, но понимал, что в считанные минуты все может коренным образом измениться в худшую сторону, и немец войдет в город...

Несмотря на такую опасную обстановку в городе, по традиции мы все же собрались в нашей, 239 школе, 1 сентября. Кругом было тихо и пустынно. Мы, члены отряда самозащиты, к этому времени уже могли подвести некоторые итоги, проделанной нами работы по защите нашего города от фашистского нашествия и наметили план действий на ближайшее время.

В августе 1941 года в связи с угрожающим положением в Ленинграде собрались члены ГКО решать вопрос о дальнейшей судьбе города, о возможной его сдаче... Член ГКО и Военного Совета А.А. Жданов твердо заявил — «Город сдавать не будем!».

В город в большом количестве забрасывались диверсанты и шпионы. Сейчас такие слова кому-то могут показаться преувеличением, или даже просто пропагандистской акцией. Но так оно и было на самом деле. Поэтому ленинградцы понимали, что всем нам надо было быть начеку.

8 сентября удалось прорваться к Ленинграду двум вражеским самолетам и произвести первую бомбежку. Разрушилось несколько домов, и появились первые жертвы среди мирного населения. Как стало известно, во время воздушных налетов немецкие летчики пользовались не обычными картами города, а картами объектов, которые подлежали прицельному огню и уничтожению в первую очередь. Это большей частью были вовсе не военные объекты, а школы, больницы, детские сады, госпиталя, Дворец пионеров, наиболее людные остановки городского транспорта и другие, важные и многолюдные места. Немецким летчикам даже были известны часы и места наибольшего скопления людей. Так, Эрмитаж был под номером 9, Дворец пионеров — 192, психоневрологическая больница на наб. р. Пряжки — 96. Вот так сухие цифры этих номеров говорят об аккуратном, даже скрупулезном варварстве фашистской Германии!

8 сентября 1941 года после упорных и кровопролитных боев нашими войсками был оставлен город Шлиссельбург. Бойцы крепости Шлиссельбург еще некоторое время самоотверженно защищали свои позиции до последнего бойца... Так, Ленинград с 8 сентября

1941 оказался практически в полном кольце вражеских немецких и финских войск. Город стал во всех отношениях фронтовым. **Начался отсчет дней и ночей блокады города, которых оказалось почти 900.** Этот день стал одним из самых героических и трагических в истории Великой Отечественной войны Советского Союза. Были прерваны все сухопутные связи Ленинграда с Большой землей. В городе оставалось более 2,5 млн населения, в том числе 400 тыс. детей. В день начала блокады Ленинграда вечером в разных районах ленинградцы могли наблюдать на небе огромное желто-черное облако. Это горели продовольственные Бадаевские склады и маслоперерабатывающий завод, который находился поблизости. Зрелище было ужасное, а последствия — трагическими. Острейшей проблемой стало снабжение города продовольствием в условиях осады.

Атаки противника продолжались. 9 сентября началось новое наступление немецких войск по всем направлениям. Массовый штурм города не исключался и мог начаться в любой момент, ведь враг стоял у самых стен города. Это хорошо понимали все. Еще раз проверялись все защитные сооружения и готовность дать отпор в случае штурма. Город патрулировался отрядами самозащиты МПВО. Улицы были перекрыты баррикадами, противотанковыми надолбами, большим количеством огневых точек. Кругом были проволочные заграждения, окна первых этажей превращены в амбразуры с установленным в них оружием.

В ответственный и критический период защиты города, 10 сентября 1941 года, Ставкой Главнокомандования был назначен Главнокомандующим Ленинградского фронта генерал армии Г.К. Жуков, который руководил всеми боевыми действиями с первого же дня прибытия в Ленинград, прямо из Смольного. Им был дан приказ — «Ни шага назад. Не сдавать ни пяди земли!».

Смертельная опасность нависла над городом. Я не могу не сказать хоть несколько слов о моем ощущении этой всеобщей тревожности в связи с реальной угрозой штурма города в те критические дни. Помню, что я тогда понимала всю угрозу, нависшую над городом, и было на душе очень не спокойно. Был момент, когда я немного растерялась и не знала, что мне делать — то ли идти домой, и быть всем вместе, или же идти в школу к своим товарищам. Правильно или нет, но я пошла в школу. Мы еще раз проверяли состояние близле-

жащих оборонительных сооружений и свою готовность в случае необходимости защищаться.

Я с моими одноклассниками и учителями продолжали тушить зажигалки на чердаке школы, следили за порядком на улицах, вылавливали подозрительных людей, сопровождали население в укрытия во время тревог. Такое тревожное и опасное положение в городе продолжалось в течение всего сентября и особенно 15 числа, одного из самых угрожаемых периодов ленинградской битвы.

Руководство фашистской Германии и Главнокомандующий армий «Север» фельдмаршал Лееб убедились, что взять город сходу, как требовал фюрер к 15 сентября, невозможно из-за серьезного сопротивления войск Ленинградского фронта и горожан. Им было известно, что Ленинград продолжает усиливать свои позиции по обороне города и готов дать решительный отпор противнику в случае его наступления. Это означало, что попытка взять город штурмом привела бы к большим потерям живой силы фашистской армии. Понимая это, немецкий Военно-морской штаб издал секретную директиву «О будущем города Петербурга». В ней говорилось: «Фюрер решил стереть город Петербург с лица земли. После поражения Советской России нет никакого интереса в дальнейшем существовании этого крупного населенного пункта... Предложено тесно блокировать город и путем обстрела из артиллерии всех калибров и непрерывной бомбежки с воздуха — сравнять его с землей...». В другом документе Гитлер вновь приказывает взять город измором...

*Враг силой не мог нас осилить,
Нас голодом хочет он взять,
Отнять Ленинград от России,
В полон ленинградцев забрать.*

Н. Тихонов

Итак, к 19 сентября гитлеровцам стало ясно, что штурмом город не взять. Немецкие войска остановились у самых его стен. Фашистское командование берегло живую силу, и они стали усиливать свои позиции, создавая несколько укрепленных зон вокруг Ленинграда. Часть своих войск фельдмаршал Лееб перебросил на Москву, где 5 октября началось мощнейшее их наступление. На севере финские войска в августе 1941 года, после безуспешных попыток прорвать рубеж укрепления на Государственной границе СССР 1939 года, вынуждены были прекратить дальнейшие наступательные операции и перейти к осаде города по реке Сестра, близ Сестрорецка. Враг сжимал кольцо вокруг Ленинграда. Агрессивность противника была ужасающей — мощнейшие бомбардировки и артобстрелы.

19 сентября 1941 года фашисты совершили варварский воздушный налет на большой военный госпиталь на Суворовском проспекте, д. 50. В здание попали три крупнокалиберные фугасные бомбы и несколько зажигательных. Возник огромный пожар, который быстро охватил все здание, преградив выход из него. В огне пожара, самого взрыва и обрушений погибло 600 раненых бойцов и большое количество медицинского персонала госпиталя. Здание пра-

Мемориальная доска на Суворовском пр., д. 50.

ктически было уничтожено. Всего погибло в этой катастрофе около тысячи человек. После войны на фасадной части восстановленного здания установлена мемориальная памятная доска. Об этом зверском преступлении было известно на Нюрнбергском процессе, который тянулся почти год, с 20 октября 1945 года по 1 октября 1946 года, по приговору которого военные преступники фашистского вермахта понесли суровое наказание.

Буквально через 3 дня, 22 сентября 1941 года, фашисты совершили новое злодеяние — разбомбили дворовые постройки Гостиного двора, где погибло более 100 человек. Зверские бомбардировки, рассчитанные на большие человеческие жертвы гражданского населения, продолжались. 16 октября сгорел аттракцион «Американские горки» на Петроградской стороне, рядом с Народным домом и зоопарком. Была убита слониха. Мы с ужасом смотрели на огромный пожар и даже ощущали запах гари на другой стороне Невы.

Школа, театры и радио

Хотя положение на Ленинградском фронте несколько стабилизировалось, противник укреплял свои позиции и продолжал производить массированные воздушные и артиллерийские налеты. Тем не менее, руководство Ленинграда сочло возможным с 6 октября 1941 года объявить начало учебного года в 5–10 классах 39-ти школ города. Младшие классы пока к учебе не приступали. Мы, учащиеся 239 школы, в этот день, как раньше, собрались в вестибюле школы, где были обычно до войны вывешены списки учащихся по классам и расписание уроков. Сразу стало ясно, что нашего довоенного 8-а класса больше нет. В теперешнем, единственном 9 классе из прежних учеников осталось только двое: Таня Михеева и я. Многие из наших одноклассников к этому времени уже эвакуировались, некоторые пошли работать или ушли добровольцами в армию. Как сейчас помню, мой сосед по парте, Юра Борисов, который часто дергал меня за косички, уехал с семьей в Сибирь. Конкретно судьбу всех остальных учеников установить не удалось. В город постоянно прибывали беженцы из уже оккупированных близлежащих приго-

родов и Прибалтики, поэтому список учеников нынешнего 9 класса стал совершенно новым и нам незнакомым. Надо было привыкать! Учеба началась без всяких скидок на осадную обстановку в городе. Классы размещались преимущественно на втором этаже. На первом этаже были столовая, медицинский кабинет, учительская. Часть помещений первого этажа, как я уже упоминала, была занята бойцами зенитной батареи, которая стояла в Александровском саду, около памятника «Медный всадник» и защищала город от вражеской авиации. Грохот зениток мы слышали и в школе, и дома. Действительно все было как на войне, а мы были ее участниками...

До середины ноября 1941 года мы учились в еще более или менее теплых и светлых помещениях, хотя большинство окон уже были забиты фанерой. Пока нас в школе подкармливали. Обед обычно состоял из соевого или дрожжевого супа, который выдавался без карточек, а второе уже по карточкам. Чаще всего это была маленькая котлетка с гарниром. Вскоре и эти очень скромные обеды прекратились... В школу приходило все меньше и меньше учеников, в том числе и в наш класс. Начались голодные смерти среди взрослых и детей. При объявлении воздушной тревоги уроки прекращались. Все ученики со своими преподавателями в обязательном порядке спускались в бомбоубежище, в бывшем гардеробе и продолжали занятия уже здесь. После отбоя тревоги мы вновь поднимались в свои классы, и уроки шли в обычном порядке по расписанию. Никаких послаблений на военное время города-фронта нам учителя не давали: были опросы, контрольные и домашние задания. В свободное от учебы время я вместе с бойцами школьного отряда самозащиты МПВО продолжала ходить в наш подшефный госпиталь. Всякий раз раненые встречали нас с радостью. В концертах самодеятельности теперь участвовало уже больше учеников нашей школы, чем в начале.

Стоит сказать и о том, как много доброго, поддерживающего и вселявшего уверенность в нашу победу, делало для всех нас ленинградское радио, неумолкающее ни на минуту и связывающее город со всей страной. С нами всегда оставались дикторы ленинградского Радиокomiteта Мария Петрова, Нина Чернявская и Виктор Балашов. Часто выступали блокадные поэты Ольга Берггольц и Вера Инбер, писатели Вера Кетлинская, Ольга Форш, Всеволод

Артистка О. Нестерова

Вишне夫斯基, Николай Тихонов, Всеволод Азаров, Александр Крон, Лев Успенский и другие. Мы слушали выступления народной артистки Ольги Преображенской, Ольги Нестеровой, Николая Янета, Ирины Короткевич и многих других заслуженных людей.

Именно в эти дни по радио прозвучало и знаменитое обращение композитора Дмитрия Шостаковича к ленинградцам: «Держаться, не сдаваться!». Композитор в самый тяжелый период блокады оставался в Ленинграде и состоял в отряде самозащиты Консерватории.

Часто звучали по радио голоса военных журналистов- корреспондентов Лазаря Маграчева и Матвея Фролова. Во время блокады они вели в прямом эфире радиопередачи о подвиге Ленинграда, порой непосредственно с фронта. Мы всегда знали обстановку на фронте и в тылу. У меня сохранился граммофонный диск 1979 года выпуска. Это была документальная композиция, составленная Л. Маграчевым из своих выступлений на фронте и на ленинградском радио, названная им — «Вызываем прошлое на себя». На этом диске профессиональным голосом в прямом эфире он правдиво рассказывал о героической битве за Ленинград, о трудностях, выпавших на долю ленинградцев. Этот уникальный диск с дарственным автографом был подарен мне лично Л. Маграчевым. Я его храню как ценнейшую реликвию памяти о блокаде Ленинграда.

По радио в своих выступлениях защитники Ленинграда на всю страну вновь и вновь рассказывали правду об ежедневном героизме ленинградцев и бойцов на фронте, о жизни в заблокированном городе и призывали всех к выдержке и стойкости — Город живет! Город должен выдержать!

Нашим верным другом, помимо радио, был и «трудяга» метроном. Во время воздушных тревог и в интервалах между ними метроном подавал «сигналы жизни» ударами разной частоты: учащен-

Диск военного
корреспондента
Л.Маграчева

ный — при воздушных и артиллерийских налетах, и замедленный, монотонный — после отбоя тревоги.

*Во тьме казалось: город пуст;
Из громких рупоров — ни слова,
Знакомый, верный, вечно новый,
То был не просто метроном,
В часы тревоги учащенный,
Но наше твердое «живем!»
Не дремлет город осажденный.*

О. Берггольц

О. Берггольц

Газета «Ленинградская правда» ежедневно выходила всю блокаду, кроме одного дня — 25 января 1942 г. из-за отсутствия электроэнергии.

Город упрямо жил, защищался и старался сохранять свои традиции. Всю блокаду в осажденном Ленинграде оставался и работал театр Музыкальной комедии, который после очередной бомбежки и разрушения части здания вынужден был свои выступления продолжить в помещении эвакуированного

Александрийского театра. Помню, как перед началом спектакля мы спрашивали: «Нет ли лишнего билетика?». Я со своими подругами всегда готовилась к походу в театр. Туда мы ходили наряженными, сняв свою блокадную одежду. Все это, безусловно, поднимало наше настроение и помогало немножко отвлечься от трудной действительности. Желающих попасть в театр было много. Помню до сих пор, как мы с подругами с удовольствием в блокадном городе смотрели такие спектакли как «Свадьба в малиновке», «Сильва» и незабываемую премьеру «Раскинулось море широко». В осажденном Ленинграде периодически работали Филармония и театр «Из Блокады».

Наука, институты и защита города

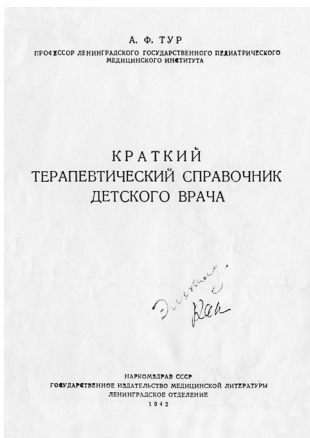
Далеко не все организации города были эвакуированы, в том числе, учебные и научные. Я стараюсь восстановить кое-что о их работе, а сначала отмечу, что не прекращала своей работы Государственная Публичная библиотека им. Салтыкова-Щедрина. В ее читальных залах, после короткого вынужденного перерыва, пусть в ледящем холоде, в пальто, шапках и перчатках, но продолжали работать ученые,

В читальном зале библиотеки им. М.Е. Салтыкова-Щедрина

писатели и просто ленинградцы. Так, профессор А.Ф. Тур (Главный Педиатр блокадного Ленинграда) весной 1942 года издал очень нужный для врачей справочник — «Краткий терапевтический справочник детского врача». Это тоже так ярко характеризует ленинградцев в блокаду! Значит, мы в самые трудные месяцы не упали духом! Издательская работа не прекращалась.

Врачебный справочник проф. А. Ф. Тура, Ленинград, 1942 год

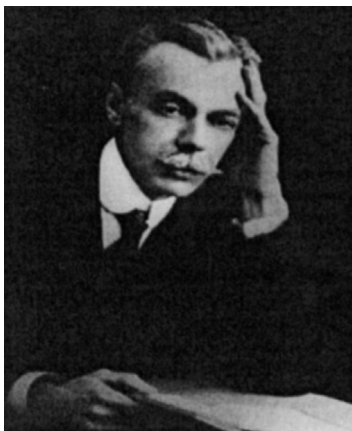
Поскольку я уже более 35 лет работаю в Российском Нейрохирургическом институте им. проф. А. Л. Поленова — филиале «СЗФМИЦ РФ», несколько подробнее остановлюсь на его роли в годы блокады Ленинграда, отметив его большую роль в обороне города и в защите его тружеников. Все 900 дней осады Ленинграда, почти без перерыва, институт напряженно работал. Все его

сотрудники сразу же после объявления войны переключились на оказание профессиональной нейрохирургической помощи, как военным раненым, так и гражданскому населению. Во главе института и кафедры нейрохирургии ГИДУВа с 1938 года стоял профессор А. Л. Поленов, имя которого носит институт сейчас, который не покидал его ни на один день — здесь он работал и здесь же жил. С пер-

В блокадном городе оставались и работали только несколько ВУЗов: институт Железнодорожного транспорта, Педагогический институт им. Герцена, Политехнический, Педиатрический Медицинский институт. Частично эвакуировался I ЛМИ им. акад. И. П. Павлова. Был даже проведен блокадный прием в Академию хореографического училища им. А. Вагановой. Может быть, были и другие учебные заведения, но мне это было не известно.

В хореографическом училище им. А. Вагановой

Проф. А.Л.Поленов (1871-1947)

вых дней войны А.Л. Поленова назначили консультантом, Главным нейрохирургом Ленинграда и Кронштадта. Его ближайшего соратника профессора И.С. Бабчина, мобилизованного в действующую армию в начале войны, сразу же назначили Главным нейрохирургом Ленинградского фронта. Он возглавлял большой военный госпиталь на 1200 коек на базе НИИ им. Отто. Профессор И.С. Бабчин одновременно с руководством большим военным госпиталем активно участвовал в научно-практической работе Нейрохирургического института. Под руководством А.Л. Поленова в

В операционной

На обходе больных

годы блокады кроме И.С. Бабчина в институте работали такие известные нейрохирурги, неврологи, офтальмологи, рентгенологи, патофизиологи, патологоанатомы, как А.В. Бондарчук, И.С. Васкин, В.А. Волков, А.Г. Молотков, А.Я. Сальман, В.С. Галкин, В.И. Гаккель, А.В. Абраков, Е.М. Гольцман, Л.П. Ревякин, И.С. Кудрин. Некоторые из них были направлены в действующую армию. Преданный своему делу и долгу медперсонал института круглосуточно оказывал специализированную помощь раненым.

Вот характерный случай: во время одного из артобстрелов осколочные ранения получил оперирующий в это время нейрохирург А.В. Бондарчук. После оказания ему медицинской помощи он вновь встал за операционный стол и продолжил оперировать.

А вот целая типичная для врачей и для института история. В 1942 году, досрочно окончив Московский медицинский институт, молодой врач А.Г. Земская была направлена для работы в осажденный Ленинград. По Дороге жизни она прибыла в медпункт на берегу Ладожского озера для оказания первой медицинской помощи эвакуируемым. Правда, приступив к работе, она чуть не совершила врачебную ошибку, назначив из чувства жалости дополнительное

питание изголодавшимися ленинградцам. Это вовремя обнаружили старшие товарищи и, конечно, отменили это «гуманное» назначение. А.Г. Земская на всю жизнь запомнила, что после длительного голодания много есть категорически нельзя. Это не только вредно, но и смертельно опасно. Проработав какое-то время на Дороге жизни, А.Г. Земская была направлена Ленгорздравотделом для работы в Нейрохирургическом институте. Здесь, освоив основы оказания медицинской помощи нейрохирургическим раненым под руководством проф. А.Л. Поленова, она впоследствии стала высококвалифицированным оперирующим нейрохирургом. За научные достижения А.Г. Земская была удостоена высокого научного звания — профессора и проработала в институте до конца жизни.

А.Г. Земская

Под руководством и при непосредственном участии профессора А.Л. Поленова сотрудники института, наряду с практической лечебной работой, продолжали выполнять научно-фундаментальную и педагогическую работу. Опыт лечения нейрохирургических раненых был обобщен А.Л. Поленовым и его сотрудниками в ряде монографий и практических руководств, причем как в период блокады города, так и после ее завершения. Это: «Нейрохирургия в Военно-Морском флоте» (1941); «Основы военно-полевой нейрохирургии» (1942); «Основы практической нейрохирургии» (1943); Атлас операций на головном и спинном мозге (1945); «Хирургия вегетативной нервной системы» (1947).

В самое тяжелое время первой блокадной зимы Нейрохирургический институт в один из дней значительно пострадал от прямого попадания двух фугасных бомб и был вынужден временно разместиться в пустующей школе, на Моховой улице в доме 26, и без перерыва продолжал оказывать нейрохирургическую помощь всем раненым.

За большой вклад в оказание нейрохирургической помощи раненым на фронте и жителям блокадного Ленинграда профессор А.Л. Поленов в 1944 году был избран Действительным членом АМН СССР, был награжден орденами Ленина, Трудового Красного знамени, медалями «За оборону Ленинграда» и «За доблестный труд в Великой Отечественной войне». Уже после войны, в 1957 году Нейрохирургическому институту было присвоено имя профессора А.Л. Поленова. Многие сотрудники института за самоотверженный труд в годы Великой Отечественной войны были награждены орденами и медалями. Все это относится не только к врачам, но и к остальным сотрудникам. Так, всю войну, начиная с 1941 года, в институте работали медсестры А.И. Павлова, С.Ф. Наумова, А.И. Комиссарова.

Большую помощь и участие в защите города оказали сотрудники Ботанического института, которые в содружестве с медиками и технологами разработали добавки к блокадному хлебу в виде пищевой целлюлозы и белковых дрожжей. Ими также был разработан хвойный экстракт для борьбы с авитаминозом. Сколько раненых и блокадников было спасено этими людьми никто не считал. Ясно только, что их было очень много.

Давление и сопротивление

Всем нам, защитникам Ленинграда, было нелегко, но мы всегда чувствовали поддержку всей страны.

19 сентября 1941 года Дмитрий Шостакович выступил по радио с обращением ко всем ленинградцам. О. Берггольц, вспоминая эту речь, сказала, что хотя голос его звучал суховато, четко и внешне был спокоен, но говорил он с большим внутренним волнением. Композитор сказал: «Жизнь в осажденном городе не прекращается...у самых ворот города идут жестокие бои с врагом, рвущимся в город, и до площадей доносятся орудийные раскаты... Два часа назад я закончил две части Седьмой симфонии». Французский писатель Жан-Ришар передал из Москвы оккупированной Франции: «Вся страна замолкает. На улицах приостанавливается движение.

В чем дело? — Говорит Ленинград. Голос известный каждому русскому. Имя известное всему миру — имя композитора Дмитрия Шостаковича».

Тем временем, запасы продовольствия в городе истощались. Бадаевские продовольственные склады и маслоперерабатывающий завод уже сгорели. Население Ленинграда не уменьшалось, а увеличива-

лось, несмотря на продолжающуюся эвакуацию. Это происходило за счет постоянно прибывающих беженцев из многочисленных, уже оккупированных пригородов и Прибалтики. Продовольствием надо было обеспечивать всех.

Продолжалась маскировка важнейших зданий и объектов. Стекла окон заклеивали крест-накрест полосками бумаги для сохранения их при авианалетах. Но, как оказалось позже, эта мера безопасности не принесла пользы.

6 ноября 1941 года, несмотря ни на что, накануне праздника детям выдали по 200 грамм сметаны и по 100 грамм картофельной муки. Занятия в школе продолжались, хотя учеников становилось все меньше и меньше... В такой обстановке учиться было очень трудно, но мы упорно продолжали ходить в школу. В наш 9 класс уже приходило на уроки только по 6–8 человек, но учителя все же нас не бросали. Нередко мы видели, как нелегко приходится и самим учителям. Они ведь уже были также полуголодными и озабоченными своими непростыми домашними проблемами. Прямо в школе умер учитель физики (его фамилия — Силаков, имя, к сожалению, не помню). Учитель истории Ксения Владимировна Ползикова-Рубец вспоминала эпизод жизни в блокадном городе. Ей пришлось сказать школьникам: «После похорон урок продолжим — умерла ученица одного из наших классов». И все пошли ее хоронить. И такое бывало...!

Дм. Шостакович за работой над Седьмой Ленинградской симфонией

Фашисты продолжали бесчинствовать как в небе, так и на земле. Город забрасывали листовками с призывом «Сдаваться!». Особенно много их было на Исаакиевской площади. Помню, как однажды, площадь буквально была превращена в белое покрывало этими фашистскими призывами. Возвращаясь домой из школы, мне приходилось проходить через Исаакиевскую площадь, все это я лично видела, но не было никакого желания поднять эти лживые листочки и прочитать их. Было не только не интересно, но и противно! Хотя сейчас я жалею, что не сохранила хоть один такой листок для потомков.

*Над городом
Фашистские листовки:
«Сдавайтесь
И свергайте комиссаров».
Нам обещают
Жизнь без голодовки,
Покой
Взамен блокадного кошмара.*

Ю. Воронов

Обстановка в городе оставалось очень опасной. Враг по-прежнему рвался к Ленинграду! Но ленинградцы мужественно и с полной отдачей сил и самосознанием защищали свой любимый город. У всех было одно горе. Люди ходили под ежеминутной смертью.

*Все туже смертная петля
На горле города-героя.
Нет! Не дадим петлю стянуть!
Дорогу к городу — не троньте!*

О. Берггольц

В предпраздничные ноябрьские дни 1941 года немецкая армия становилась все более агрессивной. Участились и стали более массированными налеты авиации и артиллерии на город, причем не только днем, но и ночью. Ленинградцы с нетерпением ожидали наступление из Москвы. Все гадали, будет ли говорить, как обычно,

6 ноября Сталин? Он выступил по радио с краткой речью, обращаясь ко всем войскам и населению.

7 ноября на Красной площади в Москве, назло фашистской Германии, состоялся исторический военный парад. С трибуны Мавзолея Сталин призвал бойцов Красной армии и всех тружеников мужественно защищать свою Родину. Бойцы с парада уходили прямо на фронт. Москва в эти крайне напряженные дни переживала очень опасный период — мощнейшее наступление немецкой армии на нашу столицу.

В эти же предпраздничные ноябрьские дни после очередного вражеского артиллерийского обстрела, снаряд разорвался вблизи одной из колонн западного портика Исаакиевского собора, повредив ее осколками. После отбоя воздушной тревоги я пошла в магазин на ул. Гоголя, в нашу «Звездочку» и, проходя через Исаакиевскую площадь, увидела на одной из колонн следы от разорвавшегося вблизи артиллерийского снаряда и много гранитных осколков. Недолго думая, я собрала несколько осколков колонны и принесла их домой, в качестве реликвии. Долго они хранились у меня. В 1964 году наша семья переезжала на новую квартиру, и тут-то я вспомнила: «А где же мои осколки от колонны Исаакиевского собора?». Мама совершенно спокойно ответила: «Я их выбросила, думала, что это просто какие-то камни». Вот так я и распрощалась с дорогими для меня «сокровищами». Но это далеко не самое страшное и обидное из всего того, что пришлось пережить и прочувствовать в годы безумной фашистской блокады.

Нацисты безжалостно пытались сломить сопротивление наших войск и ленинградцев, чтобы овладеть городом. Они были уверены в скором падении Ленинграда, так как находились на пороге самого города, у самых его стен. Бойцы немецких армий «Север» были уверены, что выполнят указ Гитлера и овладеют Ленинградом к 15 сентября. Цинизм их дошел до того, что на 7 ноября 1941 года был даже назначен праздничный банкет по случаю захвата города в гостинице «Астория», которая находилась, как будто по иронии судьбы, напротив бывшего германского посольства, и где теперь был развернут большой военный госпиталь. Были даже отпечатаны пригласительные билеты на банкет. Но этого не случилось! Нацисты вошли в наш город несколько позже, но не как победители, а как

Пленные немцы на Невском проспекте

пленные. Я без всякого чувства жалости наблюдала за этим шествием по Невскому проспекту, напротив Публичной библиотеки. Толпы людей высыпали на улицу. Все молча наблюдали понурое шествие пленных фашистов. Вид у них был ужасный — одеты в какие-то лохмотья. Никаких оскорблений, выкриков с нашей стороны слышно не было.

В наш дом попала бомба

Блокада города и ее тяжелейшие последствия приняли затяжной характер. Несмотря на предпринятые нашими войсками несколько наступательных операций по деблокированию города, прорвать осаду не удалось из-за существенного преобладания живой силы и техники у противника. Участились и становились все более массированными вражеские налеты. Множились жертвы среди гражданского населения. Оставалась проблема с продовольствием.

На всю жизнь я запомнила 5 ноября 1941 года, когда наш микрорайон подвергся особенно жестокой бомбардировке в сочетании с артобстрелами. Это были: улицы Якубовича, Союза Связи, бульвар Профсоюзов (Конногвардейский), площадь Труда и близ-

лежащие переулки. Именно в этот день, в 7 часов вечера, фугасная бомба прямым попаданием разрушила часть нашего дома и подворотню (ул. Якубовича, д. 4). Я была дома одна. Родители ушли по каким-то делам, а я осталась готовить домашние уроки и сидела около окна. Помню, что читала заданное нам произведение Гоголя «Мертвые души». Объявили воздушную тревогу, но я увлеклась чтением и не пошла в бомбоубежище, которое было в полуподвале нашего же дома, но по другой лестнице. Вдруг совсем близко гул приближающихся вражеских самолетов, свист, неимоверный грохот, темнота, запах пороха, кругом дым и пыль. Все закачалось, зазвенели разбитые стекла в окнах и посуда в шкафу, вылетели рамы, и сорвало с петель межкомнатные двери. Я испугалась и прижалась почему-то к подоконнику. Взрывной волной меня отбросило к противоположной стене комнаты, и дальше я уже ничего не помнила (по-видимому, потеряла сознание). Сколько времени это продолжалось, я не знала. Когда пришла в себя, немного посидев на полу, я кое-как поднялась и почувствовала удушающий запах пороха. Меня колотило от всего произошедшего и увиденного. Все было в дыму и в пыли. Дышать было очень тяжело. Поваленной оказалась часть мебели. Сразу я даже не поняла, что произошло. Через короткое время я оделась и спустилась вниз во двор, в наше бомбоубежище. Здесь на меня все накнулись с криками: «Разве ты не знаешь, что бомба попала прямо в наш дом? Часть дома и подворотня разрушены, погибли люди. Это ведь были наши соседи! Где ты была?!». Тут-то я только и поняла, что случилась большая беда...

Вскоре, после отбоя воздушной тревоги, вернулись мои родители и, подойдя к дому, увидели весь этот ужас — части дома как и не бывало — она разрушена. Наша квартира была во дворе и, по-видимому, напрямую не пострадала, но этого родители еще не знали и были в ужасе: «Где и что с нашей дочерью?». Во двор попасть было невозможно, так как подворотня и прилегающая часть фасада дома были полностью разрушены фугасом и завалены рухнувшей частью дома. Что с ними было, когда они увидели все это, я узнала только потом... Мама потеряла сознание и упала, а папа находился в состоянии полнейшей растерянности, но держался. Под руинами оказалась целая семья из трех человек, которых мы

хорошо знали. Это были мать, отец и младший сын — старший был на фронте. Через короткое время соорудили настилы, и через проемы окон сохранившейся части квартиры в первом этаже, родители смогли попасть во двор. Прежде всего, они увидели, что наша квартира цела и, очевидно, их дочь не пострадала и жива. Но что с ней и где она? Надо срочно ее разыскать, так как в квартире ее не оказалось. Они прошли в наше бомбоубежище и в одном из темных углов увидели свою плачущую дочь. От радости, что я жива, они немного успокоились и даже не стали меня расспрашивать о произошедшей трагедии, и не пострадала ли она. Немного посидев в бомбоубежище, мы кое-как успокоились, и все вместе пошли домой. Здесь только увидели, что стало с нашей квартирой! Это был полнейший погром! Надо было думать, что делать дальше и где жить — в комнатах гулял ветер, и было очень холодно. Остаться здесь было невозможно.

Одновременно с прямым попаданием бомбы в наш дом, было разрушено и соседнее здание (улица Якубовича, д. 6), где погибли два ученика из нашей школы. Они тоже не пошли в бомбоубежище, когда объявили тревогу, а спрятались на лестнице, куда и угодила бомба.

Фугасная бомба, весом в одну тонну, как оказалось позже, в это же время попала в операционный зал Главпочтамта, ул. Союза Связи (Почтамтская), д. 13. К счастью, бомба не разорвалась и ушла глубоко в землю, повредив линии связи и разрушив часть здания. Бомбу извлекли и обезвредили только после войны. Сразу же после отбоя воздушной тревоги папу и других сотрудников Главпочтамта вызвали на работу расчищать завалы и восстанавливать связь. Работа продолжалась всю ночь, и только утром следующего дня папа вернулся домой. Теперь уже нужно было всей семьей наводить порядок и в собственной квартире после бомбежки.

На следующий же день после случившегося, несмотря ни на что, с утра я пошла в школу, а мама и папа — на работу. Вечером, прежде всего, папа начал ремонтировать рамы окон и забивать их фанерой. Хотелось хоть немного сохранить тепло. Мы с мамой взялись за уборку квартиры. Вся сохранившаяся мебель была покрыта толстым слоем пыли, и ее тоже надо было частично отремонтировать. А что творилось на полу — трудно даже передать словами!

Преодоление холода и страха

В этот же вечер возник вопрос, что нам делать дальше? В наших 2-х комнатах оставаться жить нельзя — было очень холодно. На улице уже была минусовая температура, ведь зима в этот год была особенно ранней и суровой. Мы решили перебраться жить в нашу маленькую кухоньку, которая находилась в середине квартиры, и «опасных» окон в ней не было. Большим преимуществом ее была и небольшая плита, которую можно было протапливать дровами. Стали приспособлять кухню для жилья. Родители устроили свое спальное место прямо на плите. Мне соорудили постель из двух ящиков, которые случайно оказались в кухне. Бабушка Вера перебралась жить к одинокой соседке в первом этаже нашего же дома. В середине установили буржуйку, и папа вывел трубу в окно комнаты. Но буржуйка не спасала от холода, она быстро остывала. Надо было думать о дровах, и здесь нам сопутствовала блокадная «удача». Наша квартира имела сарай для дров совместно с жильцами по нашей же лестнице, но этажом выше. Соседи эвакуировались еще в августе, и все дрова достались нам. Правда, их оказалось, как и собственных дров, не так уж много. Все же нас это выручило, и первое время мы имели возможность протапливать плиту. В феврале запас дров иссяк, и пришлось думать, как быть дальше. Частично использовали собственную старую мебель на дрова. Это были табуретки и старый шкаф из коридора. Еще можно было прикупить немножко дров на рынке, где они продавались вязанками. Все это, конечно, не спасало нас от холода. По утрам стены покрывались инеем, пальто и шапки (платки) мы уже не снимали и спали в одежде. Особенно доставалось мне, когда надо было вылезти из теплой постели и идти очень рано в булочную занимать очередь за хлебом. А ведь бывали случаи, когда хлеб доставался не всем...

Мне приходилось идти по узюхонькой протоптанной в снегу тропинке через Исаакиевскую площадь на улицу Союза Связи к своей булочной, к которой мы были прикреплены. Кругом никого, темнота и тишина. Было ли мне страшно? — Я просто не думала об этом тогда! Мною руководило чувство долга. Блокадники постепенно теряли чувство страха. Это не значит, что нам вообще все было не страшно. Например, мне позже приходилось ходить по темным, со-

вершенно незнакомым лестницам, отыскивать нужную квартиру и выполнять вызов к больному ребенку, когда с 17 февраля 1942 года я уже работала в поликлинике. Для шестнадцатилетней девчонки это, и правда, было страшновато. Еще страшнее было проходить по темному двору жилого дома в Канонерском переулке мимо складированных штабелями замерших трупов. Это был районный морг, куда меня направила поликлиника вместе с другой медсестрой помогать оформлять документы на умерших ленинградцев. Для работы была выделена комната на первом этаже этого дома. Конечно, страшно было, в другой раз, идти по безлюдным улицам в темноте, поздно вечером, с тяжело больным ребенком из детдома, где я работала какое-то время (об этом будет ниже) в больницу. Меня во всех этих случаях поддерживало чувство ответственности, чувство долга. Это те качества характера, которые проявляло большинство блокадников, и сохранились в послевоенной жизни.

Наша чудесная маленькая кухонька все равно не спасала нас от жуткого холода. На улице температура воздуха иногда уже доходила до 30–35 градусов мороза. Надо было думать, как выживать дальше! Нам помогла вторая блокадная «удача». Директор 239-й школы Валентина Васильевна Бабенко разрешила нам на ночь всей семьей, включая и бабушку Веру, приходить в школьное бомбоубежище, устроенное в бывшем школьном гардеробе, в полуподвале здания со сводчатыми потолками. Здесь все же было менее опасно, тепло и светло. Сюда же на ночь приходили и жильцы из соседних домов. Нередко собиралось много людей. Но все было мирно и доброжелательно. Все вместе соорудили свои «местечки». Надо сказать, что никогда недоразумений с этим не было, и никто не занимал уже облюбованных кем-то уголков. Это было негласным блокадным правилом — «не бери чужого». Проявлялось оно в годы блокады и в других случаях (об этом будет ниже) Для устройства мест для ночлега мы из физкультурного зала притащили все маты и скамейки и из этого «богатства» соорудили спальные места. Обстановка в бомбоубежище была своеобразная. Вечером все собирались вместе и делились воспоминаниями о мирном времени, и конечно, о еде. Все говорили тихо, и никто никого не обижал. Все берегли друг друга. Иногда можно было услышать: «А ты помнишь, как мы готовили из ничего» или «как мы высыпали из старых кульков и мешочков

остатки круп, которые случайно сохранились, и нас так выручали». Конечно, много говорили о положении на фронте, о дальнейшей судьбе города.

В первом этаже школы по-прежнему жила наша знаменитая нянечка — тетя Саша, которая незадолго до войны приехала в Ленинград из деревни. Это довольно часто проявлялось в ее необычных словечках, поступках. Мы, школьники, ее побаивались. В ее обязанность кроме уборки помещений, входила подача звонков на урок и с урока. Нам тетя Саша казалась всегда очень строгой, но это было ложное представление. Тетя Саша оказалась очень чуткой, отзывчивой и доброй женщиной. Это мы почувствовали, когда ночевали в бомбоубежище школы. По вечерам тетя Саша приносила для всех большущий чайник с кипятком. Как он нас всех поддерживал! Это все, казалось бы мелочью, но как оно нам, блокадникам, помогало выживать.

В бомбоубежище наша семья ночевала около полутора месяцев. Для нас, как и для всех остальных, оно стало спасением. Спасибо тете Саше, директору школы Валентине Васильевне Бабенко, и другим добрым людям, которые в условиях тяжелейшей блокады Ленинграда помогали и не бросали никого в беде. Все это, очевидно, и помогало нам, ленинградцам, выживать в блокадном аде. В 20-х числах декабря мы вернулись домой. В нашей маленькой кухоньке мы как-то старались буржуйкой поддерживать тепло.

Первая блокадная зима

Всем нам было особенно тяжело в первую блокадную морозную зиму. В городе началось уже полуголодное существование и первые голодные смерти. Не было света, водопровода, канализации. Бани и парикмахерские не работали, стоял городской транспорт, продолжались массированные и частые бомбежки и артобстрелы. Кругом было малоллюдно, и необычная пугающая тишина. Все было завалено снегом, и прямо на улицах — трупы. Это не могло ни сказаться на самом городе, который выглядел теперь уже очень мрачно. Вот в такой удручающей обстановке мы все же продолжали учиться... Многое нам пришлось пережить в блокаду! Некоторые детали умыш-

ленно упускаю, некоторые все же вспоминаю. Очень непросто вспоминать все пережитое в блокаду! Опять заговорила память...

Однажды на последнем уроке в 9 классе до нас донесся слух, что в магазине «Звездочка», где были прикреплены наши продуктовые карточки, можно выкупить кровяную колбасу, да еще и в двойном количестве против объявленной нормы выдачи мяса. Я со своей одноклассницей, Таней Михеевой, помчались туда и действительно получили колбасу. Нашей радости не было конца! А как обрадовались дома такому неожиданному подарку судьбы. Так иногда нам везло...

Нельзя не вспомнить также, что вся наша семья в блокаду была донорами, и неоднократно сдавала кровь. Это было или в институте Гематологии, на 2-ой Советской улице, или в Педиатрическом медицинском институте, где училась моя сестра и тоже сдавала кровь — я об этом уже вспоминала. Денег за сданную кровь мы не получали, но в этот день нам выдавали талон на обед в близлежащей столовой и небольшой продуктовый набор (гречневая крупа, сахар, сливочное масло).

Наверное, были и другие блокадные «удачи», но я уже не все помню. Знаю только одно, что люди в блокаду, в основном, не были озлобленными, недоброежелательными и немилосердными, хотя жилось нам всем очень трудно, но мы верили, что впереди нас ждет зеленый огонек надежды!

Помню еще одну мою блокадную привычку — греть руки о горячую кружку с кипятком. Эта привычка еще долго сохранялась в

Таня Михеева — моя одноклассница

мирное время и вызывала у некоторых удивление. А нас это выручало.

В блокаду в ходу были такие слова, названия и обороты речи, которые хорошо знали преимущественно ленинградцы. Вот некоторые из них: дуранда (спрессованный жмых подсолнечника), хряпа (квашеная капуста из первых зеленых листьев), студень из столярного клея и ремней, бурки, буржуйка, коптилка, лепешки из кофейной гущи и дуранды, дрожжевой или соевый суп и многие другие словосочетания, уже теперь забытые, но такие близкие блокадникам в то суровое время.

Я вспомнила, очевидно, лишь некоторые «спасительные способы» выживания в чудовищно тяжелые голодные годы блокады Ленинграда. Да, мы голодали, теряли близких и родных людей, на наших глазах рушились дома и погибали невинные люди. Фашисты же призывали нас в своих листовках «Сдаваться», но мы не теряли человеческого достоинства, не паниковали и верили только в победу!

После бомбежки

После артобстрела

В городе зимой 1941/42 года сложилась особенно тяжелая и угрожающая обстановка. Усилились ежедневные бомбардировки и артобстрелы. Были большие трудности с доставкой продовольствия в город, продуктовые карточки почти не отоваривались. Население недоедало и начались голодные смерти. К тому же возникли трудности с транспортом и эвакуацией населения. Желающих эвакуироваться стало больше, чем реальных возможностей. Это особенно чувствовалось в самое голодное время блокады.

Первое снижение нормы выдачи хлеба было уже 2 сентября 1941 года. Рабочие стали получать 600 гр., служащие — 400 гр., дети и иждивенцы — 300 гр. Я до сих пор помню, как умирала бабушка Вера. Ее последними словами были — «Берегите себя и друг друга». Похоронила ее, как всех ленинградцев, без гроба, завернутую в простынь. Мама и Таня увезли ее на Волково кладбище. Как тяжело было все это пережить...

После появления в открытой печати сведений о фактических людских жертвах в Ленинграде, связанных с трудностями блокадного периода, стало ясно, насколько много возникло непредвиденных проблем. После рассекречивания сведений о положении в городе в тяжелый период блокады стала ясна обстановка в городе. Вот некоторые выдержки из архивного документа. (ЦГА СПб, ф. 2076, оп. 4, д. 63, л. 147–191, «Похоронное дело»). В городе нарастал голод, увеличивалась смертность взрослых и детей. Особой городской проблемой стал вопрос с вывозом и захоронением трупов в специально отведенных местах. Появлялось большое количество трупов на кладбищах, в моргах при больницах. Незахороненные покойники были на улицах, во дворах, на лестницах. Обессилевшие горожане порой были просто не в силах довести умерших родственников до кладбища и прямо оставляли их по дороге. Катастрофически нарастало количество просто подброшенных покойников. В конце 1941 года стали открываться районные морги прямо во дворах жилых домов, задачей которых был учет трупов, оформление документации, вывоз их и захоронение спецработными. Особенно тяжелое зрелище открывалось в местах вражеских налетов. Бойцы МПВО откапывали обезображенные жертвы.

Ото дня ко дню, от месяца к месяцу погибших и умерших от голода становилось все больше и больше — смертность нарастала. Число захоронений в декабре 1941 г. по отношению к ноябрю выросло на 247%, в январе 1942 г. по отношению к декабрю — на 408%, в феврале по отношению к январю — на 108%. Эти ужасающие цифры говорят о невероятной смертности, невиданной в мировой истории войн. Дополнительные места, выделенные для захоронений уже к весне 1942 года, полностью себя исчерпали. Страшнее ленинградской блокады мир еще не знал! Появился дефицит с транспортом и рабочей силой для вывоза трупов и захоронения. Оставался нерешенным вопрос и с гробами для исполнения горестного долга погребения. О гробах пришлось забыть... На кладбищах процветало мародерство и воровство, хапуги-могильщики соглашались копать могилы в замершей земле только за хлеб, продуктовые карточки, водку и др. Были случаи, когда в одной могиле оказывалось по 2–3 захоронения, а получали «оплату» за каждого.

Наивысшая смертность от голода в городе достигла в январе-феврале 1942 года. Перед Райсоветами возникла необходимость решать вопрос о кремации трупов. Мест для массового захоронения на кладбищах и в братских могилах не хватало... Порой приходилось хоронить в траншеях и даже в противотанковых рвах. Основным местом массового захоронения стало Пискаревское кладбище. С декабря 1941 г. по 1 июня 1942 г. здесь захоронено 37142.

По рассказам очевидцев, а теперь уже и на основании рассеченных документов (ЦГА СПб...), в январе 1942 года, в городе были случаи людоедства (каннибальства), главным образом на кладбищах и в моргах. Вспоминали ужасающие картины, когда обнаруживались расчлененные трупы или отдельные человеческие сегменты. Позже, в этих местах была установлена милицейская охрана. Описать эти чудовищные случаи мне, блокаднице, не хватает никаких сил, хотя мы многое сами пережили и видели. В этом документе приводятся античеловеческие случаи в Ленинграде. К великому сожалению, это имело место, но не так уж часто...

Уже после войны мы узнали, что кремация, начиная с марта 1942 года, проходила на 1-ом кирпичном заводе, на Московском шоссе. Ныне скорбно-памятное место кремации, находится в Московском парке Победы, где заложен памятный камень и возведен уже действующий храм. До 1 января 1943 года здесь было кремировано 109925 трупов. С 1 июня 1943 года прекратилось массовое захоронение на кладбищах и в братских могилах и заменено кремацией. «Крематорий на кирпичном заводе в Ленинграде — это самый невиданный в истории». Приведенные сведения о фактическом положении в блокадном Ленинграде очень печальные. Мы, блокадники, многого не представляли себе. А может быть, это и хорошо! И так было достаточно тяжелых переживаний.

Блокада города продолжалась. Жизнь в нем по-прежнему была очень тяжелой. Голод не щадил никого, ни взрослых, ни детей. Мне уже стало известно о смерти многих знакомых людей... Эта беда не обошла ни учителей, ни школьников. Однако учеба продолжалась... Возвращение домой из школы тоже было опасным — налет мог начаться в любой момент. Спрятаться было негде — ведь путь мой домой пролегал через пустующую Исаакиевскую площадь. Укрыться на одном из портиков за колонной — было опасно. Но я

*Елена Элькинд (Кан),
Ленинград, ноябрь 1941 год*

продолжала ходить в школу и добросовестно выполняла все домашние задания. А какая я уже была худющая с серым лицом и грустными глазами. Папа меня сфотографировал в ноябре 1941 года. Уже по глазам можно было прочесть мои переживания. Улыбка на лицах блокадников, к сожалению, появлялась редко, а иначе и не могло быть — ведь мы так тяжело переносили все лишения блокады, а самое главное — теряли близких людей.

Город становился совершенно другим, непохожим на один из красивейших городов мира. Теперь в городе была тишина, темнота, трамваи, заваленные снегом, не звенели; на улицах малоллюдно. Одежда блокадников тоже была своеобразной: подпоясанные ват-

Ленинград зимой 1941 года

ники; голова, укутанная почти до самых глаз платком, на ногах валенки (у счастливых) или чаще бурки с галошами, руки в рукавицах или в муфтах. Часто встречались санки или просто фанеры с покойниками. Были случаи, когда обессиленный человек падал и умирал прямо на улице. Городской транспорт

Трамвай, заваленный снегом

стоял без окон, весь заваленный снегом. Люди передвигались по протоптаным в снегу узеньким тропинкам очень медленно.

Внешне казалось, что город вымер, но на самом деле это было не так! Ленинградцы продолжали сопротивляться и надеяться на победу. В холоде и голоде у нас оставались две спасительные радости — неумолкаемое радио и стук родного метронома — сердце блокадников.

*«Жилища наши —
В тишине угрюмой,
Лишь метроном не устаёт стучать...»*

Ю. Воронов

Наша семья, как и большинство блокадников, выживала только за счет продовольствия и хлеба, получаемых по карточкам и того минимального запаса, который мы с мамой сумели образовать в июле-августе 1941 года. В это время в некоторых магазинах еще можно было кое-что купить без карточек. Никаких знакомств в магазинах, в столовых, в больницах, на продскладах и в других подобных местах у нас не было. Все члены семьи всю блокаду трудились, не сдавались и защищали, как могли, свой город. Это, очевидно, нас и спасло!

*Горжусь, что в эти дни как никогда,
Мы знали вдохновение труда.
В грязи, во мраке, в голоде, в печали,
Где смерть, как тень, тащилась по пятам,
Таковыми мы счастливыми бывали,
Такой свободой бурно дышали,
Что внуки позавидовали б нам.*

О. Берггольц

Что же все-таки нашей семье помогало выживать в таких нечеловеческих условиях блокадного ада? Лично мне помогла физическая закалка, которую я, в основном, получила еще в довоенной школе. Уроки физкультуры уже много лет в нашей, 239 школе, вел замечательный человек и профессионал — Дмитрий Александрович Лобысевич. Он любил спорт и посвятил ему всю свою жизнь. В школе Дмитрий Александрович пропадал целыми днями. Постоянно работало несколько спортивных секций. Он умел не только заинтересовать школьников уроками физкультуры, но и привить им любовь к спорту. Наша школа всегда славилась хорошими спортивными достижениями. Прекрасный физкультурный зал был очень большим, хорошо оборудованным. Уроки физкультуры проходили не только в помещении, но часто и в Александровском саду, на свежем воздухе. Помню, что здесь была вымеренная Дмитрием Александровичем 100-метровая беговая дорожка, на которой часто проходили наши соревнования. Все уроки физкультуры под руководством Дмитрия Александровича были интересными и полезными. Я благодарна ему за то, что он подружил меня со спортом. Я занималась в гимнастической, в волейбольной и лыжной секциях, не раз участвовала в школьных, районных и даже в городских соревнованиях. Вернувшись с фронта, Дмитрий Александрович продолжал работать в той же 239 школе. Этого доброго, преданного своему делу, любящего своих воспитанников человека забыть невозможно. В 1983 году на традиционном вечере-встрече школьников блокадного Ленинграда с ветеранами я встретилась с Дмитрием Александровичем и смогла его уже лично, еще раз поблагодарить за все, что он делал для своих воспитанников и, в частности, для меня,

*Д.А. Лобысевич и Е.Л. Кан,
1982 г.*

закаляя спортивную выдержку и стойкость. Как мне все это пригодились в годы адской блокады!

Кроме увлечения спортом, я в течение нескольких лет и вплоть до самого начала войны занималась в хореографическом кружке при Дворце пионеров. Думаю, что это тоже положительно сказалось на моем здоровье, помогало выживать в годы ужасной блокады. Сопротивляемость организма ко всяким невзгодам и лишениям блокадной жизни оказалась высокой.

По-прежнему блокадные сложности жизни никуда не уходили. Все оставалось: частые бомбежки и артобстрелы, нарастающий голод, смерти близких людей, усиление морозов до 30 и более градусов, всеобщее падение сил. И все же надо было сопротивляться, не сдаваться и жить надеждой на победу. В школе также все было нелегко: на уроках мы уже не снимали верхней одежды и рукавиц, чернила в «непроливашках» замерзали. Я носила в школу эту чернильницу под одеждой, согревая ее собственным теплом. В школу стало приходиться все меньше и меньше учеников, но все же учеба продолжалась. В 9 классе осталось только 3 ученика: Таня Михеева, Мила Авина и я. Было тяжело?

Да, было трудно учиться, да еще наблюдать, как уходят из жизни близкие люди. Мне больно было смотреть и на своих родителей. Они выглядели уже совсем старичками. Ничем помочь им я не могла. Мы только твердо знали, что сдаваться нельзя, также как и залеживаться, надо было двигаться. Мы не хныкали, а боролись.

Движение — это было самым важным спасением от голодной смерти. В нашей семье все трудились, все ходили на работу или учебу. Это спасало нас. Для тех же, кто не поднимался, конец был неминуем...

В школе становилось все холоднее. Классы освещались еле-еле только коптилками. Везде был полумрак и тишина. Столовая закрылась и нас больше не подкармливали... Несмотря на все это мы продолжали ходить в школу и вместе с учителями переносить все блокадные трудности. Уже было известно о смерти некоторых учеников и учителей. В таких условиях мы учились всю вторую четверть 9 класса и закончили ее с хорошими отметками.

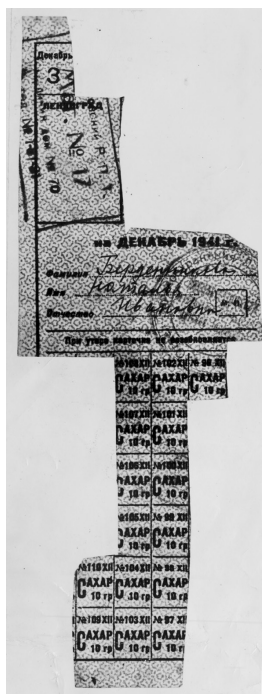
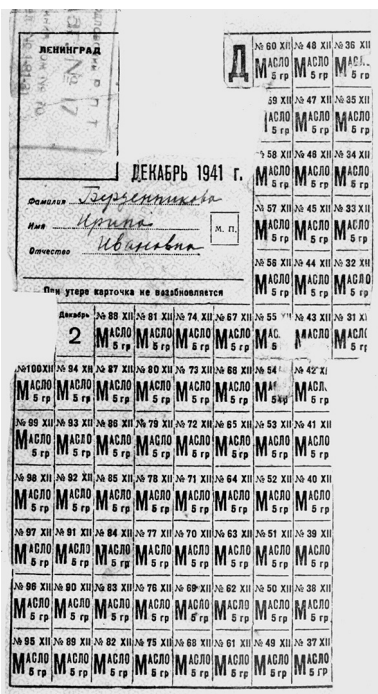
Способы и силы для выживания

К началу зимы 1941 года на складах катастрофически уменьшились запасы продовольствия и муки. Для снабжения города оставались лишь два пути связи города с Большой землей: ограниченное использование авиации и водный путь через Ладожское озеро до его ледостава. Оба пути были очень опасными — противник их бомбил и обстреливал. Ленинградцы продолжали голодать! Ольга Берггольц в письме к своей матери на Урал описала нынешнюю жизнь в блокадном городе:

*Да, родная, настали тяжелые дни,
Но поверь, нашу волю не сломят они!
Если снова настали тяжелые дни,
И бои, и лишения — не страшны они!
Пусть обстрелы, пусть холод,
Пусть каждый свой грамм
Снова бережно надо рассчитывать нам.
Рассчитаем, потерпим, не смолкнет завод!
Даже голодом города враг не возьмет!*

С 20 ноября 1941 года было вынужденное очередное, самое тяжелое, пятое снижение нормы хлеба, да еще и с суррогатной добав-

Продовольственные детские карточки

кой при почти полном отсутствии каких-либо других продуктов. В этот критический период блокады рабочие получали по 250 гр., а все остальные — по 125 «блокадных грамм с огнем и кровью пополам» — так образно назвала кусочек этого сырого черного хлеба Ольга Берггольц. Этот маленький кусочек хлеба был почти единственным продуктом нашего питания. Он умещался на ладошке. Продуктовые карточки уже практически не отоваривались. Даже по детским карточкам почти ничего не выдавали или выдавали какие-то крохи.

В самый тяжелый голодный период первой морозной блокадной зимы каждая семья решала вопрос выживания по-своему. Нам помог очень хороший настрой в самой семье. Мы были дружные, доброзелательные, уважающие, любящие и помогающие друг другу. Надо было выживать, не хныкать и, главное, — не забывать еще и о

защите города. Ведь враг не забывал о своей цели захватить город и периодически предпринимал атаки.

Мы жили в центре города и особенно ощущали непрекращающиеся бомбежки и обстрелы. Привыкнуть к вражеским атакам было очень трудно, хотя некоторые «смельчаки» уверяли, что ко всему этому можно было привыкнуть. Все блокадные трудности ленинградцы переносили по-разному. По улицам ходить было уже небезопасно: в короткие северные зимние дни большую часть времени всюду темнота, малоллюдно, городской транспорт стоял, только иногда слышался скрип саней или скрежет фанер по дороге — ленинградцы везли умерших к кладбищам, или к местам складирования их во дворах. А были ситуации и пострашнее. Разве можно привыкнуть к этим нечеловеческим условиям? Просто мы на это старались смотреть спокойнее, хотя раны на сердце от виденного не заживали. Блокадники как бы сжались в кулачок и никому не показывали своих переживаний. Я, как блокадница, все это хорошо знаю и никому не рассказывала о своем внутреннем мире, о том, как мне было тяжело. Зачем мне было расстраивать всех и прежде всего родителей.

Выживать в голодную блокаду нашей семье во многом помогала наша заботливая мама, которая умудрялась «выкручиваться» и спасать нас от голодной смерти. Прежде всего, я хотела бы отметить мамину способность уже с самого начала войны экономно, равномерно распределять среди всех членов семьи минимально имеющиеся продукты питания, выдаваемые по карточкам и из наших маленьких «запасников». Хорошо помню, как между окнами, на холоде, лежали маленькие кусочки масла, нарезанные мамой. Хлеб тоже она делила на дневные порции. Как бы тяжело не было, мы старались принимать пищу три раза в сутки и обязательно в горячем виде, запивая кипятком. Чувство сытости уже к этому времени отсутствовало. Все были готовы к худшему...

Вот еще один из способов нашего выживания в блокаду. Поздней осенью 1941 года я с мамой с заплечными мешками на трамвае ездили на окраину города, на Ржевку. Дальше мы довольно долго шли пешком до пригородных совхозных полей, где еще можно было кое-что накопать из овощей, оставленных после колхозной уборки. Об этом скоро стало известно многим ленинградцам, которые также

устремилась сюда. Я это очень хорошо помню, потому что эта «добыча» овощей нас тоже очень выручила в период страшного голода.

Больно было смотреть, как люди разных возрастов копались в земле. Прежде всего, я с мамой собирала бросовые верхние (то есть, наружные) зеленые капустные листья, выкапывала кочерыжки. Иногда попадалась мелкая картошка, морковь и турнепс. Правда, это было очень редко. Собиралось здесь довольно много ленинградцев, которые уже прослышали об этих совхозных полях. Никто нас отсюда не гнал, и мы спокойно, выкапывали и укладывали все собранное «добро» в наши рюкзаки и заплечные мешки. Нагруженные и усталые мы отправлялись в обратный путь к кольцу трамвая, опять на Ржевку. Было нелегко! Но мы были очень довольны, что нам удалось кое-что собрать, и это тоже можно будет использовать в нашем скудном рационе. Дома все добытые овощи сортировали, и если надо, было подсушивали. Больше всего мы радовались зеленым капустным листьям. Мама их солила, и получалась очень вкусная, как совсем забытая, квашеная капуста, так называемая, хряпа — великолепная добавка к нашему блокадному столу. Это выручало и спасало нас в какой-то степени, отдаляло нас от надвигающегося голода. Разве можно это забыть?! Из хряпы мама варила вкуснейшие щи или тушила ее. Обычно из приготовленной квашеной капусты получали две больших кастрюли, которые мы сохраняли на холоде: либо на подоконнике в холоднящей комнате, либо между входными дверьми, где были широкие полки. Лестница тоже уже обледенела.

Я вспоминаю один смешной случай с этой блокадной хряпой — в начале 1944 года. В гости пришла моя институтская подруга Люба Файн со своим молодым человеком, Юрой Глездышевым, курсантом училища им. Дзержинского, который вскоре стал ее мужем. Закрывая наружную дверь, он случайно поднял не тот крючок, и полка с нашей драгоценной хряпой упала на пол, и почти все пропало... Было и смешно и немножко обидно, а Юра страшно переживал, что нанес семье такой урон. Потом при случае он неоднократно, с чувством вины, это вспоминал. Тогда же, в 1944-м все смеялись, хотя и пропала драгоценная хряпа.

Теперь я уже хорошо понимаю, что все эти мамыны «хитрости» помогали нашей семье выживать в голодную блокаду. Папины

умелые руки тоже очень пригодились. Как я упоминала, после прямого попадания фугасной бомбы в наш дом и обрушений ему пришлось заняться ремонтными работами в своей квартире. Из-за холода мы перебрались жить в кухню, которая была в середине квартиры и, значит, более теплой. В старых домах часто большие коммунальные квартиры превращали в несколько маленьких отдельных квартирок с кухней, которая оказывалась внутри квартиры. Так было и у нас. Затем папа установил здесь буржуйку и дымовую трубу вывел на улицу. Из многих окон домов тогда торчали такие же трубы, и дома были похожи на «ежиков». Папа много полезного сделал в доме после памятной бомбежки и получившейся разрухи.

Большой радостью для всех была неожиданная папина находка. В его ящике для инструментов мы нашли несколько плиток столярного клея, предназначенного для мелкого ремонта домашней мебе-

Дома Ленинграда зимой 1941 года

ли. Папа до войны любил этим заниматься в свободное время. Мама же в своих хозяйственных закромах нашла две пачки сухой горчицы и приготовила из нее настоящую вкуснейшую горчицу, как в мирное время. Все эти «находки» нам вскоре такгодились! Уже известно было из рассказов блокадников, что из кожаных ремней и столярного клея можно сварить студень, очень похожий на настоящий. Мы собрали все имеющиеся в доме ремни и даже сняли их с лыж (раньше твердых креплений не было). Мама из всего этого «богатства» сварила действительно вкуснейший блокадный студень, да еще и с такой приправой, как настоящая горчица. Казалось, что нашему восхищению и нашей радости не будет конца!

Энергия мамы и ее предприимчивость были неиссякаемы, и как эти качества помогали нам выживать! И все это мама делала спокойно, без шума и суеты для блага и сохранения своей семьи. Однажды, мама решила поменять водку, которую нам периодически выдавали по карточкам для поддержания сил, на что-нибудь съедобное. Для этого она отправилась на рынок, на Сенную площадь. Домой мама пришла гордая и радостная, что ей удалось выменять водку на небольшой пакетик манной крупы. Мы уже предвкушали «пир на весь мир» — как будем лакомиться совсем забытой манной кашей! И вдруг... — полнейшее разочарование. В пакетике оказалась не манная крупа, а хорошего качества мыльный порошок. Не трата время на переживания, мама взяла меня с собой для бодрости духа, и мы пошли на тот же рынок, где нам удалось уже выменять злосчастный мыльный порошок на хлеб. Сколько было радости! Значит, в нас еще не все убила адская блокада. Оказывается, мы не потеряли еще чувство юмора и умеем радоваться даже маленьким удачам. Итак, вместо водки мы получили небольшой кусочек хлеба! Тогда мы еще не понимали, как обязаны нашей неутомимой маме, которая спасала нас от голодной смерти. И только спустя много лет я поняла, какова должна быть вся мера нашей благодарности за ее благородство и умение организовать нужную обстановку в семье в столь трудное и опасное время, как блокада.

Рынок в блокаду нас не раз спасал. Здесь еще можно было кое-что на что-то поменять. Не забыть, как я с мамой покупала куски от плиток дуранды. Дома на терке дуранду превращали в муку и пекли на буржуйке из нее лепешки. Иногда эти лепешки поджаривали на

олифе. Это тоже ведь была еда! Нам казались они очень вкусными. Точно также мы пекли лепешки из кофейной гущи. Ведь летом — осенью 1941 года можно было еще купить пачки суррогатного кофе.

Разве теперь все вспомнишь, что приходилось выдумывать в блокаду, чтобы спастись от голода. Многие что-то предпринимали. Тот, кто был пассивным — погибал. Голодали почти все ленинградцы за исключением привилегированных... А как оказалось уже после войны, их было немало.

Не могу не вспомнить один очень неприятный случай на толкучке того же Сенного рынка, очевидцем которого я была с мамой. Одна женщина, одетая очень бедно, как многие блокадники, но не с добрыми глазами, все время кого-то высматривала... Наконец подходила к своей «жертве» и что-то ей на ухо шептала. Вскоре обе они уходили подальше от толпы и осуществляли обмен какими-то паке- тиками. Как я сейчас уже понимаю, в одном из них, очевидно, были драгоценности, а в другом — хлеб. Помню, как на этом же Сенном рынке мы также с мамой меняли наши семейные реликвии, украшения и другие дорогие для нас вещи на хлеб или на что-нибудь съедбное. Так случалось и с другими голодными блокадниками, наивно считая, что это их удача. А ведь кто-то в это время был сыт и имел избыток хлеба и других продуктов. Откуда у них это было?! Ответ один: они воровали или не добавляли кому-то и обманывали. За счет голодающих блокадников эти хапуги обогащались. Ведь это был настоящий грабеж! Все это стало известно только уже после войны, когда они стали доставать свои награбленные богатства, выдавая их за свои, и дорого продавать. Нашлись такие и среди наших знакомых.

Мне хочется рассказать и о других досадных случаях. Известный драматический артист (умышленно не привожу фамилию) в самое голодное время писал мемуары, и ему надо было уже готовый материал напечатать. Откуда-то ему стало известно, что у мамы есть пишущая машинка (старый Ундервуд). Он обратился к ней с просьбой напечатать текст своих мемуаров. Работа была большая, и он предлагал расплачиваться хлебом и другими продуктами. Мама, конечно, согласилась. Это обещание оказалось во многом невыполненным. Бедная мама много времени и сил потратила на эту работу. Взамен получала в основном только одни обещания... Что-то

он давал, но ничтожно мало. Мама же стеснялась ему напоминать, и оказалось, в конце концов, что за эту нелегкую большую работу почти ничего она не получила. Мы все это видели, но молчали — это дурацкое «неудобно» Кроме того, этот же человек за ничтожную цену завладел некоторыми нашими семейными ценностями...

Ладожская дорога — Дорога жизни

Осенью 1941 года жизнь в осажденном городе, по-прежнему, оставалась очень опасной, тяжелой и ухудшалась ото дня ко дню. Важной проблемой оставалось снабжение города продовольствием. Эвакуация населения, крайне необходимая в это время, была уже затруднена. Ленинградцы все больше недоедали, началось полуголодное существование. Запасы продовольствия на продскладах таяли. К этому добавлялась и очень тяжелая обстановка на самом Ленинградском фронте. Вражеские налеты приобрели более мощный и регулярный характер. Атаки противника на город с целью его штурма не прекращались ни днем, ни ночью и были длительными — иногда до нескольких часов. Мы все это тяжело переносили. Условия переправы по Ладожскому озеру в период навигации 1941 года были невероятно тяжелыми и опасными. Трасса постоянно бомбилась и обстреливалась. Люди гибли... И несмотря на все эти трудности, крайне необходимо было продолжать вывозить из города как можно больше населения, раненых и изготовленного вооружения для фронта на Большую землю, а назад получать продовольствие.

Ладожская водная дорога в период навигации всегда была и раньше длительной и сложной. В очень тяжелых условиях первоначально груз доставлялся до Волхова, затем до Новой Ладogi, где его перегружали на баржи и по Ладожскому озеру груз попадал к причалу Осиновца. Отсюда уже поездом груз прибывал в Ленинград. Другого пути связи с Большой землей в сложившейся обстановке практически не было. Авиация только частично могла выполнять эту роль. Было ясно, что после прекращения навигации из-за погодных условий, частых штормов и начала обледенения Ладожского

озера, проблема переправы на Большую землю станет еще более острой и тяжелой. Оставалась единственная возможность — строить дорогу по льду Ладожского озера. Но это можно было делать лишь после достаточно надежного ледостава. И руководство города, при поддержке Москвы, приняло трудное, опасное и вместе с тем крайне необходимое решение — интенсивно строить трассу, соединяющую город с Большой землей по льду Ладожского озера. Все прекрасно понимали, что только эта единственная дорога сможет спасти ленинградцев от неминуемой голодной смерти.

17 ноября 1941 года в невероятно тяжелых боевых и метеоусловиях военные строители начали прокладывать дорогу по льду Ладожского озера от деревни Коккореево до деревни Кобона. Помогали саперы. К строительству этого единственно возможного пути связи города с Большой землей подключилось огромное количество различных специалистов. Долго и тщательно готовились к открытию этой спасительной трассы для Ленинграда. Дорога постоянно бомбилась и обстреливалась. Вражеские юнкеры и мессершмитты на бреющем полете уничтожали вседвигающееся по трассе. Истребительная авиация Ленинградского фронта прикрывала всю трассу от вражеской авиации на всем ее протяжении, но это не спасало... Зенитчики своим огнем старались поднимать потолок полетов немецких самолетов. В тяжелейших условиях трудились инженеры-ледовики, разведчики, гидрометеорологи, военные флотилии, связисты и другие специалисты. В это же время на Ладоге шла интенсивная ледовая разведка: постоянно измерялась толщина льда, оценивалась частота образования трещин и проталин в Шлиссельбургской губе. И только после получения руководством убедительных сведений о безопасности движения по ледовой трассе при непосредственном контроле Уполномоченного ГКО

*Конный обоз с мукой для Ленинграда
на Дороге жизни*

Конный обоз возвращается на Большую землю из Ленинграда

А.Н. Косыгина было принято решение открыть военную автомобильную дорогу по льду Ладоги.

С 15 ноября начал формироваться конно-транспортный полк, который должен был первым начать проезд по трассе и доставлять продовольствие в осажденный город. Обоз состоял из 350 упряжек и вышел от Ваганова в ночь с 17 на 18 ноября 1941 года. После пробных поездок конных обозов и грузовиков различной загруженности 22 ноября 1941 года дорога по льду Ладожского озера была открыта. Дорогу обслуживали более 20 тысяч различных специалистов, работающих в нечеловеческих условиях, при 30–40 градусном мо-

Грузовики с ранеными и эвакуированными по Дороге жизни на Большую землю

розе, под непрерывным огнем противника. Это был Ладожский огневой рубеж. Девушки-регулирующие («живые светофоры») с фанерными («летучие мыши») в фанерных ящичках освещали дорогу и расставляли указатели, предупреждая водителей о проталинах и трещинах. Они же

Ремонт на ходу

сигнализировали им об изменениях пути следования. Это обеспечивало равномерное постоянное движение транспорта по трассе. Существовала служба технической помощи для ремонта подвижного состава прямо на ходу. Водители грузовиков ехали с выключенными фарами и с открытыми дверцами, чтобы в случае опасности успеть выскочить из машины. Но сколько машин с ценным грузом ушло под лед...! И сколько погибло людей! Многих навсегда поглотила Ладога...

Спустя много лет, на одной из традиционных вечеров-встреч юных защитников Ленинграда с ветеранами к нам пришли труженики-герои Ледовой Дороги жизни. Я хорошо помню встречу с легендарными шоферами Дороги жизни — М.И. Зориной, М.Д. Петуховой и А.А. Даниловой. Они очень просто, без излишней гордости рассказывали нам о будничной

Шофер Дороги жизни М.И. Зорина на встрече с блокадниками

работе шоферами на ледовой трассе. Никакого героизма, как они утверждали, не проявляли: «Мы просто знали, что везем в Ленинград очень нужный груз для спасения голодающих ленинградцев-блокадников». На самом деле, это были настоящие герои! Немного подробнее о будничной работе шоферов Дороги жизни рассказала М.Д. Петухова. В одну из ее поездок на бреющем полете вражеский самолет пикировал на ее машину. Она едва успела выскочить из грузовика, как бензобак вспыхнул и загорелся... Вскоре, отойдя от испуга, она уже на другой машине мчалась забрать с западного берега Ладоги эвакуированных, чтобы доставить их в Осиновец. Так, отважная женщина, не уступая шоферам-мужчинам, помогала доставлять голодающих ленинградцев на Большую землю, а на обратном пути везла мешки с зерном для Ленинграда.

*«Дорогой жизни шел нам хлеб,
Дорогой дружбы многих к многим.
Еще не знают на земле
Страшней и радостней дороги»*

О. Берггольц

Положение на Ленинградском фронте оставалось тревожным. Враг не дремал и не оставлял мысли о захвате города! Ледовая дорога постоянно бомбилась и обстреливалась. Невзирая на все эти опасности, труженики трассы героически везли в блокадный город мешки с мукой, продукты и даже некоторые хозяйственные товары. Одновременно по этой же легендарной дороге из осажденного города вывозили раненых, взрослое население и детей, не забывая при этом и о готовой военной продукции, которая так нужна была фронту и изготовлялась или ремонтировалась в блокадном городе, в ледяных цехах, под огнем противника.

В двадцатых числах декабря 1941 года, благодаря работе Ладожской ледовой трассы, доставлять в город продовольствия стали чуть-чуть больше, чем расходовать — появилась возможность постепенно создавать запас муки и продуктов на складах. Это и позволило руководству города с 25 декабря 1941 года увеличить нормы выдачи хлеба. До этого, начиная с сентября 1941 года, было уже 5 снижений нормы хлеба. Рабочие теперь же стали получать по 350 гр. хлеба, а все

остальное население, включая и детей — по 200 гр. Хотя эта прибавка была и минимальной, но для изголодавшихся ленинградцев этот дополнительный маленький блокадный ломтик хлеба был настоящим, большим праздником. Что творилось в булочной в это раннее утро, куда я ежедневно ходила за хлебом. Словами не описать! Это надо было видеть и пережить самому. А я это все видела и пережила! В булочной люди, как только узнали эту радостную весть — плакали и обнимались. Ведь эта была первая «звездочка надежды». Все только и говорили: «Значит, мы не умрем, обязательно выживем и победим!». Все в булочной только и говорили: «Надо держаться и не падать духом. Победа будет за нами!». Для нас, изголодавшихся блокадников, особенно дорог день первой прибавки хлеба. Эта прибавка имела не только материальное, но и важное психологическое значение — укрепила вера в победу. Я это тоже поняла и почувствовала.

Получив уже более весомый кусочек хлеба, нежели накануне, целых 600 гр. на всю нашу семью, я помчалась (как только могла бегать в то время) домой обрадовать своих родителей. Уже в передней я с криком: «Нам прибавили хлеба!» ворвалась в нашу кухоньку и все рассказала маме и папе о том, что произошло и что творилось в булочной в это утро, какое там царило море радости! Ведь там люди даже не хотели расходиться. Да и все в городе в этот день говорили только о прибавке хлеба. Родители после моего радостного сообщения тоже воспрянули духом. Мама очень быстро разожгла буржуйку, подсушила всем по ломтику хлеба и вскипятила воду. Мы позавтракали совсем уже с другим настроением, с новой надеждой на будущее. И конечно с лучшим настроением отправились на работу. Я пошла в школу, и там в этот день тоже ощущалось общее приподнятое настроение, в воздухе витало что-то радостное и обнадеживающее. Это настроение охватило и учителей, и учеников. Даже «наш добрый гений» — тетя Саша дала звонок на первый урок на 15 минут позже должного. Она так рассудила: «Пусть дети немного порезвятся и нарадуются! Им ведь тоже так тяжело!».

Бывший блокадный школьник, Анатолий Молчанов, впоследствии описал свои и мамы переживания в тот незабываемый день блокады: «Она зажгла буржуйку, и я увидел на столе паек хлеба в два раза больше обычного! А мама, глядя на мое растерянное лицо, смеялась и плакала от радости и говорила: «Нет, теперь мы не умрем.

**ИЗВЕЩЕНИЕ ОТ ОТДЕЛА ТОРГОВЛИ
ИСПОЛКОМА ЛЕНГОРСОВЕТА ДЕПУТАТОВ ТРУДЯЩИХСЯ**

Исполнительный комитет Ленинградского городского Совета депутатов трудящихся разрешил объявить с 27 сентября 1942 года продажу населению по сентябрьским продовольственным карточкам:

Масла животного (сливочного)	Кондитерских изделий
в счет месячных норм по жирам:	в счет месячных норм по сахару:
Рабочим и ИТР — 200 граммов	Рабочим и ИТР — 300 граммов
Служащим — 100 »	Служащим — 150 »
Иждивенцам — 100 »	Иждивенцам — 100 »
Детям до 12 лет — 100 »	Детям до 12 лет — 150 »

Чая натурального всем группам населения по 25 граммов.

**Зав. отделом торговли Исполкома Ленгорсовета
депутатов трудящихся И. АНДРЕЕНКО**

**ИЗВЕЩЕНИЕ ОТ ОТДЕЛА ТОРГОВЛИ
ИСПОЛКОМА ЛЕНГОРСОВЕТА ДЕПУТАТОВ ТРУДЯЩИХСЯ**

Исполнительный комитет Ленинградского городского Совета депутатов трудящихся разрешил объявить с 4 октября 1942 г. продажу населению по октябрьским продовольственным карточкам:

пшеница в счет месячных норм по крупе:	соленой нильки в счет месячных норм по мясу:
Рабочим и ИТР — 300 граммов	Рабочим и ИТР — 300 граммов
Служащим — 200 граммов	Служащим — 200 граммов
Иждивенцам — 200 граммов	Иждивенцам — 100 граммов
Детям до 12 лет — 200 граммов	Детям до 12 лет — 100 граммов

**Зав. отделом торговли Исполкома Ленгорсовета
депутатов трудящихся И. АНДРЕЕНКО**

*Извещения
о выдаче
продуктов
по карточкам*

**ИЗВЕЩЕНИЕ
ОТ ОТДЕЛА ТОРГОВЛИ
ИСПОЛКОМА ЛЕНГОРСОВЕТА
ДЕПУТАТОВ ТРУДЯЩИХСЯ**

Исполнительный комитет Ленинградского городского Совета депутатов трудящихся разрешил объявить с 15 октября 1942 года продажу населению по октябрьским продовольственным карточкам:

Гороха — в счет месячных норм по крупе:
рабочим и ИТР — 400 граммов
служащим — 300 граммов
иждивенцам — 200 граммов

Риса — в счет месячных норм по крупе:

детям до 12 лет — 200 граммов.

Соли — всем группам населения по 400 граммов.

Зав. отделом торговли Исполкома Ленгорсовета депутатов трудящихся

И. АНДРЕЕНКО

Теперь мы выживем и победим!»
«Никогда я не забуду этот день — 25 декабря 1941 года — день первой прибавки хлеба» — А. Молчанов.

В блокадном городе это был первый удар по голоду, нанесенный Ледовой дорогой.

Кроме радости прибавки хлеба, нам уже 13 января 1942 года по карточкам выдали, хотя и немного, но кое-какие продукты (крупу, ма-сло, сахар, мясо). Вскоре по карточкам можно было уже получить соль, спички, мыло, керосин — так совсем забытые нами, но очень нужные вещи. Мы теперь уже с нетерпением

ожидали очередных объявлений по радио о новых выдачах, которые утверждал заведующий отделом по торговле Исполкома Горсовета И.А. Андреенко. Пояснять нам кто это — не надо было. Он для нас был тогда каким-то «символом-спасителем». Помню, как спустя много лет, на одном из традиционных вечеров-встреч школьников блокадного Ленинграда с ветеранами объявили, что нас пришел приветствовать И.А. Андреенко. Все встали и аплодировали ему!

Легендарная дорога по льду Ладожского озера весной 1942 года была названа Дорогой жизни. Ледовая трасса Ладоги — главная артерия города-героя. Действительно, сколько человеческих жизней она спасла! Проработала военно-автомобильная дорога в первую блокадную зиму 152 дня и была закрыта 22 апреля 1942 года из-за сложной метеобстановки на озере — лед стал таять. С 28 апреля 1942 года полностью прекратилось движение по Дороге жизни.

Писатель А.А. Фадеев, посетивший Ленинград в тяжелый период осады города, так написал о ледовой дороге: «Навеки веков она останется в памяти людей, как беспримерная по мужеству, выносливости и человеческому благородству работа десятков тысяч людей в сорокоградусную стужу под бомбами и снарядами противника».

Дорога жизни — эта легенда о спасении Ленинграда и ленинградцев! У этой дороги не будет конца. Она навсегда пролегла через память всех защитников Ленинграда. Тот, кто получал 125 блокадных грамм «с огнем и кровью пополам» знает, что такое Дорога жизни. Равной ей нет в мире! Об этой дороге, о ее строителях и водителях, регулировщицах, медиках, военных и других отважных работников ледовой трассы написано много книг, сложено немало песен, сняты фильмы, поставлены спектакли. На слова П. Богданова, участника битвы за Ленинград, сложена незабываемая песня о Ладоге, которая прочно вошла в жизнь.

ПЕСНЯ О ЛАДОГЕ

*Сквозь шторм и бури,
Через все преграды
Ты, песнь о Ладоге лети!
Дорога здесь пробита сквозь блокаду,
Родней дороги не найти!*

*Эх, Ладога, родная Ладога,
Метели, штормы, грозная волна...
Недаром Ладога родная
Дорогой жизни названа.
Зимой машины мчались вереницей,
И лед на Ладоге трещал, —
Возили хлеб для северной столицы,
И радостно нас Ленинград встречал.
И знаем мы, кровавая блокада
Исчезнет скоро, словно тень:
Растут и крепнут силы Ленинграда,
Растут и крепнут каждый день.*

Прошло уже более 70 лет со дня открытия легендарной Ладожской Дороги жизни. Все защитники Ленинграда, от мала до велика, помнят эту Дорогу по Ладожскому льду и вспоминают о ней со слезами на глазах. Ведь она нас, блокадников, спасла! Наряду с памятью о героях-строителях этой дороги и ее работниках, мы не должны забывать и о сотнях погибших на этой спасительной, единственной в мире ледовой трассе. Мы, ленинградцы, бывшие школьники блокадного Ленинграда, пережившие суровые годы блокады, часто встречаемся с молодежью на уроках военно-патриотического воспитания. Много им рассказываем о мужественных и героических тружениках этой легендарной Дороги жизни, в каких условиях она строилась, эксплуатировалась, что дала нашим защитникам города в самый тяжелый голодный период вражеской осады и о колоссальных жертвах, связанных с этой незабываемой дорогой, аналогов которой нет в мире.

Первая блокадная новогодняя елка

Вражеская осада города продолжалась, не прекращались многочасовые бомбежки и артобстрелы, дневные и ночные. Жизнь оставалась невероятно тяжелой, с огромными лишениями и потерями.

В середине ноября 1941 года прекратилось электроснабжение почти во всех жилых домах. В декабре остановился городской транспорт, замерзли водопровод и канализации, дров не было, нарастала смер-

Зима 1941 год

тность от голода. Но ленинградцы продолжали бороться и делали все возможное, чтобы враг не ворвался в наш город, не превратил нас в своих рабов. Город жил, город трудился. И город поддерживала вся страна!

Все трудоспособное население, включая и нас, подростков, должно было держать оборону. Пока занятия в школах не прекратились, мы брали с собой бидончики, кастрюли, чтобы после занятий идти за водой к проруби на Неве, напротив памятника «Медный всадник».

За водой к проруби на р. Неве

За водой к пожарному крану

Такие проруби были на р. Мойке и на р. Фонтанке. Нередко люди брали воду прямо из пожарных кранов, как, например, на Невском пр., напротив Гостиного двора. Все это было той зимой нелегко — дорожка к проруби всегда была обледенелой, и обессилевшие люди нередко скользили, падали и проливали воду. Спускаться и подниматься было очень трудно, ведь все были такими слабыми. Помню, что нередко приходилось держаться друг за друга и цепочкой медленно подниматься наверх, чтобы не пролить драгоценную воду. Все это было изголодавшимся ленинградцам непросто, но жаловаться было не кому. Надо было все вынести, перетерпеть. И мы терпели!

*Опять налет,
Опять сирены взвыли.
Опять зенитки начали греметь.*

.....
*Но неподвижна очередь людская
У проруби,
Дымящейся во льду.
Там люди
Воду медленно таскают
У вражеских пилотов на виду.*

.....
*Наполненные ведра и кастрюли
Привязаны к саням,
Но люди ждут..
Ведь прежде чем по ровному пойдём,
Нам нужно вверх
По берегу подняться.*

.....
*Споткнешься,
И без помощи не встать,
И от саней –
Вода
Дорожкой слезной...
Чтоб воду по пути не расплескать,
Мы молча ждем,
Пока она замерзнет...*

Ю. Воронов

Ноябрь и декабрь 1941 года были особенно тяжелыми месяцами для Ленинграда и ленинградцев.

*О, год ожесточенья и упорства!
Лишь насмерть,
насмерть встали мы.
Год Ленинграда, год его зимы,
Год Сталинградского
единоборства.*

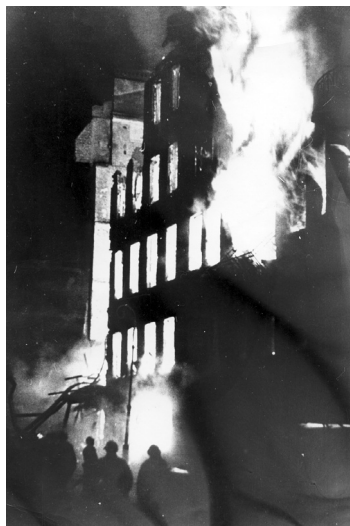
О. Берггольц

В это время при ЖАКТах открывались комнаты, где можно было получить кипяток и даже взять домой. Это тоже была забота о блокадниках. Все это означало, что нас не забыли.

6 декабря 1941 года началось мощнейшее наступление наших войск под Москвой. Ленинградцы, как могли, помогали столице — часть бойцов Ленинградского фронта и техника были переброшены под Москву. Немецкая армия не выдержала и начала отступать. И все вздохнули немного легче.

*— Слыхали? —
И люди стихали. —
Вы слышали новости?
— Да!...
Бежали домой
Чтоб в волненье
Там выдохнуть эти слова:
«Москва
Перешла в наступление!...»
Поклон тебе низкий,
Москва.*

Ю. Воронов

После бомбежки

29 декабря 1941 года по радио из блокадного Ленинграда на всю страну выступила Ольга Берггольц и поздравила всех с наступающим Новым, 1942 годом. Она сказала: «Дорогие товарищи! Я говорю из родного Ленинграда. Мы не отдадим его врагу в рабство. Да, нам сейчас трудно, но мы убеждены, что придет Победа. Сейчас враг уже отогнан от Москвы. Мы живы, выдержим, победим!». Этот голос из осажденного города ошеломил всех и вселил уверенность в победу, хотя было еще очень тяжело! Об этом честно сказала О. Берггольц в декабре 1941 года:

*Ленинград в декабре, Ленинград в декабре!
Ох, как ставенки
Стонут на темной заре,
Как угрюмо твое ледяное жильё,
Как врагом изранено тело твое...*

Этот тяжелый период ленинградской блокады так воспринял и блокадный школьник Ю. Воронов:

*По Ленинграду смерть метет,
Она теперь везде,
Как ветер.
Мы не встречаем Новый год –
Он в Ленинграде
Незаметен!
.....
Блокадным бедам нет границ:
Мы глохнем
Под снарядным гулом,
От наших лиц
Остались
Лишь глаза и скулы.*

Приближался Новый, 1942 год. В нашей семье к этому времени все уже были достаточно истощенными и прямо-таки дистрофиками, особенно родители. В конце декабря 1941 года в городе стали открываться стационары с усиленным питанием для очень ослабленных ленинградцев прямо в учреждениях, поликлиниках, боль-

В стационаре для особенно ослабленных ленинградцев

ницах, госпиталях и даже в гостиницах. Моих родителей поместили в такие стационары. Папа был направлен в госпиталь, в пер. Матвеева, а мама — в 10 детскую поликлинику, где она работала медсестрой и где тоже был открыт такой стационар. Я осталась дома одна. Во всех стационарах было 3-х разовое питание и обязательный прием

целебного хвойного экстракта. Кроме того, все получали дополнительное соевое молоко и витамины. Мама даже раньше, чем папа ожила, стала лучше и бодрее выглядеть. Очень скоро она пыталась даже включиться в свою медсестринскую работу и помогать другим, лежащим и очень ослабленным сотрудникам. Я очень хорошо помню, как я ходила навещать своих родителей и всякий раз приносить чего-нибудь из съедобного. Как они всегда радовались моему приходу, но чувствовали себя какими-то виноватыми, что оставили меня одну. Но с какого-то дня я сама так ослабла, что лежала и уже не могла вставать. И вот произошло очередное блокадное чудо.

Проведать меня пришла очень хорошая наша давнишняя знакомая — Надежда Семеновна Пташевская — наш «ангел-хранитель», детский врач, заведующая отделением в 10 детской поликлинике Октябрьского района. Она решила навесить меня, зная, что мои родители в стационарах, а я осталась одна. Она принесла бутылку соевого молока. Я так растерялась, что расплакалась... Надежда Семеновна все поняла, успокоила меня и заставила выпить прямо при ней кружку теплого молока, подогретого ею тут же на буржуйке. Может быть трудно поверить и решить что это выдумка, но я действительно сразу как-то ожила и почувствовала себя лучше. Надежда Семеновна немного посидела со мной, успокоила и сказала, что мама чувствует себя уже лучше и надеется, что все обойдется

благополучно. Просила меня не расстраиваться и особенно не залеживаться. Она обещала мне, что через несколько дней я уже смогу навестить маму. Как я была благодарна Надежде Семеновне! Вот так, добрые люди часто помогали и спасали ленинградцев от голодной смерти в тяжелейший период блокады.

*Мы знаем, что ныне лежит на весах
И что совершается ныне.
Час мужества пробил на наших часах,
И мужество нас не покинет.
Не страшно под пулями мертвыми лечь,
Не горько остаться без крова,-
И мы сохраним тебя, русская речь,
Великое русское слово.
Свободным и чистым тебя пронесем,
И внукам дадим и от плена спасем.*

А. Ахматова

Из-за крайне тяжелого положения в городе, сложившегося в это время, руководство города совместно с ЛЕНГОРОНО приняли решение не продолжать занятий в школах после зимних каникул до особого распоряжения. В городе в этот период работало только 39 школ. Одновременно с этим было принято совершенно неожиданное, ответственное и смелое решение — проводить Новогодние елки для детей и школьников, несмотря на условия блокады города. Было сказано: «У детей осажденного города должна быть елка!». Так решил город! 23 декабря 1941 года была создана комиссия по организации Новогодних елок. По Ладужской трассе отовсюду завезли в город 1000 елок, подарки и даже мандарины с Кавказа и Средней Азии. Новогодние елки для малышей проходили в детских садах, больницах, в детдомах и в ЖАКТах. Для старшеклассников 6 января 1942 года были организованы городские Новогодние елки в двух театрах города: в Малом оперном (Михайловском) и в Большом драматическом им. Пушкина (Александринском), в котором работал театр Музыкальной комедии. Наша, 239 школа, получила пригласительные билеты на елку в Михайловский театр, где выступали оставшиеся в городе артисты театра им. Ленсовета.

В билетах было два отрывных талона: на место в зрительном зале и на праздничный обед. Самым огорчительным оказалась приписка внизу пригласительного билета — «Раздеваться обязательно!». Что же делать? Ведь мы уже более двух месяцев не раздевались ни в школе, ни дома и спали в верхней одежде, с платками на голове и в варежках. Нам же предлагалось в театре раздеваться... Как же быть?! Посоветоваться мне было не с кем, родители находились в стационарах для особенно ослабленных. Я собралась с последними силами и приняла решение: «Идти на елку очень хочется, значит надо кое-что придумать!». Я разожгла буржуйку, согрела немного воды и, как могла, вымылась. Дальше надо было достать из шкафа праздничное платье в замороженной, холодной комнате, в которой мы уже более двух месяцев не жили. Я переоделась, укуталась и пошла в театр, на площадь Искусств, что по современным меркам не очень далеко от нашего дома. День был чудесный, солнечный, но морозный. Со всех сторон к театру стекались вереницы закутанных до глаз школьников, похожих на старичков. Все шли очень медленно, по протоптанным в снегу тропинкам, еле-еле передвигая ногами. Наконец сам театр! Здесь нас ожидала очередная «сказка-чудо»! В театре все было по-настоящему, как до войны. В вестибюле играл духовой оркестр. Мы направились к гардеробу, где нас раздели очень милые, добрые, пожилые женщины. Мы немного поежились и прошли на свои места в зрительный зал. Меня здесь поразила необычная тишина — все тихо сидели на своих местах и только оглядывались. Все было так неожиданно и казалось сказочным. Наконец третий звонок, и поднялся занавес. Нашему взору открылось во всей своей красе первое действие спектакля «Овод» по Войничу. Все было для нас, привыкших уже жить в городе-фронте, чем-то вроде совершенно нереальной сказкой. Торжественность самого представления уже вселила в нас, зрителей, радостное настроение. Удалось на какое-то время отключиться от такого тяжелого блокадного существования. После окончания спектакля и бурных аплодисментов все прошли в фойе театра. И вот тут-то нас ожидало еще одно чудо — в огромном зале, залитом солнцем, выходящим многочисленными окнами на площадь Искусств, стояли украшенные елки. Вдоль всего зала были установлены столы, покрытые белоснежными скатертями. На столах уже были разложены столовые приборы. Даже

сегодня, спустя много лет, воспоминания обо всем увиденном, вызывают слезы на глазах. Здесь так все было торжественно и сделано с такой любовью! Все расселись за столы, и молоденькие официантки в белых передничках и в накрахмаленных колпачках обслуживали нас, изголодавшихся школьников. На первое подали горячий суп в горшочках с кусочком хлеба, на второе — котлетку с гарниром и на третье — кисель. Все было таким вкусным и давно забытым...! Маленькое огорчение — официантки ходили вдоль столов и следили, чтобы мы съели все здесь и ничего не унесли с собой домой. А ведь хотелось нам поделиться с родными дома!

Как мы были благодарны взрослым за эту сказочную Новогоднюю елку, устроенную для нас, школьников, в такой тяжелый голодный период блокады! Спасибо этим добрым и сердечным людям, которые сумели порадовать и вновь вселить в нас надежду на скорую победу. Мы, подростки, еще раз ощутили всеобщую заботу и внимание, каким мы были окружены в блокадном городе.

*Вот так настал,
Одетый в кровь и лед,
Сорок второй, необратимый год.
О, год ожесточения
И упорства!*

О. Берггольц

Я стала медсестрой

Тяжести и лишения осадного города не покидали нас, но мы понимали, что живем в городе, окруженном противником, и что надо держаться. Радио не всегда приносило радостные вести с фронта. Было много и печального. Так, 15 января 1942 года на Пулковских высотах погиб снайпер-комсомолец Феодосий Смолячков, уничтоживший 125 гитлеровцев. 19 января под Старой Руссой пал смертью храбрых Тимур Фрунзе. Эти печальные сведения можно было бы и продолжить...

После зимних каникул учеба во всех оставшихся 39 школах не продолжалась, и многие ученики пошли работать. Устроилась на работу и я.

Жизнь в осажденном городе была очень напряженной и трудной, но наша семья нередко встречалась с сердечными людьми. Как я уже вспоминала, такой была и Надежда Семеновна Пташевская. Именно она помогла мне в феврале 1942 года поступить на работу в 10 детскую поликлинику на ул. Красной (Галерной), д. 58. Первоначально меня приняли в регистратуру. Врачей и медсестер катастрофически не хватало, так как многие из них уже ушли на фронт, некоторые эвакуировались. Вскоре меня подучили основам оказания первой медицинской помощи и перевели в медсестры. Тут мне пригодились медицинские знания, полученные еще до войны в школе на уроках военной подготовки, где нас обучали именно этому. Теперь надо было доучиваться на ходу. Мне доверили выполнять первичные вызовы к больным детям на дому. Моим участком были: дома по наб. р. Пряжки, по улице Писарева, проспекту Маклина (Английский) и в прилегающих переулках. Я до сих пор помню, как я с трудом отыскивала нужный мне дом. Спросить было не у кого. Затем по неосвещенной лестнице добиралась до нужной квартиры и начинала стучать. Наконец, за дверью слышался испуганный голос: «Что тебе девочка нужно?». Я тихо, не очень уверенно, отвечала: «Я медицинская сестра, пришла из поликлиники по вызову к больному ребенку». Поверив мне с трудом, впускали в квартиру, и я шла по темному, заставленному вещами коридору до нужной мне двери к больному. Не скрою — было жутковато. В мою обязанность входило заполнить историю болезни, выслушать жалобы, осмотреть ребенка и, если необходимо, мне разрешалось поставить медицинские банки на валерьяновых каплях. Это тоже был своего рода маленький подвиг. Ведь у этого человечка была только кожа и кости и банка не держалась.

Я это описываю потому, что до сих пор все эти блокадные воспоминания со всеми подробностями всплывают перед глазами вновь и вновь. Никуда от них не деться... Выйдя от больного на улицу, я должна была немного постоять и прийти в себя после увиденного и пережитого. Только тогда я могла продолжить поиски других адресов к заболевшим детишкам. Разыскивать адреса с вызовами

было очень не просто: на улицах почти пусто и спросить дорогу не у кого. Но в голове звучало: «надо идти», и я шла дальше. Вот эта обязательность, очевидно, и помогала мне держаться и не сдаваться. Иногда мне приходилось подтверждать смерть ребенка и просить маму получить свидетельство о смерти в поликлинике. В сложных случаях я уже в поликлинике делала вызов врача. Если бы эти же мамы больных ребятишек меня встретили на улице — не поверили бы мне, что я медсестра — шла вся закутанная, в ватнике, еле-еле передвигая ноги, видны были только глаза. Мною двигало только чувство необходимости.

После вызовов я возвращалась в поликлинику, где отогревалась и приходила в себя. В маленькой комнатке стоял кипятильник, и можно было выпить горячего чая с сухариком, который я носила в кармане. Становилось веселее, и легче было объяснить себе: «Мы живем в блокадном городе, и тебе совсем не так плохо, ты ведь еще можешь помогать другим».

В феврале 1942 года меня и другую медсестру направили работать на две недели в районный морг Октябрьского района, что был на Канонерском переулке, д. 3, оформлять документы на покойников. Во дворе жилого дома были складированы в штабеля замершие трупы ленинградцев. Приходилось проходить мимо них, чтобы на лестнице первого этажа найти выделенную нам для работы комнату. Здесь на столе нас ожидали стопки паспортов, по которым мы выписывали свидетельства о смерти умерших от голода горожан. К вечеру спецработчие грузили трупы на грузовики и вместе с подготовленной документацией отвозили их к местам захоронения.

Как-то, заполнив очередное свидетельство о смерти, я опустила голову на руки и разрыдалась... Моя напарница испугалась и спросила: «Что случилось? Может я тебя чем-то обидела или тебе плохо?». Я ответила: «Нет, только что я заполнила свидетельство о смерти на моего бывшего одноклассника»... Это было очень тяжело! Я ведь была еще подростком, хотя и повзрослевшим, и еще не всегда умела справляться со своими эмоциями. А здесь я вплотную столкнулась со смертью хорошо знакомого мне человека, товарища по классу. Все надо было уметь пережить!

Иногда нашу работу в этом районном морге проверяли представители Райсовета. Мы всегда старались выполнить все свои обязан-

ности добросовестно и отвечали за них по-взрослому, без скидок на подростковый возраст. Никаких критических замечаний мы не получали.

Выполнив эмоционально тяжелую работу в морге, мы обе вернулись в поликлинику и отчитались. И опять я вспоминаю своего «ангела-спасителя». Увидев меня, Надежда Семеновна позвала в свой кабинет и напоила горячим чаем, да еще и с сухариком. Какое ей большое спасибо за чуткость и милосердие! Я, очевидно, ужасно выглядела. Это и побудило ее меня подбодрить. Разве можно такое забыть?!

Уставшая, но какая-то удовлетворенная тем, что порученная работа выполнена, я возвращалась домой, в нашу маленькую кухню, где меня ждало домашнее тепло и ласковые глаза мамы и папы. Если родителей еще не было дома, я бралась за растопку буржуйки, чтобы хоть чуть-чуть стало теплее к их приходу.

Взаимопомощь

В городе к этому времени проблемой была не только высокая смертность от голода и вражеских налетов. Создалась проблема с отоплением жилых помещений. Подвоза дров не было, а имеющиеся дровяные склады опустели. В окрестностях Ленинграда были богатые торфяные болота, где можно было добывать торф в качестве топлива. Один из таких торфяников находился недалеко от Ленинграда по Финляндкой ж/д, в поселке Ольгино. Я очень хорошо помню, что мой папа, работая в Главпочтамте, в конце февраля 1942 года был командирован на два месяца в Ольгино на торфопредприятие для учета добываемого торфа и контроля его отгрузки. Ему для жилья была предоставлена небольшая теплая комната в частном доме эвакуированных хозяев, на 2-ой Конно-Лахтинской улице. К папе ежедневно поступали сводки учета количества работающих на торфопредприятии, о заготовленном и отправленном торфе в Ленинград. Все эти сведения далее поступали в Главпочтамт, а от туда централизованно в соответствующие инстанции.

С питанием там было плохо. Ему выдавали только хлеб и какой-то пустой суп. Зная, что папе там тяжело я с мамой каждую неделю ездила на поезде в Ольгино. Мы привозили ему хоть какую-нибудь еду. Чаще всего это были лепешки из дуранды, тушеная хряпа, соевый или дрожжевой суп. Больше ничего у нас самих не было. Папа всякий раз очень радовался нашему приезду. Его это поддерживало, и он переставал волноваться за нас... Возвращались домой мы тем же путем и тоже довольные, что повидались с папой и увидели, что он держится молодцом. Работу папа выполнил точно и в срок, отведенный ему. И вернулся домой.

Хочу отметить, что все понимали варварский план Гитлера задушить население голодом и расстрелять свинцом. Той зимой немецкие войска подтянулись в районы Стрельны, Урицка, Володарска и начали почти непрерывно днем и ночью обстреливать город. Трудности и беды блокадной жизни стояли во весь рост. Город был завален снегом, транспорт стоял, дров не было, освещения практически тоже, кругом большую часть суток стояла удручающая темнота и пустота, да скрип саней с покойниками. Но осажденный, отрезанный от всей страны Ленинград никогда не оставался одиноким. Вся страна, как могла, облегчала участь осажденного города и его жителей. Действительно, дорога по льду Ладожского озера, по которой поступало в город продовольствие и многое, многое другое, что так необходимо было городу в блокаде, спасала нас от предрекаемой фашистами гибели.

Глава 3. Весна 42-го

Первая весна

В марте 1942 года руководство города объявило о проведении массовых субботников по уборке города после тяжелейшей, морозной и снежной первой блокадной зимы. Необходимо было избежать возможной весенней эпидемии в связи с большим количеством захороненных трупов и нечистот на улицах в условиях потепления. К уборке города было привлечено в порядке мобилизации все трудоспособное население, даже дети. Всем были выданы трудовые книжки, в которых отмечалась выполненная работа. Первый субботник прошел 8 марта 1942

Уборка снега весной 1942 года

ОТМЕТКИ О ЯВКЕ И ВЫПОЛНЕНИИ РАБОТ				
Дата	Сметка о явке на работу	Отметки о производительности работы	Отметка о выполнении задания	Подпись бригадира
27.III				
28.III				
29.III				
30.III				
31.III	31/8	22	всн	Квант
1.IV	31/8	22	всн	Квант
2.IV	31/8	22	всн	Квант
3.IV	31/8	22	всн	Квант
4.IV	31/8	22	всн	Квант
5.IV				
6.IV	31/8	22	всн	Квант
7.IV	31/8	22	всн	Квант
8.IV	31/8	22	всн	Квант

По указанию духом (нет) по месту жительства
 М. П. Руководитель предприятия (или бригады) (или предприятия по месту работы)

Предъявляется по своему требованию полаган и должностных лиц, выполняющих работу.
 По окончании дня мобилизация подлежит обязательной явке на следующий день на рабочее место (или предприятие) для выполнения работ.
 По окончании дня мобилизация подлежит обязательной явке на следующий день на рабочее место (или предприятие) для выполнения работ.

Мобилизационная повестка школьницы по уборке города

года. Ленинградцы, истощенные, бледные, обессиленные, тем не менее, вышли на уборку. Надлежало убрать глыбы снега и огромное количество всякого мусора и нечистот. Ведь уже несколько месяцев замерзли и не работали ни водопровод, ни канализация — все отходы выбрасывали прямо на

Грузовой трамвай на уборке снега

улицу. Помню, как я на субботнике вместе с сотрудниками поликлиники работала на нашем участке: площадь Труда, часть улицы Красной и бульвар Профсоюзов (Конногвардейский). Было очень тяжело орудовать ломом и другим инвентарем. Мы ведь еле-еле держались на ногах: слабость была ужасная, а нам надо было разгребать огромные глыбы снега. В первую очередь мы освобождали от снега трамвайные пути, чтобы можно было пустить наших помощников — грузовые трамваи. Помогало весеннее солнышко и, конечно же, наша блокадная дисциплинированность, ответственность и собранность. Работа предстояла

очень большая. Всё собирали в кучи, и затем перетаскивали к грузовому трамваю, который обычно уже стоял недалеко от места массовой уборки. Нередко мы откапывали и замерзшие трупы, но в таких случаях была уже совершенно другая работа...

Всеволод Вишневский, выступая по радио на субботнике, обратился к ленинградцам со словами: «Поверьте, мы победим!». Так и вышло! Такое настроение и давало нам силы работать и не падать духом.

Уже на следующий день после первой массовой уборки, а их было несколько, улицы и сам город выглядели совсем по-иному.

Нам казалось, что Ленинград вновь стал прекрасен. Мы гордились своим соучастием в этом массовом субботнике по уборке города после пережитой первой тяжелейшей блокадной зимы. Хотя и сделали мы не так уж много, все же знали, что участвовали в таком важном общегородском деле. Огромную помощь в субботнике оказали грузовые трамваи, которые стали курсировать по очищенным путям и помогать вывозить отходы. Всю осень 1941 года они использовались для перевозки раненых, готового вооружения, дров и других грузов. Последний грузовой трамвай остановился 25 декабря 1941 года у Технологического института на Загородном проспекте. Вскоре он весь был завален снегом и превратился в большую снежную гору. Так и простоял до первых чисел марта 1942 года, когда вновь стал использоваться при уборке города.

Жизнь в осажденном городе с приходом весны постепенно налаживалась. Весенняя пора приносила и новые надежды. В городе стали открываться диетические столовые, в которых кормили по направлениям из поликлиник. Здесь блокадники получали усиленное питание. В это время произошло очередное блокадное чудо: 15 апреля 1942 года вновь зазвенел на улицах пассажирский трамвай. Вожатые постоянно, надо и не надо, звонили, возвещая ленинградцам, что город жив! Первоначально, как мне помнится, вышли на линию три маршрута — 3, 9, 12; несколько позже еще два — 7 и 10. Фашисты, окопавшиеся у границ Ленинграда, услышав шум и перезвон трамваев, были ошеломлены: «Они сошли с ума! Они пустили трамвай!». Да, мы, изголодавшиеся и измученные блокадным адом ленинградцы, выжили, хотя гитлеровцы предрекали нам скорое голодное вымирание и падение города.

Вспоминается один смешной случай из моей весенней медсестринской работы. Я пришла по вызову к больному ребенку днем. Сияло солнышко, и я увидела своего пациента, мальчугана 6–7 лет, который сидел на подоконнике и зеркалом ловил солнечных зайчиков. Мальчику я, видимо, понравилась, и он предложил мне тоже присесть и с ним поиграть. Я, конечно, его поблагодарила, но все же не забыла, что пришла-то я по вызову к больному и приступила к своим обязанностям.

Постепенно весна вступала в свои права, чаще согревало солнышко, появлялись зеленая трава и первые цветы — подснежни-

ки. Становилось радостнее на душе! Школы по-прежнему еще были закрыты, и я продолжала работать в поликлинике. Весной мне поручили обслуживать другой участок. Это: Красная улица и бульвар Профсоюзов. Участок был ближе к моему дому, но оказался большим. Мне приходилось выполнять существенно больше ежедневных вызовов к заболевшим детям.

В один из дней моей работы объявили воздушную тревогу, но я продолжала выполнять вызовы. Дождавшись отбоя тревоги после завершения работы, я собралась уже возвращаться домой, как вдруг увидела на тротуаре у дома 7 по бульвару Профсоюзов девушку в луже крови. Она стонала и звала на помощь. Я тут же бросилась к ней. Она была ранена в ногу, и требовалась медицинская помощь. Я не растерялась и достала из санитарной сумки, которая всегда была при мне, перевязочный материал, обработала рану и наложила повязку. Девушка немного успокоилась, но идти дальше она, конечно, не смогла. Я добежала до отделения милиции, которое было поблизости, на улице Якубовича, и вызвала санитарный транспорт. Состояние раненой не вызывало опасений, но все же нужен был осмотр врача. К сожалению, я не узнала ни ее фамилии, ни ее адреса, и поэтому не смогла навести справки о дальнейшей ее судьбе. Так оказывать медицинскую помощь раненым прямо на улице приходилось нередко.

Жизнь в городе становилась совсем не такой, как в первую блокадную зиму 1941/42 гг. Наступило заметное улучшение. Хотя с приближением белых ночей увеличилось светлое время суток, и участились немецкие налеты на город. Ленинградцы постепенно стали снимать теплую, привычную, но уже замучившую нас зимнюю блокадную одежду и, главное, стали выглядеть и ходить бодрее. С окон снимали тряпки, одеяла и все, что утепляло. Правда, это все происходило очень медленно. Но как радостно было видеть сидящих на лавочках и греющихся на солнышке бабушек и дедушек. Все это означало, что город и горожане не умерли, как желали того фашисты, а работали и выжили — всем врагам назло! Нашу семью спасало от смерти то, что все мы трудились и не позволяли себе расслабляться, впадать в уныние.

В марте 1942 года руководством города было принято новое, очень нужное постановление о развитии индивидуального огород-

ничества. Летом все начали копать грядки и засаживать их семенами овощей буквально на каждом клочке земли. Огороды были в садах, скверах, парках. В ЖАКТах можно было получить семена для посадки. Сейчас уже трудно представить себе, что огороды были и в Летнем саду, и на Марсовом поле, и

Школьники с учителем на огороде (Марсово поле, лето 1942 год).

на Исаакиевской площади. Огороды были даже в «висячем саду» Эрмитажа. Город превращался в гигантский огород! В огородничестве участвовало все население, в том числе и дети.

Сбор капусты с грядки на Исаакиевской площади

Нередко, эвакуируясь, горожане давали объявление о продаже уже засаженного огорода. Мы купили такой маленький «огород» из двух готовых грядок за Нарвскими воротами. Отдаленность нас не пугала, так как сюда уже можно было доехать на трамвае от нашего дома из центра города. Мы всей семьей после учебы или работы регулярно ездили поливать, полоть, собирать лебеду, молодую крапиву, сныть — если повезет. Это собранное «зеленое богатство» было хорошим дополнением к нашему скудному рациону. Из нарубленной зелени мы варили вкуснейшие щи, пекли

на буржуйке лепешки. К концу лета уже всей семьей собирали выращенный собственными руками урожай. Сколько было радости и гордости от собственного труда! Надо отметить удивительное явление — никто не трогал чужих грядок. Охранять огород не надо было, грядки у всех всегда сохранялись в порядке. Это тоже отличительная черта многих ленинградцев–блокадников (хотя может быть мне кто-то и скажет, что так было не везде). Значит, нам повезло, и мы смогли полностью собрать весь урожай. Огородная пора очень поддержала изголодавшихся ленинградцев и позволяла, в тоже время, активно бороться с авитаминозом, которым страдали уже практически все блокадники. Для этого использовали собственную «зеленую» аптеку. Так, устройство даже небольших индивидуальных огородов помогало блокадникам выживать и верить в скорейшую победу.

С 5 мая 1942 года, после затянувшихся зимних каникул, возобновились занятия уже не в 39-ти, а в 137-ми школах Ленинграда, в том числе и в нашей 239 школе. Правда, пока учеба была только в 5–10 классах. Младшие классы по-прежнему к систематическим занятиям в школе не приступали. С ними проводили внеклассные занятия. Чаще всего в Александровском саду.

Теперь свою работу в поликлинике я совмещала с учебой в 9 классе дневной школы. После уроков я забирала из поликлиники первичные вызовы к больным детям на своем участке и выполняла их до 6–7 часов вечера. Блокадная выдержка, ответственность и дисциплинированность помогали мне и в работе медсестрой в поликлинике, и в школьной учебе. Я старалась не расслабляться и успевала все выполнять. Мы, блокадники-подростки, умели владеть собой и не показывать, что нам тяжело. Вот и я никому не жаловалась и не говорила, что мне нелегко, и я устала. Я должна была справиться со всеми своими обязанностями.

Радости и беды 42-го

В конце июня 1942 г. мы успешно сдали экзамены за 9 класс и перешли в 10, выпускной. Вот здесь-то нас ожидало непредвиденное

огорчение: оказалось, что во всем Октябрьском районе Ленинграда после блокадного голода набралось всего учеников только на один 10 класс! Нас всех объединили и перевели в 252 школу Октябрьского района на Крюковом канале. Я фактически распрощалась с такой дорогой для меня 239 школой, где проучилась столько лет, да еще в самый тяжелый период блокады! Было очень грустно! Но радость, что учеба возобновляется, была сильнее.

В июне 1942 года нашу семью постигло большое несчастье. Во время артобстрела на трамвайной остановке, на углу Садовой улицы и Невского проспекта, папа был ранен и потерял ногу. Как оказалось позже это место называлось «кровавым», так как именно здесь были частые обстрелы и бомбежки с многочисленными жертвами. Это место было отмечено и в немецких картах города, как наиболее многолюдное и подлежащее первоочередным налетам. Мы ничего не знали о случившемся и ожидали его домой после работы. Прождали очень долго и стали уже волноваться. И вдруг пришел курьер из больницы и вручил нам повестку, где было указано: «Элькинд Л.Л. был ранен и в настоящее время находится в больнице им. Куйбышева, в хирургическом отделении и уже прооперирован. Родственники могут его навестить».

Мы обрадовались, что наш папа жив, и немедленно собрались и отправились в больницу. Увидев его, мы с мамой немного успокоились и даже не стали его расспрашивать о случившемся. У заведующего отделением мы узнали все подробности его ранения. О том, что будет дальше, мы не думали — лишь бы он поправился! Папе пришлось еще перенести две дополнительные операции. И опять проявился его мужественный характер. Он стойко перенес все тягости полученного увечья и уже спустя несколько месяцев вернулся на свою прежнюю работу в Главпочтамт. Ему было трудно ходить на протезе, но все же папа продолжал трудиться и никому не жаловался. Вскоре ему пришлось поправлять протез в институте Протезирования на ул. Карла Маркса (Б. Сампсониевский пр.), где я с мамой его регулярно навещала. Сколько горя и несчастий мы здесь насмотрелись... Много было раненых на фронте, но не меньше и гражданского населения, пострадавшего в городе при налетах. Я до сих пор не могу забыть малыша, лет 6–7, на костылях без одной ноги. Но самое удивительное, что он был веселый и даже пытал-

ся прыгать. Он вовсе не думал о тяготах, которые достанутся ему в жизни...

Вражеская осада Ленинграда продолжалась, и оставалось еще много проблем. Не за горами были и холода. Отапливать же жилые помещения практически уже нечем было. Дровяные склады опустели.

В своих квартирах ленинградцы за первую суровую, морозную зиму 1941/42 гг. сожгли почти все, что только горело: мебель, книги и др. Мы поступали также. В конце лета была объявлена операция по заготовке дров. На окраинах города разрешалось разбирать пустующие старые деревянные дома на дрова. Нашей, 10 детской поликлинике был выделен участок для разбора нескольких деревянных домов в Невском районе, на пр. Обуховской обороны, в местечке Мурзинка. Сюда командировали нескольких наших сотрудников для заготовки дров, я была в их числе. Это было далеко от нашей работы и дома, и мы добирались на трамвае. Нам выдали ломы и другие подсобные инструменты. И вот мы, ослабленные медики, начали абсолютно несвойственную нам работу — разборку деревянных домов. Было трудно, непривычно, но получилось. Чему только не пришлось научиться в эти военные годы. После окончания работы нам разрешали одну «чурочку» взять с собой домой для буржуйки. Мы проработали на разборке домов около двух недель. Заготовленные дрова централизованно увозили на городской дровяной склад. Благодаря этой дровяной эпопее, руководству города в какой-то степени удалось решить блокадную проблему с отоплени-

*На заготовке дров,
август 1942 год*

ем жилых помещений. Реальная опасность подобраться к зеленому богатству города была, таким образом, ликвидирована. Наверное, сейчас об этом мало кто знает, но практически ни одно дерево в парках и садах в осажденном Ленинграде не было уничтожено. Это тоже подвиг ленинградцев.

Невозможно не вспомнить еще об одном очень значимом, радостном событии для ленинградцев тяжелейшего блокадного периода. В Большом зале Филармонии 9 августа 1942 года, впервые в нашем городе, в торжественной обстановке, прозвучала Седьмая Ленинградская симфония Дмитрия Шостаковича, в которой великий композитор утверждал всенародную волю к победе и героизм ленинградцев.

С огромнейшими трудностями удалось вернуть музыкантов для работы в оркестре. Часть из них, в свое время, были призваны в армию или ушли добровольцами, часть уже эвакуировалась, а некоторые погибли... Оркестр пришлось собирать как из гражданского состава музыкантов, так и из фронтовиков. На симфонический

*К.И. Элиасберг дирижирует Седьмой Ленинградской симфонией
Дм. Шостаковича, 9 августа 1942 год*

концерт были приглашены ленинградцы и военные. Дирижировал К.И. Элиасберг. Во время исполнения симфонии специальная эскадрилья наших самолетов охраняла город и не допустила ни одного вражеского самолета. Концерт в блокадном городе состоялся! Его транслировали на весь Ленинград и на Большую землю. Присутствующий Главнокомандующий Ленинградским фронтом генерал-лейтенант Л.А. Говоров по окончании концерта поблагодарил дирижера К.И. Элиасберга и сказал: «Мы тоже потрудились, и ни один мессершмитт не проник в город». Этот день стал незабываемым в жизни блокадного Ленинграда и опять же свидетельствовал о непобедимости и стойкости ленинградцев. Город по-прежнему жил!

*...Концерт начался!
И под гул канонады –
Она, как обычно, гремела окрест-
Невидимый диктор
Сказал Ленинграду:
«Внимание!
Играет блокадный оркестр».*
.....
*И слушает ее
Ошарашенный мир...*

Ю. Воронов

Дмитрий Шостакович работал над созданием этого гениального музыкального произведения — Седьмой Ленинградской симфонии — в самое тяжелое голодное время блокады, когда он жил в Ленинграде. Так были написаны им первые две части симфонии до его эвакуации весной 1942 года. После отбоя воздушной тревоги композитор обычно выходил на улицу, вновь и вновь любовался городом: Позже он писал: «Я с болью и грустью смотрел на любимый город. А он стоял опаленный пожарами, закаленный

Дм. Шостакович в блокадном Ленинграде (1942 г.)

в боях, испытавший глубокие страдания войны, и был еще более прекрасен в своем суровом величии. Как было не любить этот город, воздвигнутый Петром, завоеванный Лениным, не поведать всему миру о его славе, о мужестве его защитников. И какое это было мужество, какая глубокая человечность была скрыта в этой борьбе!».

Детдомовцы блокады

Особенно остро в период блокады стоял вопрос об оставшихся в городе детях. Ведь бомбы и снаряды не щадили никого, ни взрослых, ни детей. Война отнимала у детей родителей и даже их имена. Это было раненое военное детство! Откуда же брались эти осиротевшие дети? Чаще всего их находили дружинницы МПВО в полупустых квартирах, порой нередко с уже умершей мамой. Дети были голодные, запуганные, неухоженные, а иногда даже почти обезумевшие... Часто сами дружинницы давали им свои имена. Осиротевшие дети уже узнали, что значит война, что такое потерять маму, свой дом. Они были болью нашего народа — детдомовцы военных лет. Этих детишек дружинницы приводили в детдома. В городе оказалось много осиротевших детей, и в конце 1941 года был издан указ об открытии новых детдомов и детприемников.

Осенью 1942 года 10 детская поликлиника направила меня работать медсестрой в один из таких детдомов Октябрьского района в Демидовом переулке (Гривцова), д. 3. Кроме меня здесь работали врач и еще две медсестры, Дежурства были круглосуточными, через два на третий день. Мне это было очень удобно, так как одновременно с работой в поликлинике я продолжала учиться в 10 классе дневной школы. Иногда и в день дежурства врач, если позволяла обстановка, отпускала меня на 2–3 часа в школу, а в два своих свободных от работы дня я восполняла пропущенные уроки. В детдоме мы отмывали этих обездоленных детишек, переодевали и как могли, успокаивали, ласкали и даже играли с ними. Дети были обычно вначале замкнутыми, молчаливыми и, конечно, очень голодными. Постепенно они привыкали к персоналу. И самым радостным для нас была их просьба — «поесть»! Значит, они выживут! При этом

мы четко знали, что кормить таких детей надо очень осторожно и понемногу, иначе можем им только навредить. Для заболевших детей в соседней комнате с медпунктом был изолятор. В тяжелых случаях приходилось их направлять для лечения в больницу. В нашу обязанность входило получать в поликлинике лекарства, следить за санитарным состоянием всех помещений, контролировать качество и количество приготавливаемой и выдаваемой пищи. Через какое-то время все входило в свое русло — дети начинали играть, общаться друг с другом и с персоналом. Во время воздушных тревог, особенно ночью, мы их с трудом поднимали, одевали и уводили в бомбоубежище. Главной нашей задачей была подготовка окрепших и здоровых детей к эвакуации, поскольку блокада продолжалась, и детей необходимо было, по возможности, вывезти в более спокойные места, на Большую землю. К тому же надо было уменьшить количество остающихся в городе обездоленных детей-сирот. Для борьбы с авитаминозом из поликлиники детдомовцы получали хвойный экстракт. Детишки морщились, но все же выпивали это невкусное лекарство. Постепенно они привыкали к нам, становились доверчивыми, и мы видели их благодарные детские личики. Некоторые из них даже называли нас «мамами», а мы ведь сами были еще не очень взрослыми — просто подростками.

Сколько бы лет ни прошло — этого детдома и осиротевших детей забыть невозможно! Заведующей детдомом была молодая, очень добрая и энергичная женщина — Клавдия Ивановна Зарембо. Позже, летом 1943 года, она была начальником оздоровительного пионерского лагеря Октябрьского района, который находился недалеко от города, на станции Левашово (подробнее об этом будет ниже), где довелось и мне работать медсестрой.

Вспоминается один очень тяжелый случай, который произошел в мое дежурство в детдоме. В изоляторе лежала девочка 13-ти лет с высокой температурой, с сильной головной болью и галлюцинациями (это я поняла позже, уже будучи врачом). Все это случилось в отсутствие врача, и мне пришлось самостоятельно принимать решение как поступить дальше с заболевшей. Поговорив с заведующей, мы решили отправить девочку в больницу, которая, правда, находилась достаточно далеко от детдома, в конце Лермонтовского пр. Сантранспорт нам вызвать не удалось, и я с больной отправилась

го города и на моем пригласительном билете она написала для меня теплые и трогательные слова. Маме тоже понравилось мое выступление, и она, в свою очередь, поблагодарила Валентину Николаевну за такую высокую оценку выступления ее дочери.

На этом же вечере Валентина Николаевна прочла свои стиховоспоминания о ее детдомовской довоенной жизни.

*Я дрогнувшей рукой тянусь к Отчизне,
Пусть застенчив жест мой и нелеп,-
Спасибо за уют и место в жизни,
За рыбий жир и за насыщенный хлеб.*

В.В. Дроздовская

Мама всю блокаду работала школьной медсестрой в нашем же районе, на ул. Союза Печатников. Я иногда после занятий приходила к маме. Эта школа была совсем близко, от моей новой, 252-й школы. Мама следила за здоровьем учеников, делала необходимые прививки, проверяла получают ли дети свой соевый суп и выпивают ли хвойный экстракт. Иногда, из-за отсутствия многих учеников в школе оставалось соевое молоко, которое разрешали персоналу забирать домой. Мамина работа в 10 детской поликлинике была отмечена благодарностью.

Глава 4.

Вторая зима и прорыв блокады

Длинная осень 42-го

В связи со стабилизацией обстановки на Ленинградском фронте осенью 1942 года начались занятия в 10 классе, хотя и в новой для нас 252 школе Октябрьского района на Крюковом канале. Учеба началась не с 1 сентября, как обычно, а только с 15 октября, так как еще в сентябре школьники, начиная с 5 класса, продолжали трудиться на уборке урожая в подсобных хозяйствах вблизи Ленинграда. В выданной им трудовой книжке обязательно отмечалось время и вид работы (с перечнем овощей, собранных школьниками). Закончив эту работу с благодарностью, они вернулись домой и приступили к занятиям в школе.

Осень 1942 года для ленинградцев сложилась непросто. Враг опять регулярно предпринимал атаки на город с целью его захвата. Частые и массированные авиационные и артиллерийские налеты создавали тяжелую обстановку в городе, хотя положение с продовольствием после открытия Дороги жизни существенно улучшилось. Уже не было прежнего голода. Мы стали получать по карточкам, хотя и понемногу, кроме хлеба другие продукты питания. Но все равно, чувство голода пока еще полностью нас не покидало. В конце 1942 года продуктовые карточки стали полностью отоваривать.

Непростые и даже опасные условия жизни не сказывались на нашей учебе. Ведь мы были выпускным, 10 классом. Занятия проходили как в мирное время: были контрольные, опросы, домашние задания. Все это без скидок на особые условия жизни в блокадном городе. Учителя понимали, что нам учиться в таких условиях непросто и помогали как могли. Были дополнительные уроки, повторяли уже пройденный материал. Совершенно не помню, подкармливали ли нас в этой новой школе. Самое же главное, что все

ученики очень серьезно относились к учебе и помогали друг другу готовиться к предстоящим выпускным экзаменам.

Осенью 1942 года по дну Ладожского озера после 43-х дневной работы был проложен трубопровод для подачи блокадному Ленинграду так необходимого горючего. Это тоже было очень важно для осажденного города. Ответственным за выполнение постановления «О прокладке трубопровода» был назначен уполномоченный ГКО А.Н. Косыгин. Трубопровод позволил также провести электричество от Волховской ГЭС, и вот 23 сентября 1942 года в 18 ч. 30 мин. линия электропередачи была включена, и осажденный Ленинград получил, наконец, долгожданную электроэнергию. Постепенно начали загораться электрические лампочки в квартирах ленинградцев. Нам пришлось заново привыкать к свету.

Автором идеи строительства по дну Ладожского озера нефте-трубопровода и электрокабеля была Нина Васильевна Соколова — первая в мире женщина — водолаз, военный инженер, гидротехник по специальности. Эта женщина-легенда.

Прокладка трубопровода по дну Ладожского озера, осень 1942 год

Зима 42-го

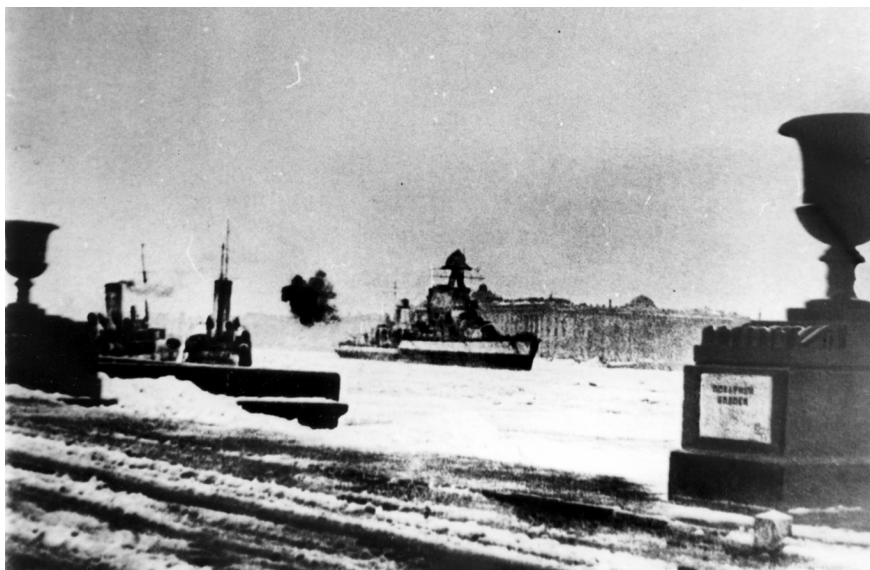
Из-за затянувшейся осени 1942 года навигация по Ладожскому озеру продолжалась еще долго. Только в декабре зима вступила в свои права и Ладога замерзла. С 25 декабря 1942 года вновь стала функционировать ледовая автомобильно-военная трасса, соединяющая город с Большой землей, но с полной нагрузкой дорога стала работать только с 12 января 1943 года. В это время через Мурманск начала поступать помощь по ленд-лизу от наших союзников из Америки и Англии. Ленд-лиз был выгоден США — ведь он обеспечивал защиту американских интересов, хотя и чужими руками. Американцы сохраняли собственные людские ресурсы, задерживая, при этом, открытие второго фронта, которого так ожидало наше Правительство. Всё же, ленд-лиз помогал и нам. Мы храним память об американских и британских моряках, погибших при проводке судов в Мурманск. По Ленд-лизу мы стали получать по карточкам не очень знакомые нам прежде продукты, такие как лярд (марга-

Зимой 1942 года

рин), белую фасоль и другие. Особенно запомнились мне большие глыбы шоколада, которые в магазине кололи на маленькие кусочки и продавали по карточкам в счет нормы выдачи сахара, но в двойном количестве. Для нас, блокадников, это было удивительным, незабываемым и радостным событием. Ведь вкус шоколада тоже всеми был уже забыт. В город от союзников поступало и военное оружие. Все это способствовало улучшению жизни в городе и положению на Ленинградском фронте. Вместе с тем, мы каждый день ощущали, что живем в городе, окруженном фашистами. Ведь враг не унимался, и город продолжал страдать от бесконечных воздушных тревог и гибели людей.

Но несмотря ни на что, ленинградцы трудились, и город боролся, не сдавался и жил! В том числе, продолжалась учеба в школах, хотя и в тяжелых условиях. Это отмечали многие советские и даже зарубежные деятели культуры, в том числе, те, которые смогли посетить Ленинград в годы блокады (Н. Тихонов, А. Фадеев, Р. Роллан и другие). В классах было по-прежнему холодно. На пе-

Военные корабли на Неве, зима 1942 года

ременах не было привычного шума и беготни. Все вели себя необычайно спокойно, сдержанно. Часто можно было заметить угрюмость в их лицах. Некоторым ученикам к этому времени уже было известно, что отец погиб на фронте или кто-то из родных умер от голода в Ленинграде. Напряженной была и обстановка в самой школе.

*Город мужества суровый
Над прославленной Невой,
Весь в огне, в пурге свинцовой
Ты стоял, как часовой.*

*О тебе мы вспоминали
Всюду, где вели бои,
Как свои переживали
Раны свежие твои.*

В. Лебедев-Кумач

Немецкая армия вела себя очень агрессивно и неоднократно предпринимала новые атаки на Ленинград. В городе взрывались артиллерийские снаряды, продолжались бомбежки, рушились дома, голодали и погибали совершенно невинные люди. Осада города сохранялась. Город оставался фронтовым. Мы, подростки, никогда не были в стороне от событий и всегда участвовали в работе по дальнейшему укреплению обороны города. От штаба МПВО мы постоянно получали задания по защите города. Продолжалось переселение жителей из южных районов города, где была особенно тяжелая и опасная обстановка, в Озерки, Шувалово и на Петроградскую сторону. Мы и здесь помогали.

В честь мужества и отваги бойцов Ленинградского фронта и тружеников блокадного Ленинграда указом Президиума Верховного Совета СССР от 22 декабря 1942 года была выпущена медаль «За оборону Ленинграда», которую ковали на Монетном дворе, в Петропавловской крепости. Этой медалью было награждено около 1,5 млн. человек, в том числе 15532 школьников и подростков-рабочих, которые активно участвовали в защите и обороне города от ненавистного противника. Писатель А.А. Фадеев, посетивший Ленинград в годы блокады, находился под огромным впечатлением

от блокадных детей, школьников и малолетних рабочих. Он воочию увидел, что у детей Ленинграда было опаленное войной блокадное детство. А на вопрос: «За что награждены школьники военной медалью?» — ответил коротко и ясно: «Главным подвигом блокадных школьников была их учеба, несмотря ни на какие блокадные лишения и переживания». Далее А.А. Фадеев добавил: «Школьники были награждены медалью только за то, что они учились в неизмеримо тяжелых условиях». Как справедливо это было сказано! Действительно, учиться в условиях блокады города было нелегко: школьники голодали, теряли близких. Мы не только продолжали учебу, но и активно участвовали в защите города.

Медаль «За оборону Ленинграда» нам, блокадным подросткам, очень дорога! Это военная, заслуженная и боевая медаль!

*Кто в город не впустил врага,
Кто в смертной схватке
Одолел блокаду, —
Тому, как высший орден, дорога
Медаль «За оборону Ленинграда».*

П. Гультяев.

Одной из первых, 3 июня 1943 года, медалью «За оборону Ленинграда» в торжественной обстановке Смольного была награждена великая блокадная поэтесса Ольга Федоровна Берггольц, которая так много сделала для ленинградцев в годину осады города, призывая и вдохновляя нас к выдержке и к борьбе. Об этом знаменательном событии она написала:

Первые вручения медалей «За оборону Ленинграда». Слева направо: О.Берггольц, В.с. Азаров, Н.Тихонов, В. Инбер, И. Авраменко (июнь, 1943 год).

*Осада длится, тяжкая осада;
Невиданная ни в одной войне.
Медаль «За оборону Ленинграда»
Сегодня Родина вручает мне.*

*Не ради славы, почестей, награды
Я здесь жила и все могла снести:
Медаль «За оборону Ленинграда»
Со мной как память моего пути.*

*Ревнивая безжалостная память!
И если вдруг сознет меня печаль, —
Я до тебя тогда коснусь руками,
Медаль моя, солдатская медаль.*

*Я вспомню все и выпрямлюсь как надо,
Чтоб стать еще упрямей и сильнее...
Взывай же чаще к памяти моей,
Медаль «За оборону Ленинграда».*

О. Берггольц (июль, 1943 г.)

В числе первых, летом 1943 года, были также награждены этой медалью: Вс. Азаров, Н. Тихонов, В. Инбер, И. Авраменко.

Нам, ученикам 10 класса 252 школы, медаль «За оборону Ленинграда» вручили позже, 21 декабря 1943 года, в торжественной обстановке в Райвоенкомате Октябрьского района на ул. Герцена (Большая Морская). Гордые и очень довольные мы вышли на улицу в пальто нараспашку, несмотря на сильный

Елена Элькинд (Кан) и Нина Гуляева (Беспрозванная) с медалями «За оборону Ленинграда», 1943 год

мороз. Нам хотелось, чтобы все видели, что мы награждены столь дорогой, выстраданной, заслуженной боевой медалью. Вскоре мой папа сфотографировал меня и мою школьную подругу Нину Гуляеву с медалью «За оборону Ленинграда».

Я буду хранить эту боевую награду как память о той поре, когда мы, подростки, в холоде, голоде, под бомбежками мечтали о корочке хлеба, получали полуголодный паек, ходили закутанные, нигде не раздевались, но учились, работали и верили в победу над фашистами! Моя сестра Таня тоже получила эту медаль в Педиатрическом Медицинском институте в 1943 году.

Поэт Ю.Воронов
с медалью «За оборону
Ленинграда», 1943 год

Блокадный школьник, поэт Юрий Воронов, после награждения медалью написал:

*В блокадных днях
Мы так и не узнали:
Меж юностью и детством
Где черта!...
Нам в сорок третьем
Выдали медали
И только в сорок пятом —
Паспорта.*

Прорыв блокады. Операция «Искра»

За время осады города советскими войсками было предпринято уже несколько операций по деблокированию, но всякий раз терпели неудачи из-за существенно превосходящих сил противника как по численности, так и по военной технике. И вот опять наши войска к чему-то готовятся...

15 сентября 1942 года под командованием генерал-майора Н.П. Симоняка после мощной артиллерийской подготовки наши войска овладели Синявиным и укрепились на Синявинских высоко-

тах. Началась подготовка к часу возмездия — прорыву блокады Ленинграда.

Мы, жители блокадного города, привыкли к тишине, но в декабре 1942 года все как-то довольно быстро изменилось. На улицах появилось больше военных. Тишина вдруг нарушилась гулом армады наших самолетов. Появились и другие признаки подготовки наших войск к чему-то очень важному и серьезному. Все это нас очень настораживало и мы стали еще более внимательными и собранными.

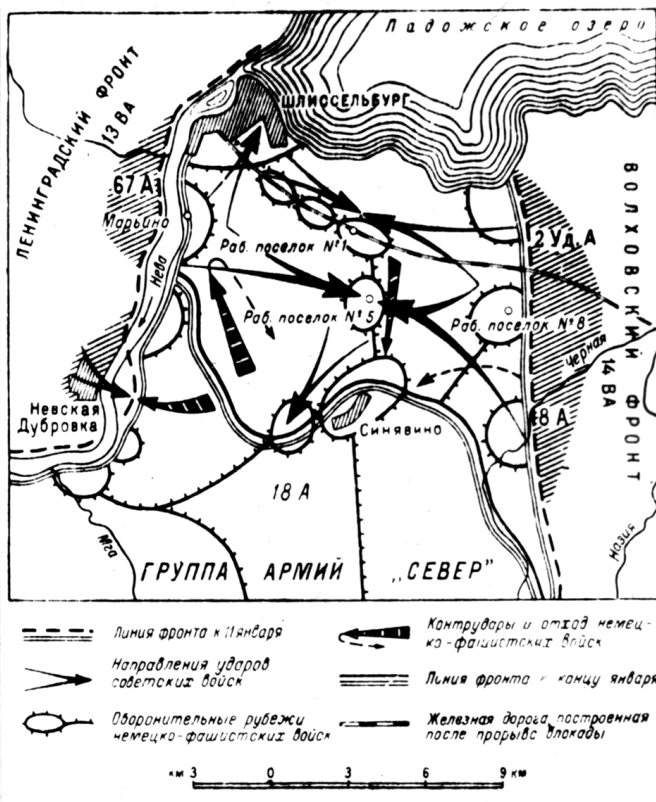
Я в это время продолжала выполнять свои медсестринские обязанности в поликлинике, помогать маме по дому, приносила воду из проруби, ходила за хлебом, учиться в 10 классе дневной школы и дежурить в отряде самозащиты МПВО. Занимаясь всем этим мы, конечно, понимали, что наши военные подразделения готовятся к предстоящим военным действиям, и что скоро что-то важное произойдет... Хотя наш дом находился в центре города, около Исаакиевской площади, всё же это было не так далеко от Пулковских высот. До нас доносился шквальный грохот двигающейся тяжелой военной техники, гул эскадрильи наших самолетов и днем, и ночью. После длительной тишины все происходящее было для меня чем-то необычным, но вместе с тем и радостным. Все это внушало надежду. В последних известиях Совинформбюро, конечно, о предстоящих военных событиях на фронте не было ни слова. Позже мы узнали, что вся подготовка к предстоящей операции по прорыву блокады под кодовым названием «Искра» проходила в условиях строжайшей секретности и началась уже осенью 1942 года. Даже рядовые военные точно не знали, когда все начнется.

*И, как всегда, у Ленинграда
простое, строгое лицо.
Вперед, орлы! Ломай блокаду,
железное кольцо.*

М. Дудин (январь 1943 г.)

Операция по деблокированию Ленинграда была поручена войскам Ленинградского и Волховского фронтам под непосредственным руководством генерала-армии Г.К. Жукова и маршала К.И. Ворошилова. Командующими двух фронтов были генералы

Л.А. Говоров, Н.П. Симоняк, К.А. Мерещкой и И.И. Федюнинский. Эти два фронта разделял коридор всего в 12–20 км, в Синявинско-Шлиссельбургской губе. Участвовали в операции «Искра» также 2-ой Прибалтийский фронт, Краснознаменный Балтийский флот и авиация. Наступление наших войск началось одновременно и внезапно нанесённым мощнейшим ударом артиллерии и авиации. На рассвете 12 января 1943 года с западного и восточного берегов Ладожского озера началось наступление, сопровождаемое командирскими словами: «Вам вверена жизнь и свобода Ленинграда!». Надо было взломать мощную оборону противника в его же логове и прорвать блокаду путем соединения двух фронтов. Непрерывные атаки наших войск преодолевали ожесточенное сопротивление

Карта-схема
«Прорыв
блокады
Ленинграда».

противника, его забетонированные укрепления, выстроенные в несколько рубежей. Немецким солдатам был отдан другой приказ — «Сражаться до последнего патрона».

*В квартирах стекла дребезжали.
Не привыкать за эти годы,-
Но отличали горожане
От грома смерти гром свободы.*

В. Лифшиц

Бои были кровопролитными, гибло много людей. Шквальный огонь по врагу продолжался 7 дней. Это был огненный смерч, и нашим войскам приходилось отвоевывать метр за метром. И шли они в бой с призывом: «Биться за Ленинград и за ленинградцев!». Очень тяжелая обстановка сложилась со штурмом берегов Ладоги. Враг помимо усиленных укреплений склонов озера превращал их в сплошной каток, постоянно поливая водой при тридцатиградусном морозе.

18 января 1943 года в 9 часов 30 минут в Рабочем поселке №1 и в 11 часов 30 минут в Рабочем поселке №5 произошло историческое соединение бойцов Ленинградского и Волховского фронтов. Бойцы обнимались, целовались и кричали: «Ура! Блокада прорва-

*Встреча воинов
2-х фронтов
при прорыве
блокады*

Водружение знамени Победы над храмом Шлиссельбурга

на!». В 14 часов 1943 года взвилось Победное Красное знамя на колокольне Шлиссельбурга. Вечером того же дня все радиостанции страны в «Последний час» передали внеочередное сообщение Совинформбюро: «Свершился прорыв блокады Ленинграда!». Москва салютовала в честь Ленинградской Победы. Наконец, осуществилось долгожданное событие — блокада

Ленинграда прорвана и враг отброшен от города! Эта победа означала крах стратегического плана гитлеровского вермахта по молниеносному захвату города на Неве, и по возможности перебросить затем свои войска в помощь наступающим на Москву. Получилось все наоборот — часть наших войск и техники, сражавшихся под Ленинградом, после прорыва блокады были переброшены к Москве, частично оттянув на себя боевые действия. Так Ленинград помог москвичам в разгроме фашистов.

Ленинград ликовал! Ликовала вся страна! Но мы не забывали, что блокада еще продолжается, ведь пока осуществлен лишь ее прорыв и создан один коридор. Тотчас после сообщения о прорыве блокады Ленинграда президент США Франклин Рузвельт от имени американского народа передал Ленинграду поздравительную грамоту: «В течение критического периода с 8 сентября 1941 года по 18 января 1943 года ленинградцы символизировали неустрашимый дух народов Союза Советских Социалистических республик и всех народов мира, сопротивляющихся силам агрессии». Газета «Нью-Йорк таймс» тоже откликнулась на ленинградскую Победу: «Вряд ли в истории можно найти пример такой выдержки, которую проявили в течение столь длительного времени ленинградцы. Их подвиг

будет записан в анналы истории, как своего рода героический миф... Ленинград воплощает непобедимый дух народа России».

Прорыв блокады Ленинграда свершился! Это величайшее, несравненное ни с чем событие в истории мировых войн!

Маршал Г.К. Жуков так описал прорыв блокады Ленинграда: «Под Ленинградом впервые в истории современных войн был осуществлен разгром противника, блокировавшего длительное время крупнейший город, ударом извне в сочетании с мощным ударом из осажденного города».

Победа операции «Искра» была прологом наступательных боев по полному освобождению Ленинграда от круговой вражеской осады. Вера в победу вновь засияла! 17 месяцев Ленинград сопротивлялся натиску немецких войск. Ничего подобного в истории мировых войн не было. Эта Победа — легендарная победа в битве за Ленинград!

Наши переживания

Конечно, мы были неизъяснимо счастливы сообщению о прорыве блокады. Но мы не забыли и тяжести блокады, все то, что она несла, и все то, что нам пришлось пережить. Мы не забыли, сколько горя, крови и слез выпало на долю взрослых, подростков и детей. И я думаю, что мы, пережившие 900-дневную блокаду, своим характером, своим жизнелюбием и отношением к труду, своей стойкостью и настроением на победу отличаемся от многих других людей.

Ленинградская поэтесса Вера Инбер сама пережила все невзгоды осады и сразу же после прорыва блокады написала:

*Мы отомстим за все: за город наш,
Великое творение Петрово,
За жителей, оставшихся без крова,
За мертвый, как гробница Эрмитаж,
За виселицы в парке над водой,*

*Где стал поэтом Пушкин молодой,
За гибель Петергофского «Самсона»
За бомбы в Ботаническом саду,
Где тропики дышали полусонно
(теперь они дрожат на холоду).
За все, что накопил разумный труд,
Что немцы превратили в груды груд.*

В. Инбер, 1943 г.

В результате прорыва блокады Ленинграда образовался узкий коридор в Синявинско-Шлиссельбургской губе. Появилась реальная возможность непосредственной связи Ленинграда с Большой землей. В невероятно короткий срок, за 18 дней, была восстановлена железнодорожная линия в 33 км от Шлиссельбурга до ст. Поляны, вдоль южного побережья Ладожского озера. Эта дорога получила название Дороги победы, и Ленинград получил надежную, постоянную наземную связь со страной. Уже 7 февраля 1943 года впервые после прорыва блокады и длительной тишины в город утром, к перрону Финляндского вокзала подошел легендарный поезд с Большой земли с продовольствием и военным вооружением для Ленинграда... Встреча поезда прошла в торжественной обстановке. На площади около Финляндского вокзала собралось много народу. Здесь были и представители руководства города, и железнодорожники, и блокадники. От районного отделения МПВО, нас, нескольких школьников, тоже делегировали встречать легендарный поезд. И вот наступил долгожданный момент — к пер-

Первый поезд в Ленинград с Большой земли

рону подошел поезд, преодолев немалые трудности и опасности в пути с Большой земли. Все ринулись приветствовать отважных железнодорожников с криками «Ура!». У всех было приподнятое настроение. Однако без слез радости не обошлось! Состоялся митинг. Вечером того же дня поезд отправился в обратный путь с ранеными, с эвакуируемыми ленинградцами, с изготовленным и отремонтированным вооружением для фронта.

Все эти события последнего времени улучшали условия жизни населения Ленинграда и в первую очередь детей. Стали открываться новые детсады, заработали школьные столовые с обедами (пока по карточкам). Постепенно восстанавливали водопровод и канализацию, работу парикмахерских и бань (по талонам). Очень короткое время в банях одновременно мылись и мужчины, и женщины... Это было не безобразие, а безразличие. Все были такие худые и страшные, и никто ни на что не обращал внимания. Главное — была горячая вода, и можно было, наконец, согреться и как следует вымыться. Жилые дома постепенно стали получать электричество от Волховской ГЭС. Мы так быстро стали привыкать к почти довоенным, совсем забытым условиям жизни. Даже не верилось, что совсем недавно все было иначе...

Наступил переломный 1943 год в ходе Великой Отечественной войны и боевых действий вокруг Ленинграда. Теперь уже все были уверены, что Гитлеру не видать города на Неве! Однако, эти наши успехи на фронте приводили фашистов к еще более вероломным, ожесточенным, агрессивным налетам на город с огромными человеческими жертвами. Воздушные тревоги оставались очень частыми и длительными. Гитлер после разгрома под Ленинградом, Москвой и Сталинградом, обращаясь к своим солдатам, призывал их «сражаться как русские». И вот немецкие войска вновь и вновь предпринимают атаки на город с целью его захвата. По-прежнему часто звучат учащенные позывные метронома, оповещающие население о приближении вражеских бомбардировщиков и о начале воздушной тревоги. Значит, надо укрываться!

Частые воздушные тревоги свидетельствовали о том, что враг не отказался от плана взять город штурмом. Все хорошо понимали это и продолжали укреплять свой город, чтобы, в случае необходимости, дать решительный отпор противнику. В школе после прорыва

блокады мы тоже стали ощущать уменьшение напряжения и какое-то оживление. В это время в школе появилось больше новых учеников, заработали школьные библиотеки, красные уголки, столовые с обедами. Школьники стали более раскованными на переменах, чаще слышался смех, беготня по коридорам — все то, к чему мы так привыкли до войны. В городе создавались школьные добровольные общества, проводились олимпиады и другие общегородские мероприятия.

Глава 5. Лето 43-го

Десятиклассники становятся выпускниками

Время неумолимо приближало нас к выпускным экзаменам. Мы, ученики 10 класса, прекрасно понимали всю сложность обстановки в городе. Вместе с тем очень серьезно относились к предстоящим экзаменам. Учителя подтягивали своих учеников. Были введены дополнительные часы для повторения уже пройденного материала. Мне было, конечно, нелегко — ведь я продолжала совмещать учебу в 10 классе дневной школы с работой в поликлинике. После уроков я бежала в поликлинику за вызовами к больным детям. В день приходилось выполнять по 5–8 первичных вызовов. Иногда нагрузка доходила и до 10 вызовов. Часам к 7–8 вечера я обычно заканчивала работу, и могла уже спокойно возвращаться домой, чтобы сразу браться за выполнение домашних заданий. Итак, день ото дня... Я, конечно, уставала, но никому не жаловалась... С учебой в школе я вполне справлялась. Это было для меня очень важным.

ти. Гвардейцы написали детям, обещали бить ненавистного врага до полного уничтожения. Чтобы укрепить боевую дружбу, ребята должны учиться на «хорошо» и «отлично». 252-я школа приняла эти условия. Разве можно не оправдать доверия и уважения гвардейцев!

Пожалуй, самый великий подвиг был в том, что они учились. Приготовить уроки «на отлично», когда за окном стрельба зениток, в небе гудит вражеский бомбардировщик, не просто. Каждый отличник мог быть гордым вдовой и за то, что он отличник, и за то, что он ленинградский отличник.

«Костер», декабрь 1943 г.

Наказ гвардейцев учиться на «хорошо» и «отлично» мы выполнили!

Выпускные экзамены начались в конце мая 1943 года. Обстановка на экзаменах была как обычно строгой. Обязательно присутствовали 2–3 учителя других классов. Ни о каких подсказках не могло быть и речи. Несмотря на учебу в блокадном городе, мы сдавали экзамены по всем утвержденным довоенным правилам, без всяких скидок на осаду города. В июне 1943 года я успешно закончила 10 класс 252 школы Октябрьского района. Наказ гвардейцев учиться на «хорошо» и «отлично» мы выполнили. Двое из нас — я и Валя Полякова

Р.С.Ф.С.Р.
Народный Комиссариат Просвещения

АТТЕСТАТ

НАСТОЯЩИЙ АТТЕСТАТ ВЫДАН Елене Элькинд (имя, отчество)
Левковиче (фамилия) РОДИВШЕЙСЯ В 1922 ГОДУ,
В ТОМ, ЧТО ОНА ОБУЧАЛАСЬ В 252ой (номер школы) СРЕДНЕЙ
ШКОЛЕ 2 Ленинград (наименование школы)

ПОЛНЫЙ КУРС ЭТОЙ ШКОЛЫ И ОБНАРУЖИЛА ПРИ Отличной
ПОВЕДЕНИИ СЛЕДУЮЩИЕ ЗНАНИЯ:

по русскому языку	<u>отлично</u>
по литературе	<u>отлично</u>
по арабскому языку	<u>отлично</u>
по алгебре	<u>отлично</u>
по геометрии	<u>отлично</u>
по тригонометрии	<u>отлично</u>
по высшей математике	<u>отлично</u>
по истории	<u>отлично</u>
по конституции СССР	<u>отлично</u>
по географии	<u>отлично</u>
по физике	<u>отлично</u>
по химии	<u>отлично</u>
по геологии и минералогии	<u>отлично</u>
по астрономии	<u>отлично</u>
по иностранному языку <u>(английский)</u>	<u>отлично</u>
по рисованию	<u>хорошо</u>
по черчению	<u>отлично</u>
по биологии	<u>отлично</u>
по <u>вождению автомобиля</u>	<u>отлично</u>
по _____	_____

НА ОСНОВАНИИ ПОСТАНОВЛЕНИЯ СОВЕТА НАРОДНЫХ КОМИССАРОВ СССР
И ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА ВКП(б) ОТ 24х 1938 г. Елькин
Елена Левковича
ПОЛЬЗУЕТСЯ ПРАВОМ ПОСТУПЛЕНИЯ В ВЫСШУЮ ШКОЛУ БЕЗ ВСТУПИТЕЛЬНЫХ
ЭКЗАМЕНОВ.

14 июля 1942 года
№ 23
ДИРЕКТОР ШКОЛЫ Шмидтова УЧИТЕЛЯ Левкович А.А. Ковалев

Аттестат зрелости Елены Элькинд (Кан)

(фамилию я могла перепутать) окончили школу на отлично, что давало нам право без экзаменов поступать в ВУЗы. Правда, этим преимуществом нам воспользоваться не удалось, так как в блокадном городе все поступали в учебные заведения без вступительных экзаменов.

Вскоре нас ожидала еще одна блокадная «сказка-быль»: в Доме учителя на наб. р. Мойки, в торжественной обстановке с приглашением учителей и родителей нам вручали «путевку в жизнь» — аттестат зрелости.

Сколько было волнений при подготовке к столь торжественному событию! Я с мамой долго обсуждала мое праздничное выпускное платье. Купить готовое негде было, и надо было придумывать что-то из имеющегося дома. Мама хорошо шила. Она закончила еще до войны курсы «Кройки и шитья», все три степени сложности. Мама достала свои два платья, которые были еще в хорошем состоянии, и сшила из них мне красивое платье. Я очень хорошо до сих пор его

помню потому, что это действительно было выходное шикарное платье, голубого цвета с белой отделкой. Оно очень шло мне. Это было первое взрослое платье в моей жизни. Мне так оно понравилось, что я его долго еще носила как выходное. Я поблагодарила маму за такой отличный подарок. В хорошем настроении я вместе с родителями отправилась на выпускной бал. В бывшем Юсуповском дворце все было очень торжественно. После вручения аттестатов зрелости мы под духовой оркестр танцевали. Нас пришли поздравить курсанты III курса училища им. Фрунзе, будущие морские офицеры. Они были очень красивы в парадной морской форме, и поначалу несколько смущенно чувствовали себя. Но вскоре они освоились и стали приглашать нас на танец. Прежде всего был традиционный вальс. Все закружились в этом прекрасном, торжественном зале. Немного натянутая в начале обстановка разрядилась, и бал прошел прекрасно и непринужденно. Все были довольны и благодарили организаторов за такой неповторимый, единственный в жизни выпускной бал, который состоялся в условиях блокады города и остался в памяти у всех на всю жизнь. На фоне всего пережитого в блокадном городе мы всё же радовались жизни и строили планы на будущее.

Наряду с радостным настроением после торжественного вручения аттестата зрелости мы испытывали и грусть — ведь мы навсегда прощались со школьными годами, с юностью и вступали во взрослую жизнь. Перед нами стоял серьезный выбор — куда идти учиться дальше. Это было особенно трудно, так как в городе работали не все довоенные ВУЗы — большая часть из них еще не вернулась из эвакуации. Надо было возвращаться к действительности!

Летний лагерь

После прорыва блокады Ленинграда постепенно жизнь становилась немного легче. Уменьшилось общее напряжение. Правда, это касалось в основном продовольственной проблемы, ибо враг по-прежнему находился у стен самого города. Массированные бомбеж-

ки и артобстрелы продолжались со всеми их последствиями. Гитлер без конца издавал приказ за приказом штурмом взять город, и всякий раз назначал сроки его захвата. И вот, в такое тревожное время, руководство города принимает ответственное решение — в каждом районе города, в ближайших пригородах, открыть оздоровительные лагеря, в которых блокадные школьники могли бы поправить свое здоровье и подготовиться к началу нового учебного года. Эти лагеря в какой-то степени походили на довоенные пионерские лагеря. Райкомы ВЛКСМ комплектовали вожатых преимущественно из комсомольцев выпускных классов средних школ. Так, из нашей 252 школы были направлены вожатыми в лагерь три выпускницы: Таня Михеева, Таня Крутикова и Нина Гуляева.

Поскольку я продолжала работать в детской поликлинике, Райздравотдел направил меня в этот же оздоровительный лагерь медсестрой. Все это означало, что решение вопроса о выборе ВУЗа для последующей учебы следует отложить. Вначале мы немного расстроились, потому, что очень хотелось хоть немного отдохнуть после выпускных экзаменов и всего пережитого. Но немного

Медработники оздоровительного лагеря с начальником (К.И.Зарембо) и ветераном ВОВ около медпункта. В последнем ряду справа Е. Элькинд (Кан)

подумав, мы успокоились и решили, что не так уж плохо на какое-то время поехать на свежий воздух за город, и стали быстренько готовиться к поездке в лагерь.

В Октябрьском районе такой оздоровительный лагерь открылся на ст. Левашово, всего в 12 км от линии фронта, который проходил по реке Сестра, вблизи Сестрорецка. С Финляндского вокзала вместе со школьниками мы ехали в отдельных вагонах. Всем было очень весело, всю дорогу пели песни. Так как лагерь располагался в прифронтовой зоне, необходимо было получить пропуска для поездки в город, чтобы навещать иногда своих близких. Начальником лагеря оказалась Клавдия Ивановна Заремба, бывшая заведующая блокадным детдомом Октябрьского района, где я осенью 1942 года работала медсестрой. Мы встретились как старые хорошие знакомые. Это уже как-то снимало напряжение. Лагерь размещался в частных домах, оставленных прежними хозяевами при их эвакуации. Каждый отряд со своей пионервожатой чаще всего занимал отдельный домик. Медпункту выделили небольшой домик, в котором оборудовали приемную, изолятор и помещение для персонала. Штат медиков состоял из двух врачей, двух медсестер и санитарки. Мне, как одной из медсестер, необходимо было регулярно осматривать детей в изоляторе, следить за санитарным состоянием в отрядах и отвечать за работу кухни. Я строго следила за ежедневной выдачей продуктов со склада и закладкой их в котлы и три раза в день снимала пробу с уже приготовленной пищи. Результаты проверки фиксировала в специальном журнале. Забегая вперед, могу отметить, что ни одного случая нарушения правил санэпиднадзора в работе кухни ни разу в лагере не наблюдалось. Все дети и обслуживающий персонал качеством еды были довольны.

Лагерь жил по установленному довоенному распорядку: утренние зарядки, линейки, спортивные соревнования, кружки самодеятельности. По вечерам довольно часто пионервожатые собирались в каком-нибудь из отрядов и делились своими впечатлениями за день. Меня на эти встречи всегда приглашали, ведь мы были однокурсниками и хорошо знали друг друга.

До поры до времени все в лагере шло вполне благополучно, без особых происшествий. Но, однажды, при очередном обходе помещений начальником лагеря, старшим пионервожатым и медперсо-

налом в отряде у малышей под кроватями были обнаружены горы гильз от снарядов и другие военные «трофеи». Всем присутствующим стало как-то не по себе. Детей срочно вывели на улицу, а эти все «богатства» закопали в землю далеко от лагеря. Оказалось, что ребята убегали гулять в близлежащий лес и там собирали эти ценные для них «трофеи». Подобных ЧП больше в лагере до самого отъезда не случилось. Жизнь в лагере протекала размеренно. Наше пребывание в пионерлагере подходило к концу и маленьких ленинградцев, окрепших, загорелых, веселых и очень довольных привезли в город. На Финляндском вокзале их встречали родители, а нас благодарили за хороший отдых детей.

Математика или медицина?

После возвращения из лагеря мы вновь вернулись к своим назревшим проблемам — к выбору ВУЗа для последующей учебы. Необходимо было окончательно решить этот вопрос и подавать документы. Время шло! Я, со своей школьной подругой, Ниной Гуляевой, прежде всего, пошли в институт Железнодорожного транспорта, где уже учились несколько наших выпускников. Здесь нам не все понравилось и почему-то не очень захотелось учиться в этом ВУЗе, и мы тут же отправились на Петроградскую сторону, на улицу Льва Толстого, в I ЛМИ им. акад. И.П. Павлова. 30 августа 1943 года, в последний день приема документов, нас зачислили студентами I курса. Из нашего 10 класса 252 школы в этот же институт поступили Таня Михеева, Таня Крутикова и Мила Авина.

На мой медицинский выбор, очевидно, повлияла и моя работа блокадной медсестрой. Вместе с тем, выбор этот был в какой-то степени и неожиданным. В школе я всегда успешно и с интересом занималась математикой. Преподаватель математики не сомневалась, что я поступлю в Университет на физико-математический факультет... Моя любовь к математике, очевидно, была связана с тем, что мой папа в свое время окончил физико-математический факультет Харьковского Университета с золотой медалью и затем успешно закончил Петербургский Горный институт. Он получил хорошее

математическое и техническое образование. А моя мама закончила институт Благородных девиц в Харькове в 1919 году (последний выпуск в его истории!) и поступила в Харьковский Университет на филологический факультет, но по семейным обстоятельствам ей удалось закончить лишь первый курс. В 1920 году мама вышла замуж и в 1922 году родила первую дочь. Как бы то ни было, моим окончательным и неожиданным выбором, в том числе и мне, все же стала медицина. Моя старшая сестра еще в 1941 году поступила в Педиатрический Медицинский институт и тоже стала медиком. Когда-нибудь пожалела ли я об этом выборе? Трудно ответить на этот вопрос. Однако, посвятив всю свою сознательную жизнь медицине, вряд ли мне сегодня уместно решать вопрос о правильности моего выбора.

Я прожила интересную большую жизнь, выйдя замуж за своего же однокурсника, Герберта Кана. Мы оба посвятили себя медицине. Закончили аспирантуру в институте Физиологии АН СССР под руководством академика В.Н. Черниговского, оба защитили докторские диссертации и много работали в области научно-исследовательской медицины.

Студенческая жизнь

Итак, с 1 сентября 1943 года началась моя студенческая жизнь в I ЛМИ им. акад. И.П. Павлова. В первый же день первокурсников собрали в актовом Ленинском зале первого корпуса. Прежде всего, нас поздравил тогдашний директор института, профессор И.Д. Страшун, с вступлением во взрослую жизнь и с избранием самой гуманной профессии — врача. Затем выступил декан нашего курса, доцент Зыков. Уже на следующий день началось наше знакомство с аудиториями, кафедрами, с кураторами и с однокурсниками. На первых двух курсах института преимущественно были общетеоретические занятия, а уже с третьего курса начали осваивать основы практической медицины. Состав студентов нашего курса был очень неоднородным. Кроме выпускников средней школы, все время вливались новые студенты — бывшие фронтовики, демоби-

лизованные в связи с ранением. Если на первых трех курсах было 350 студентов, то к 4–5 курсу их стало в два раза больше за счет эвакуированных и фронтовиков. Это привело к образованию двух потоков.

Учитывая, что мы продолжали жить в условиях блокады города, наряду с занятиями в институте мы постоянно выполняли и общественные работы. Как сейчас помню, мы разгружали баржи с дровами на наб. р. Карповки для клиник и больницы им. Эрисмана, на базе которой работал наш институт. Мы регулярно дежурили в клиниках и выполняли некоторые сестринские процедуры, а порой, без каких-либо комплексов, работали санитарями. Иногда нам приходилось помогать в столовой. Часто было нелегко, но мы никогда не жаловались, как и раньше.

С 1 октября 1943 года, в связи с поступлением в ВУЗ, я уволилась из 10 детской поликлиники и серьезно занялась только учебой в институте. Все было необычно и интересно! Мы постепенно привыкали к занятиям в прозекторской, присутствовали при некоторых операциях. На одной из операций в хирургической клинике, куда нас привел куратор, мне стало плохо — я потеряла сознание и меня вывели. Я вроде бы ничего не испугалась, но, очевидно, еще не совсем оправилась от пережитого периода блокады. Хотя мы тяжело вато привыкали к прозекторской — здесь же была специфическая обстановка — в дальнейшем со мной подобного не случилось.

За эти первые месяцы учебы в институте некоторые больничные корпуса пострадали при бомбежках и артобстрелах. Помню, как во время одной из лекций вдруг раздался сильнейший грохот и все закачалось. Как оказалось позже, на территорию больницы им. Эрисмана во время авианалета была сброшена тонная фугасная бомба, которая, к счастью, не взорвалась и глубоко ушла в землю, образовав большую яму. Из любопытства мы бегали ее смотреть, пока не пришли саперы и не увезли бомбу. В больницу им. Эрисмана и в клиники института поступало много раненых. Тут также пригодилась наша помощь. Но несмотря ни на что, основные занятия в аудиториях и на кафедрах проходили строго по расписанию.

Глава 6.

Третья зима и полное освобождение от блокады

Подготовка операции «Нева-2»

Жизнь в городе постепенно менялась в лучшую сторону. Самый страшный голодный период блокады был уже позади. Но нельзя сказать, что мы уже не ощущали постоянного желания есть. И это несмотря на то, что мы могли в студенческой столовой получать обед, правда, все еще по карточкам. Всё же это уже была какая-то победа, хотя «раны» от недавно пережитого голода и всего блокадного ада еще не зажили и не ушли...

Немецкое руководство по-прежнему не оставляло мысли о захвате города. Вместе с тем противник не мог ни заметить, что город к чему-то готовится. Жизнь в городе оставалась очень сложной и опасной: взрывались бомбы и снаряды, рушились дома, гибли люди. Город оставался фронтовым. Сохранялись светомаскировка и маскировка памятников. Уже в сентябре 1943 года, как мы узнали позже, началась подготовка Ленинградско-Новгородской операции под кодовым названием «Нева-2», по полному освобождению города от вражеской осады.

В конце 1943 года мы начали готовиться к институтским экзаменам за первый семестр. К этим предэкзаменационным волнениям прибавлялась необычная обстановка, которая в самом городе отчетливо наблюдалась. Все ожидали каких-то событий. В городе слышался грохот канонады и невероятный шум передвижения тяжелой военной техники. В воздухе — гул армады наших самолетов. Мы, как и перед прорывом блокады, поняли — «Военные к чему-то готовятся!». Все говорило о грядущих серьезных событиях... В институте тоже чувствовалось необычное оживление. Однако, на наших занятиях это не сказывалось. У нас по расписанию шли практические и лек-

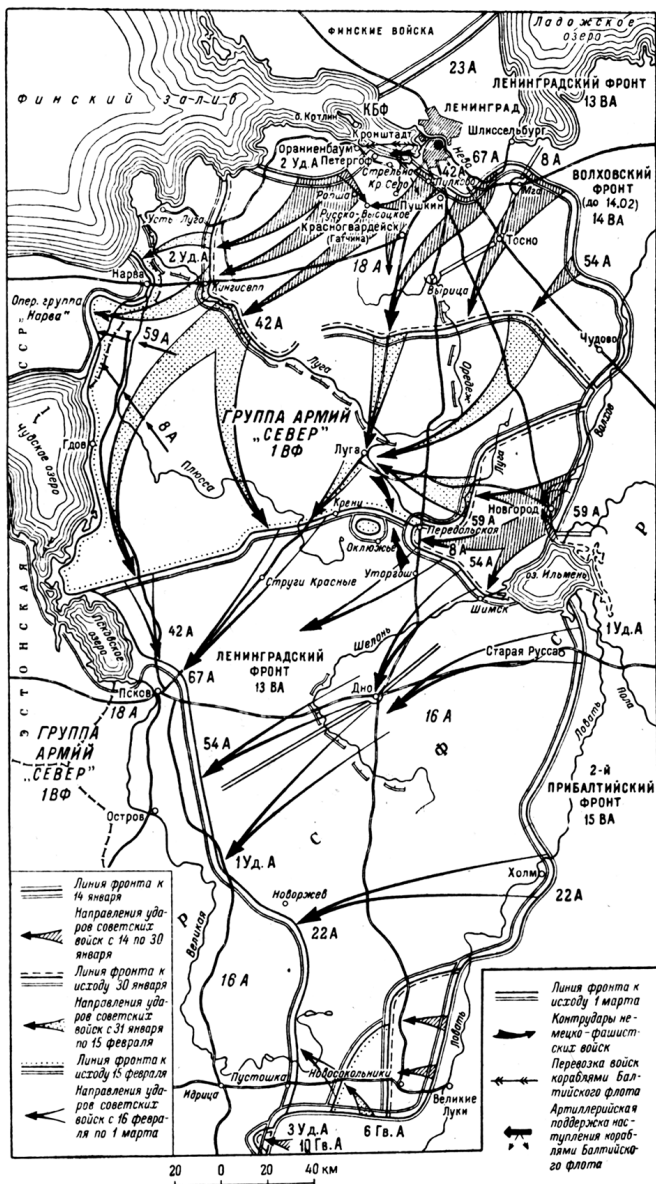
ционные занятия, и всё же всюду все что-то обсуждали, и как будто все были в ожидании чего-то... Ведь всем нам так хотелось жить уже в свободном от блокады городе! Ведь мы так устали и пережили так много горя, лишений и потерь в предыдущие годы... Пока ходить по улицам, как и раньше, было небезопасно: то не дойдешь до разрыва бомбы или снаряда, то угодишь в самое пекло. В блокадном городе все могло быть! Теперь же мы понимали, что необычная обстановка в городе предвещает серьезные боевые действия нашей армии, и как нам хотелось думать, что они связаны с окончательным освобождением города от вражеской блокады. Неужели мы дождемся освещенных улиц и сможем спокойно по ним ходить и ничего не бояться?!...

Конечно, гитлеровское командование не могло ни замечать, что русские готовятся к наступлению, и начали предпринимать еще более ожесточенные налеты на город и его артиллерийские обстрелы.

Операция «Нева-2» и освобождение от блокады

Как и при прорыве блокады в январе 1943 года, нынешняя подготовка проходила в еще большей секретности. При участии легендарной Авроры 14 января 1944 года с Ораниенбаумского плацдарма началось решительное наступление наших войск. Сюда, из Лисьева носа, заранее, скрытно, в ночное время, по воде или по льду залива в короткий срок через Кронштадт перебрасывались бойцы и боевая техника. 19 января, одновременно с трех фронтов — Ленинградского, Волховского, 2-го Прибалтийского при активном участии Краснознаменного Балтийского флота и авиации внезапно началась мощнейшая атака по освобождению Ленинграда от фашистской блокады. Генерал Н.П. Симоняк с Пулковских высот повел свою гвардию в решительный бой.

Под командованием генералов: Л.А. Говорова, И.И. Масленникова и И.И. Федюнинского Советские войска 19 января 1944 года в тяжелейших боях выбили противника из Красного Села и полностью овладели им. В это время войска Волховского фронта при непосредственном участии генерала-армии К.А. Мерецкого и гене-

Карта-схема боевых действий под кодом «Нева-2» по полному освобождению Ленинграда от блокады

рал-лейтенанта С.В. Рогинского тут же вступили в бой севернее и южнее Новгорода. 20 января 1944 года Новгород был освобожден. В ночь на 21 января все участники вооруженной операции «Нева-2» перешли в общее решительное наступление от Копорского залива до озера Ильмень. В тот же день были освобождены город и железнодорожный узел Мга, открывавший прямой путь на восток страны, значит и на Москву. К 1 марта 1944 года Ленинградско-Новгородская стратегическая наступательная операция «Нева-2» была завершена и враг отброшен на 220–280 км.

22 января 1944 года был последний артобстрел Ленинграда. И в этот же день Москва салютовала в честь освобождения городов Пушкин и Павловск, а 26 января — Гатчины. Фашистские войска были отброшены от Ленинграда на 65–100 км. Закончилась битва за Ленинград.

НАШ САД

*Ты помнишь ли сиянье Петергофа,
Дремучие петровские сады
И этот влажный лепет, бред и вздохи
Всегда живой, хлопочущей воды?
Молчи, — увы! Волшебный сад изрублен,
Мертвы источники с живой водой,
И праздник человечества поруган
Свирепой чужеземною ордой.
...Но мы пришли к тебе, земная радость,
Тебя не вытоптать, не истребить.
Но мы пришли к тебе, стоящей рядом,
Тысячеверстной дорогой битв.
Пришли — и, символом свершенной мести,
В знак человеческого торжества
Воздвигнем вновь, на том же самом месте,
Самсона, раздирающего льва.
И вновь из пепла черного, отсюда,
Где смерть и прах, восстанет прежний сад.
Да будет так! Я твердо верю в чудо:
Ты дал мне эту веру, Ленинград.*

О. Берггольц (26 января 1944 г.)

27 января 1944 года наступило долгожданное полное освобождение нашего города от длительной, невероятно тяжелой вражеской осады фашистской Германией. Героизм наших войск был необыкновенен! Город стал свободным и ленинградцы вздохнули полной грудью! Это была огромная победа Советских войск и ленинградцев, мужественно защитивших свой город от фашистской орды в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.

Последовал приказ, подписанный председателем Военного Совета Ленинградского фронта генералом армии Л.А. Говоровым, об освобо-

*Генерал армии Л.А. Говоров,
Главнокомандующий
Ленинградским фронтом*

*Памятник маршалу Л.А. Говорову
в Санкт-Петербурге*

ждении Ленинграда от вражеской блокады, который гласил: «Мужественные и стойкие ленинградцы! Вместе с войсками Ленинградского фронта вы отстояли наш родной город. Своим героическим трудом и стальной выдержкой, преодолевая все трудности и мучения блокады, вы ковали оружие победы над врагом, отдавая для дела победы все свои силы».

Сердце переполнялось гордостью за Ленинград, за любимый город! Как мы были счастливы. Ведь недаром мы все тяжелое пережили, не пали духом. И, наконец, стали жить в свободном городе.

Впервые за годы Великой Отечественной войны Ставкой Верховного Главнокомандования и лично Сталиным было предоставлено Ленинграду право произвести 27 января 1944 года салют Победы 24 залпами из 324 орудий. Вслед за этим в небе вспыхнул необыкновенно красочный фейерверк. Такого торжественного, красивого неба я еще никогда не видела. Все светилось и сияло! Толпы, толпы радостных ленинградцев на улицах и площадях.

САЛЮТ

*За залпом залп.
Гремит салют.
Ракеты в воздухе горячем
Цветами пестрыми цветут.
А ленинградцы тихо плачут.
    Ни успокаивать пока,
    Ни утешать людей — не надо.
    Их радость
    Слишком велика —
    Гремит салют над Ленинградом!*

*Их радость велика,
Но боль
Заговорила и прорвалась:
На праздничный салют
С тобою
Пол-Ленинграда не поднялось.
    Рыдают люди и поют,
    И лиц заплаканных не прячут.
    Сегодня в городе —
    Салют!
    Сегодня ленинградцы
    Плачут...*

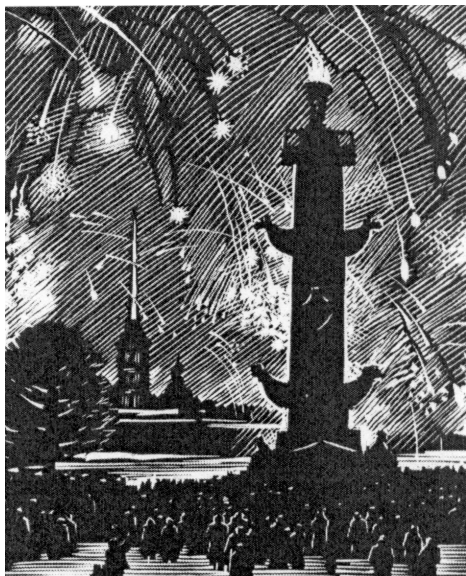
Ю. Воронов

Ликовал Ленинград! Ликовали ленинградцы! Ликовал весь Советский Союз и все дружественные страны! Кругом многочисленные радостные толпы людей. Совсем незнакомые люди обнимались,

целовались и плакали. Ведь многих мы не досчитались в этот незабываемый праздничный день Ленинградской Победы... Но мы все выдержали, и город не пал! Надо было снова собираться с силами, чтобы двинуться вперед, к исполнению своих больших планов.

*И вновь страна
С восторгом слышит
Салюта русского раскат
О, это полной грудью дышит
Освобожденный Ленинград!*

О. Берггольц

Праздничный салют в день полного освобождения Ленинграда от фашистской блокады

Я в этот день вместе со своими двумя институтскими подругами Ниной Гуляевой и Ниной Богровой, отмечала их именины. И вдруг, мы услышали важное сообщение по радио: «27 января 1944 года в итоге решительных боев наших войск город Ленинград полностью освобожден от фашистской блокады». Как только мы услышали эту потрясающую радостную весть, оставили праздничный стол и выбежали на улицу. Вместе с ликующими ленинградцами и с криками: «Победа! Ура!» помчалась к памятнику «Медный всадник»

и по Адмиралтейской набережной мимо Дворцовой площади к Марсовому полю. Почему-то все устремились именно туда. Здесь уже собрались огромные толпы ликующих ленинградцев. Многие были с детьми. И опять поздравления, объятия и неудержимые

слезы. В первый момент всем, в том числе и мне, не верилось, что наконец-то мы дождались: город освобожден от оков ненавистного врага — фашистской Германии! Не удалось им поработить нас!

Вера Инбер на следующий же день после Ленинградской Победы, 28 января 1944 года, написала:

*Счастье... Радость... Пережить такое
Сердце в состоянии только раз.
Слава вам, которые в сраженьях
Отстояли берега Невы.
Ленинград, не знавший поражения,
Новым светом озарили вы.
Слава и тебе, Великий город,
Сливший воедино фронт и тыл,
Улицы, ограды, паранеты,
Толпы... толпы...
Шпиль над головой.
Северным сиянием победы
Озарилось небо над Невой.
Гром орудий, но не грохот боя.
Лица... лица...Выраженье глаз.
В небывалых трудностях который
Выстоял. Сражался. Победил.*

Отгремели залпы салюта, и небо озарилось красочным фейерверком — стало так светло, как днем! Для нас, ленинградцев, переживших все ужасы 900-дневной блокады, вдруг столько света, радости и шума. Все казалось мне каким-то нереальным. Это было таким неожиданным, радостным и совсем забытым. Ведь мы всю блокаду чего-то боялись, чего-то ждали. Передать словами все, что происходило теперь на улицах, площадях и на набережных невозможно. Надо было видеть и пережить самим! Я все это видела, прочувствовала, поверила и... наплакалась! Забыть это все равно очень тяжело. Этот день навсегда останется с нами. Праздник продолжался далеко за полночь. Люди не хотели расходиться.

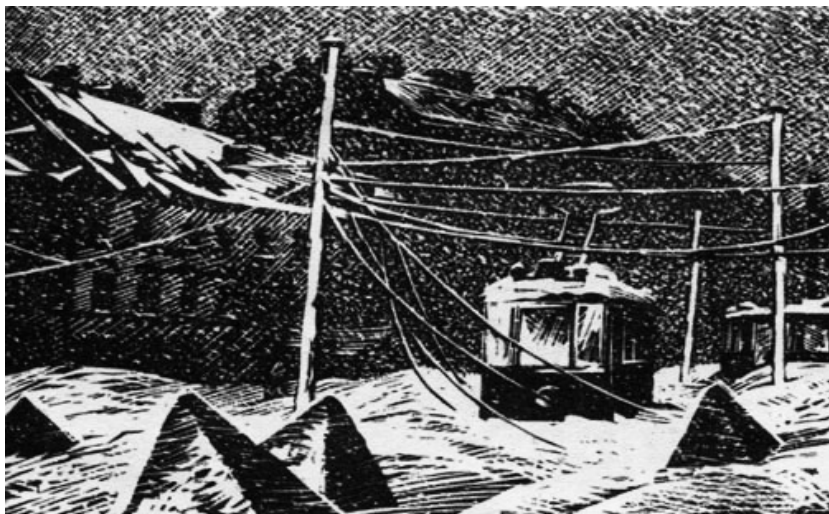
*Неприступным был он и остался
В боевые славные года.
Никому наш город не сдавался,
Никому не сдастся никогда!*

М. Светлов

Другого такого великого подвига, как 900-дневная оборона Ленинграда не было в мировой истории войн. Ленинградская поэтесса Вера Инбер вспоминала этот день: «Кто видел сияние всех этих человеческих глаз, тот уже никогда не забудет этого. Такое можно пережить раз в жизни».

С. Маршак, хорошо знавший и любивший Ленинград, так отметил в 1944 году Ленинградскую Победу:

*Враги кричали: «нет конца
У ленинградского кольца».
Мечом рассек его боец —
И вот кольцу пришел конец.*

Глава 7. К Победе

Жизнь и последующие Победы

Летом 1944 года началось наступление наших войск на Карельском перешейке. Первая оборонительная линия Маннергейма с её сложными инженерными сооружениями рухнула 9–12 июня. Вскоре был освобожден город Выборг. 21 июня Советские войска вышли на Государственную границу 1940 года. Восстанавливалась прежняя российско-финляндская граница 1808 года. Ставка Главнокомандования дала приказ войскам Ленинградского и Карельского фронтам прекратить боевые действия. 19 сентября 1944 года Финляндия вышла из войны.

Как бы радостно ни было, но надо было возвращаться к своим будничным, студенческим делам. Учеба в институте продолжалась. Мы все же после лекций, на следующий день после Победы, всей группой собрались в домашней обстановке у одной из наших однокурниц и уже в непринужденной обстановке еще раз отметили грандиозную Победу Ленинграда. И, конечно, подняли бокалы: «За Победу! За нашу будущую жизнь!» Невольно обсуждали, что нас еще ждет впереди.

Уже через несколько дней после всех радостных событий мы подключились к уборке всех институтских помещений, а работы было очень много. Объявили несколько субботников по ликвидации всех последствий блокадной жизни института. Все это проходило дружно и даже с азартом — всем хотелось принять в ней участие. По завершению всех уборочных мероприятий мы продолжили учебу. Теперь уже все учебные кабинеты и аудитории сверкали чистотой. Но самое главное — все чувствовали себя свободными — не надо было больше прислушиваться к позывным метронома и к гулам армад вражеских самолетов в небе. Налаживалась мирная жизнь в нашем, пережившем столько страданий городе.

Студенты, стали выглядеть совсем по-иному. Девочки заглядывались на мальчиков, которых на курсе появилось существенно

больше за счет демобилизованных фронтовиков, а многие стали уже возвращаться из эвакуации. В первой половине 1944 года Военно-медицинская Морская Академия вернулась в Ленинград из эвакуации, из города Кирова (Вятка). Появились женихи!... В конце первого курса начались свадьбы. Я в 1946 году познакомилась со своим будущим мужем — курсантом IV курса этой Академии, Гербертом Каном. Он демобилизовался и, будучи Сталинским стипендиатом, был зачислен на V курс I ЛМИ им. акад. И.П. Павлова, на второй поток.

28 июня 1948 года нам были вручены дипломы врача. В этот же вечер состоялся выпускной бал в ресторане, на крыше гостиницы Европа. Через несколько дней, 3 июля 1948 года, состоялась наша веселая студенческая свадьба и я стала Е. Л. Кан.

Еще в студенческие годы сложилась крепкая дружба пяти девочек: Риты Сосенко (Рубашкиной), Беллы Шульман (Слуцкой), Лены Некрасовой (Княжецкой), Гали Манжуло и Ляли Элькинд (Кан). Наш девичий союз многих удивлял, так как он оказался очень прочным и сохранился на всю жизнь. Мы постепенно выросли, выходили замуж, поменяли фамилии, становились мамами, а позже и бабушками. Все семейные праздники мы обязательно проводили вместе. А какие интересные Новогодние елки, дни рождения мы устраивали своим детям! Это была настоящая искренняя дружба. Некоторые даже завидовали нам и удивлялись: разве можно так долго дружить пяти девочкам?! Да, можно! Теперь, к великому сожалению, из нашей неразлучной пятерки осталось только двое...

Вперед, к Победе

Спустя некоторое время после Ленинградской Победы защитники двинулись на Запад освобождать оккупированные земли и города нашей страны и Западной Европы от фашизма.

26 марта 1944 года Советские войска вышли на Государственную границу СССР в районе реки Прут, а осенью было завершено освобождение всей Советской земли от нацистской Германии.

В июне 1944 года англо-американские войска наконец высадились в Северной Франции. Так, с запаздыванием был открыт долгожданный Второй фронт. Пройдет еще много месяцев борьбы и гибели людей пока не наступит день полной военной капитуляции Германии и безвозвратного падения фашизма.

Завершающая битва

Завершающим этапом Великой Отечественной войны была кровопролитная, тяжелая битва за Берлин, которая продолжалась с 16 апреля по 2 мая 1945 года, когда город был окончательно взят штурмом нашими войсками, и над повергнутым Рейхстагом взвилось алое знамя Победы. Главнокомандующий нашими войсками маршал Г.К. Жуков вспоминал о битве за Берлин: «Ударили «Катюши», заработали более 20 тысяч орудий, послышался гул сотен бомбардировщиков».

Падение Рейхстага, Берлин, май 1945 года

30 апреля в 15 час. 50 мин. Гитлер покончил жизнь самоубийством, и 1 мая маршал Г.К. Жуков доложил об этом Верховному Главнокомандующему. Сталин ответил: «Доигрался подлец. Жаль, что не удалось взять его живым».

Начались мучительные, длительные переговоры о дальнейшей судьбе Германии. Представителями Ставки Советского Союза были маршал Г.К. Жуков и генерал В.И. Чуйков. С немецкой стороны переговоры вел начальник Генерального штаба сухопутных войск генерал Г. Кребс. В качестве военного корреспондента «Правды» на переговорах присутствовал писатель-политолог Всеволод Вишневский. Он стенографировал ход переговоров и позже представил подробный отчет — по дням и часам — о процедуре принятия Акта военной капитуляции Берлина и всей Германии. Переговоры проходили чрезвычайно сложно, всю ночь 1 мая. В это время продолжались бои за Берлин. Гибли люди. Штурмом, после тяжелейших кровопролитных боев, 2 мая нашими войсками взят Берлин, и подписан Акт о его капитуляции. Норвегия и Дания капитулировали 4 мая. В пригороде Берлина, Кармскорсте, 8 мая в 22 час. 43 мин., маршалом Г.К. Жуковым и представителями Англии и США был подписан Акт о безоговорочной военной капитуляции Германии. **Великая Отечественная война закончилась!**

В этот же день, 8 мая, все ожидали официального правительственного сообщения об этой Победе. Помнится, как мы после занятий в институте, всей группой, стояли на площади Льва Толстого, у репродуктора и с нетерпением ждали сообщения. Собралось здесь уже очень много народа. Все шумели, высказывали свои соображения о ходе войны, о будущей жизни. Многие наивно верили, что теперь-то уж, после падения нацистского режима Гитлера, в Европе и на всей планете наступит мир, и нигде и никогда больше не прольется невинной крови... Официального сообщения ждали до позднего вечера 8 мая и, не дождавшись, все разошлись. Только на следующий день, **9 мая, в 02 часа 10 мин. диктор Всесоюзного Радиокomiteта Юрий Левитан огласил долгожданное официальное сообщение Советского Правительства: «Подписан Акт о безоговорочной капитуляции Германских вооруженных сил! Враг разбит и повержен!».**

День 9 мая в нашей стране объявлен Всенародным праздником — Днем Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. СССР с Германией. Вечером в ознаменование Победы Москва салютовала 30 залпами из 1000 орудий. В небе вспыхнул неповторимо красочный фейерверк. Кругом все засияло!

Отважные бойцы бросают поверженные знамена к Мавзолею

Стихийно повсюду возникали митинги. Люди высыпали на улицы и набережные. Победе салютовали все города нашей страны. **9 мая — День Победы — символ национальной гордости! День Российской славы и доблести!** День Победы вместе с нами отмечали все страны-союзницы. Победа над фашизмом — бессмертный подвиг нашей страны, нашего народа. Города и страны спасенного мира отмечают этот Великий День Победы — День падения фашизма!

Маршал Г.К. Жуков принимает военный парад Победы на Красной площади в Москве (24 июня 1945 г.)

24 июня 1945 года на Красной площади в Москве прошел военный парад Победы. В нем участвовали самые доблестные бойцы. Парад принимал маршал Советского Союза Г.К. Жуков. 200 прославленных бойцов-ветеранов под барабанный бой бросали к подножию Мавзолея поверженные знамена немецко-фашист-

ской армии с черной свастикой, в том числе и личный штандарт Гитлера.

Композитор Дмитрий Шостакович так оценил подвиг Советского народа в Великой Отечественной войне: «9 мая 1945 года — рубеж окончания самой разрушительной в истории войн, рубеж наступления мира, завоеванного в жесточайшей борьбе, окупленной миллионами человеческих жизней. Кто перешагнул этот рубеж — никогда этого не забудет. В этот день все для нас слилось воедино: счастье, гордость, слава, горечь страданий от невиданных страшных утрат. Смахивая слезы, мы дышали воздухом нашей победы. Жизнь победила! Мир победил! Этот весенний день навечно останется в памяти нашего народа, в личной судьбе каждого из нас».

А. Твардовский написал гимн дня Победы.

*В тот день, когда закончилась война,
И все стволы палили в счет салюта,
В тот час на торжестве была одна
Особая для наших душ минута.*

*В конце пути, в далекой стороне,
Под гром пальбы
Прощались мы впервые
Со всеми, что погибли на войне,
Как с мертвыми прощаются живые.*

*И только здесь, в особый этот миг,
Исполненный величья и печали,
Мы отделялись навсегда от них:
Нас эти залпы с ними разлучали.*

*И пусть в душе до дней моих скончанья
Живет, гремит торжественный салют
Победы и великого прощанья.*

Ленинград встречает победителей

8 июля 1945 года произошло радостное событие в Ленинграде — город встречал героев-победителей. С трех сторон города: с Московской, Нарвской, Невской застав через Триумфальные ворота под музыку и крики «Ура!» вошли герои-защитники. Толпы ленинградцев встречали своих героев. Кругом букеты цветов, радость, поцелуи. Этот день для нас всех останется светлым, счастливым, радостным. Победа означает вступление в мирный период созидания.

Огромные жертвы понесла наша Родина в годы Великой Отечественной войны.

Бойцы-победители, Ленинград, 8 июля 1945 года

Встреча бойцов-победителей в Ленинграде, 8 июля 1945 года

Бойцы Ленинградского фронта на Дворцовой площади на параде Победы

Нет семьи, в которой не было бы потерь! В моей семье в декабре 1941 года умерла бабушка, а в марте 1944 году погиб отец. Мы низко склоняем головы перед павшими! Вечная им слава и память!

ДЕНЬ ПОБЕДЫ

*День Победы, как он был от нас далек,
Как в костре потухшем таял уголек...
Были версты, обгорелые, в пыли —
Этот день мы приближали, как могли.*

*Припев:
Этот День Победы —
Порохом пропах.
Это праздник —
С сединою на висках.
Это радость —
Со слезами на глазах —
День Победы!
День Победы!
День Победы!*

*Дни и ночи у мартеновских печей
Не смыкала наша Родина очей...
Дни и ночи битву трудную вели —
Этот день мы приближали, как могли.*

Припев.

*Здравствуй, мама, возвратились мы не все.,
Босиком бы пробежаться по росе!
Пол-Европы прошагали, полземли,
Этот день мы приближали, как могли.*

Припев.

(Слова В. Харитонова, музыка Д. Тухманова. 1975)

Заключение

Блокада Ленинграда завершилась Великой Победой бойцов Ленинградского фронта и ленинградцев над фашистской Германией. Многое пришлось пережить и прочувствовать блокадникам всех возрастов. Я никогда не забуду годы блокады. Блокадная память — память всех пережитых невзгод. Многое хочется забыть, но не получается, помнится все до мелочей.

У каждого блокадника свои воспоминания, свои способы выживания, свои потери. Нет у меня таких слов, которые бы передали все ужасы блокадного ада, пережитые мною и моей семьей.

Мы, военное поколение подростков, тоже внесли в эту Победу свой вклад, и этот вклад был отмечен уже в те годы. В 1943 году мы, школьники-подростки были награждены медалью «За оборону Ленинграда». На нашу долю выпали тяжелейшие испытания: мы голодали, но учились; малолетками работали в цехах заводов, стоя на подставленных к станку ящиках; сдавали кровь для раненых и тушили зажигательные бомбы на чердаках; ловили диверсантов и шпионов; работали в военных госпиталях; участвовали в уборке города от снега и нечистот и в заготовке дров; копали грядки и работали на городских огородах и на полях близлежащих совхозов; участвовали в Тимуровском движении. На наших глазах рушились дома и погибали совсем невинные и очень дорогие нам люди. Разве все упомнишь, что мы делали для спасения своего города от фашизма в годы блокады и Великой Отечественной войны!

Мы горды тем, что не пали духом, не теряли нравственности, что проявляли лучшие человеческие качества, несмотря на все лишения и потери самых близких людей. В детстве и ранней юности, наравне с взрослыми, мы извели все тяготы ленинградской блокады. Возможно только блокадники, убеленные сединой и пережившие годы немецкой осады люди, могут полностью понять эти слова и поверить нашим воспоминаниям.

Весть об освобождении Ленинграда от длительной, 900-дневной суровой блокады разносилась по всему миру. Как много доброго, искреннего в эти дни мы, ленинградцы, услышали о Ленинградской Победе тогда и продолжаем слышать сейчас в огромном количест-

ве поздравлений и приветствий, в том числе и персональных, от Правительства участникам обороны и защиты Ленинграда.

*Мы чащу горя выпили до дна,
Но враг не взял нас никаким измором,
И жизнью смерть была побеждена.
И победили Человек и Город.
И не забыть нам тех девятист
Блокадных дней, наполненных борьбой.
Весь народ,
Вся наша Родина была с тобой.*

Л. Попова

Все пережитое в блокаду Ленинградом должны знать и помнить все послевоенные поколения. Память — это история жизни человека, жизни народа и страны. «История Ленинграда — это история Великой Отечественной войны. Война стала жестокой проверкой совести каждого», — так написал известный писатель Илья Эренбург о роли нашего города, его бойцов и горожан в годы тяжелейшей блокады и всей Великой Отечественной войны.

*Гордиться славою своих предков
Не только можно, но и должно.
Не уважать оной — постыдное малодушие.
.....
Уважение к минувшему — вот черта,
Отличающая образованность от дикости.*

А. С. Пушкин

Каждый подросток исполнил свой долг мужества и ответственности в 900 дневной блокаде Ленинграда. О Ленинграде, о ленинградцах блокадный школьник, поэт Ю.П. Воронов, написал:

*Неверно, что сейчас от той зимы
Остались
Лишь могильные холмы.
Она жива,
Пока живы мы.*

*И тридцать лет
И сорок лет пройдет,
А нам
От той зимы не отогреться.
Нас от нее ничто не оторвет.
Мы с нею слиты
Памятью и сердцем*

.....

*И эту память,
Как бы нас ни жгло,
Не троньте
Даже добрыми руками.*

*Когда на сердце камень –
Тяжело.
Но разве легче,
Если сердце — камень...?*

Свои воспоминания я писала не для блокадников, а для послевоенных поколений и особенно для молодежи. Им следует помнить и гордиться тем, что их отцы и деды, матери и бабушки в годы Великой Отечественной войны были патриотами своего города и страны. Они защищали свое Отечество от фашистской Германии. Память об этой войне — это вечная память! Память о блокаде не должна умереть! Для того чтобы эта память была жива, надо нести в народ правду и только правду обо всем пережитом в неповторимо тяжелый период блокады в борьбе за свободу Ленинграда.

*Мы детям клянемся,
клянемся могилам,
Что нас покориться никто не заставит!*

А. Ахматова

Послевоенные поколения должны знать и помнить, какой ценой досталась Победа в Великой Отечественной войне! Помочь сохранить эту память — наша святая обязанность! Для этого я, например, провожу уроки мужества и военного патриотизма в годы Великой Отечественной

войны в дни «Памяти и Скорби» в школах города. Делаю я это с большой радостью, но и с большой ответственностью. За эту работу я награждена многими грамотами и благодарностями (см. Приложение).

На этих встречах с молодежью я рассказываю моим младшим друзьям о годах блокады Ленинграда, об участии школьников в борьбе за свободу Отчизны, обо всех невзгодах, выпавших на нашу долю. Я рассказываю об учебе в условиях осады города, о патриотизме и мужестве учащихся. Они с большим интересом, вниманием, в полной тишине слушают мои блокадные воспоминания. После окончания такой беседы всегда поднимается «лес рук», потому что каждому хочется рассказать о своих дедушках и бабушках, которые тоже участвовали в войне и имели боевые награды. И они говорят об этом с большим подъемом, с гордостью. Поэтому очень естественно звучат стихи и песни военного времени, которые школьники обычно исполняют на своих небольших концертах в конце встречи с ветеранами. Такие встречи в 351 школе Московского района я провожу уже более 15 лет при непосредственном участии и помощи преподавателей школы: Зои Лукьяновны Шашкевич, Ирины Леонидовны Фомичевой, Ларисы Васильевны Федотовой. Директор школы Валентина Васильевна Зайцева всегда поддерживала эти важные для учащихся мероприятия (см. Приложение).

К таким встречам я обычно готовлю стенды с фотографиями блокадной жизни и защиты города. Уходя из школы после таких встреч с учениками, я чувствую, что подобные воспоминания нужны подрастающему поколению для сохранения памяти о своих предках и о Великой Отечественной войне 1941–1945 гг., об огромной роли советских людей в Победе над фашизмом и о героях войны и блокады.

*Мы часто вспоминаем те года,
С рассказами об этом выступаем.
И правильно.
Но сами, как тогда,
Сегодня мы всегда ли так поступаем?*

Ю. Воронов

Как участница войны и блокадница в течение ряда лет я возглавляю Совет ветеранов Нейрохирургического института им. проф.

А.Л. Поленова. При участии и поддержке руководства института и профкома мы ежегодно проводим Торжественные собрания, посвященные дням Памяти и Скорби Великой Отечественной войны. Для этого я рассказываю о боевых действиях наших защитников, о деятельности сотрудников Нейрохирургического института в годы блокады Ленинграда. Своими воспоминаниями делятся и сотрудники института — ветераны войны и жители блокадного Ленинграда. После выступлений о Великой Отечественной войне нас, ветеранов, поздравляют и вручают памятные подарки. Но важнее подарков то, что в завершении Торжественного собрания, уже по традиции, выступают с концертом учащиеся нашей подшефной 351-й школы Московского района, которые готовят очень интересные выступления на военную тему. Все проходит с огромным удовольствием и вниманием (см. Приложение).

*Ведь это мы, крещенные блокадой!
Нас вместе — называют — Ленинград.
И шар земной гордится Ленинградом.
    Нам от тебя теперь не оторваться.
    Одною небывалою борьбой,
    Одной неповторимой судьбой
    Мы все отмечены. Мы — Ленинградцы.*

*Нас по морщинам узнают надменным
У бледных губ, у сдвинутых бровей.
По острым, несогнувшимся коленам,
По пальцам, почерневшим от углей.
    Нас по улыбке узнают! Не частой,
    Но дружелюбной, ясной и простой.
    По вере в жизнь.
    По страшной жажде счастья,
    По доблестной привычке трудовой.*

*Нам от него теперь не оторваться.
Куда бы нас ни провела война —
Его величием душа полна,
И мы везде и всюду — ленинградцы.*

Великая легендарная поэтесса Ольга Федоровна Берггольц пережила вместе с ленинградцами всю блокаду, все ее страшные поте-

ри и лишения. Очень часто, выступая по радио, без прикрас и правдиво рассказывала о борьбе ленинградцев, на долю которых выпал блокадный ад. Она призывала «не сдаваться и верить в Победу». О. Берггольц очень точно писала о том, что в суровые годы осады города возникло особое, ленинградское блокадное братство.

В канун 70-летия прорыва блокады в 340 школе Невского района, где до войны жила поэтесса О. Берггольц открыт музей. Губернатор Санкт-Петербурга Г.С. Полтавченко, открывая музей, сказал: «Ольга Федоровна Берггольц стала символом стойкости и мужества нашего города». С огромной благодарностью блокадники вспоминают об О.Ф. Берггольц. Ее обращения помогали нам верить в свои силы, помогали выживать и защищать город. В суровые годы блокады каждый старался помочь, чем только мог друг другу. Это было настоящее блокадное братство.

Время неумолимо движется вперед, а блокадников, переживших все невзгоды ленинградской блокады, остается все меньше и меньше... Эта Победа оплачена жизнью миллионов людей. Защитники Великой Отечественной войны дали нам возможность, жить, трудиться и растить послевоенное поколение.

В своей книге воспоминаний я старалась правдиво описать все, что помню и пережила сама в годы блокады Ленинграда. Спустя много лет после войны все так же поражаешься выдумке, находчивости, усердию, трудолюбию, ответственности всех блокадников в, казалось бы, неприемлемых, нечеловеческих условиях блокады города. Высокая нравственность, честность, бескомпромиссность, оптимизм и милосердие помогли нам не только выжить, но и не позволить фашистам войти в город. Мы помним всё о блокаде Ленинграда, о Великой Отечественной войне 1941–1945 гг., о бесчисленных трагедиях и лишениях! Мы вышли из этой чудовищной войны Победителями и никогда о блокаде Ленинграда не забудем! Будем гордиться участием в ней и рассказывать своим детям и внукам обо всем пережитом нами.

Люди, вышедшие из блокады — особые люди. Это относится и к школьникам, к подросткам. В 1944 году, незадолго до гибели, в газете «Комсомольская правда» Аркадий Гайдар написал: «Пройдут годы. Будете взрослыми, и тогда в хороший час отдыха, после большой и мирной работы вы будете с радостью вспоминать о том, что

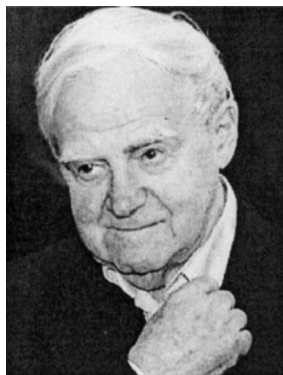

когда-то, в грозные дни для Родины, вы не болтались под ногами, не сидели сложа руки, чем могли помогали своей стране в ее тяжелой и очень важной борьбе с человеконенавистническим фашизмом». Эти напутственные слова писателя мы, военное поколение подростков, выполнили! На нашу долю выпало это военное лихолетие!

«Пусть всегда будут в нашей памяти мальчишки и девчонки времен войны. Честь и слава им!», — написал маршал Советского Союза И. Баграмян о ленинградских детях и подростках.

Несколько слов — о «Блокадной книге» Алеся Адамовича и Даниила Гранина. Написали они очень правдиво о блокаде и блокадниках. Эта книга долгое время оставалась запретной и была опубликована только в 1984 году. Второе, дополненное издание, вышло в 2013 году. Книга эта — подарок не только блокадникам, но и всем последующим поколениям. Авторы книги приглашали для собеседования выживших блокадников. Они рассказывали о жизни в блокадном Ленинграде. Не все смогли отозваться на это приглашение. Причина в том, что многим блокадникам невероятно тяжело вновь возвращаться к тому тяжелейшему периоду жизни, когда они голодали, теряли самых близких и родных людей и сами были на пороге смерти. Я, к сожалению, поступила также. Это надо понять и простить их.

А. Адамович и Д. Гранин, преодолевая собственные тяжелейшие переживания, слушая воспоминания многих блокадников, сумели все взвесить и отобрать лишь самые правдивые, но порой и тяжелейшие воспоминания. Авторы книги не побоялись откровенно рассказать не только о положительных сторонах жизни в осажденном городе, но и об иных... Это и отрицательные стороны поведения некоторых блокадников. Авторы, не осуждая этих людей, увязывают их, в какой-то мере, с особым состоянием их психики. Эти люди страдали не только от голода, но и от своей беспомощности, особенно в тех случаях, когда на их глазах умирали самые дорогие им люди.

*Герой Социалистического труда, писатель
Д.А.Гранин*

Огромная благодарность А. Адамовичу и Д. Гранину, которые сумели правдиво описать разные стороны жизни в блокадном городе. «Блокадная книга», несомненно, интересна и блокадникам, и послевоенным поколениям. Книга — страницы истории ленинградской блокады. Это память о героических защитниках Ленинграда. После всех услышанных рассказов о блокаде, авторы пишут: «Если все это было на планете — тот блокадный смертельный голод, бесчисленные смерти, муки матерей и детей, если так пришлось людям, то память об этом должна служить другим людям и десятилетия и столетия спустя».

Некоторые люди иногда не верят, что ленинградцы могли пережить все эти ужасы длительной осады города. Но всё же это был особый взлет человеческих способностей. Да, в самый тяжелый период блокады каждый ленинградец мог проявить благородство, щедрость души, смелость, взаимопомощь и веру в победу. Это и помогло нам в многомесячном осажденном городе выстоять и победить. Мы делали все для Победы, все, что только было в наших силах, и делали это как само собой разумеющееся. Мы просто старались, не падая духом, отстоять свой город, свой дом, свою семью, выжить и победить! Так поступали ленинградцы, в том числе и мы, подростки войны.

*Чтоб снова
На земной планете,
Не повторилось той зимы,
Нам нужно,
Чтоб наши дети об этом помнили
Как мы!
Я не напрасно беспокоюсь,
Чтоб не забылась та война,
Ведь эта память — наша совесть,
Она как сила нам нужна!*

Ю. Воронов

Вс. Азаров — офицер КБФ — в годы войны служил в Кронштадте и, как военный корреспондент, постоянно был связан с блокадным Ленинградом. Можно было часто слышать по радио его выступле-

ния и призывы к стойкости, к защите города, к Победе. Все это было искренне, дружелюбно и твердо. Позже он вспоминал:

*Уходят годы, яростные даты,
Заносит время илом и песком,
Но сохраняют старые солдаты
Пылающую память о былом,
Покуда память ноет, жжет как рана,
Солдаты мира не сойдут с поста.
Но каждый год все меньше ветеранов,
Кому поэт желал дожить до ста.*

Вс. Азаров

Ленинградцы-блокадники преодолели все немыслимые испытания войны, выстояли и победили. Блокадники — настоящие герои! Пройдут века и никогда не изгладятся из памяти потомков стойкость и героизм ленинградцев, и взрослых, и детей. Благодаря мужеству и героизму ленинградцев мы сегодня живы. Героические битвы за Ленинград, Москву и Сталинград сыграли решающую роль в ходе всей Великой Отечественной войны. Были нарушены все стратегические планы Гитлера — молниеносно захватить Ленинград и перебросить отборные немецкие войска и технику под Москву. Но не суждено было Гитлеру победить Россию!

Прошли годы, минули десятилетия, Великая Отечественная война навсегда останется в памяти благодарных потомков. Миллионы солдат и офицеров, защищая нашу Родину, не вернулись с войны. Огромные жертвы понесли взрослые, подростки и дети Ленинграда, жители оккупированных врагом территорий, партизаны, узники концентрационных лагерей, труженики тыла.

Мы склоняем головы перед светлой памятью павших защитников нашей Родины в годы Великой Отечественной войны Советского Союза 1941–1945 гг. с фашистской Германией. Вечная им память и благодарность!

* * *

В Санкт-Петербурге увековечена память Ленинграда в годы Великой Отечественной войны в монументах и памятниках:

- Мемориальное Пискаревское кладбище-некрополь — май 1960 г.;
- Ленинграду присвоено звание «Город-герой» — май 1965 г.
- Памятник «Цветок жизни» на 3 км Дороги жизни — октябрь 1968 г.
- Мемориал «Разорванное кольцо» на Западном берегу Ладожского озера, на 12 км Дороги жизни — октябрь 1969 г.
- Монумент «Защитникам Ленинграда» на пл. Победы — май 1975 г.
- Стелла «Городу-герою Ленинграду» на пл. Восстания — май 1980 г.

* * *

Елена Леонтьевна Кан (Элькинд)

Родилась в 1925 году, 17 августа.

В 1942 году закончила 9 класс 239 школы.

В 1943 году — отлично закончила 10 класс 252 школы Октябрьского района г. Ленинграда.

В декабре 1943 года награждена медалью «За оборону Ленинграда».

В 1948 году закончила I ЛМИ им. акад. И.П. Павлова с отличием, получив квалификацию врача-лечебника.

В 1952 г. окончила аспирантуру в институте Физиологии АН СССР, под руководством акад. В. Н. Черниговского.

В 1953 г. защитила кандидатскую диссертацию.

В 1971 г. защитила докторскую диссертацию.

Награждена юбилейными медалями, грамотами и знаком «Отличник здравоохранения» Минздрава СССР.

С января 1979 г. руководитель лаборатории Комплексной функциональной диагностики в Российском нейрохирургическом институте им. проф. А.Л. Поленова.

Приложение

ГРАМОТА

Советский комитет ветеранов войны награждает

С О В Е Т С Е К Ц И И

"ШКОЛЬНИК БЛАГОДНОГО ЦЕНТРА"

за активное участие в работе по военно-патристическому воспитанию молодежи

П. Батов

Председатель
Советского комитета
ветеранов войны
Генерал армии

П. БАТОВ

А. Маресьев

Односторонний секретарь
комитета

А. МАРЕСЬЕВ

№ 20 января 1975 г.

Грамота Советского комитета

Мы, подростки войны, очень хорошо понимали, что в последующем надо объединиться всем пережившим блокаду Ленинграда школьникам и рассказывать послевоенным поколениям правду о Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.

В 1968 году по радио передали приглашение всем блокадным школьникам принять участие в строительстве памятника детям блокады — «Цветок жизни» на 3 км Дороги жизни (архитекторы А. Левенков и П. Мельников). На лепестках цветка выбиты слова: «ПУСТЬ — ВСЕГДА — БУДЕТ — СОЛНЦЕ», а на холме, позади памятника, на плитах приведены страницы дневника ленинградской школьницы Тани Савичевой, которые читать без слез невозможно: «Савичевы умерли. Умерли все. Осталась одна Таня». Дальнейшая судьба Тани Савичевой очень печальная... Таню вскоре эвакуировали с детдомом в Горьковскую область. Выходить больную девочку врачам не удалось. Она умерла 1 июля 1944 года. Могила Тани всегда утопает в цветах. Ученики близлежащей школы в памятные

Памятник «Цветок жизни» погибшим детям в блокаду Ленинграда

Страницы дневника Тани Савичевой

дни Великой Отечественной войны у могилы Тани Савичевой несут «Вахту скорби». Дневник Тани уже после войны был найден ее сестрой Ниной, эвакуированной из Ленинграда в 1942 году с заводом, на котором она работала. Таня свою сестру и брата (воевал на фронте) считала погибшими. Дневник Тани Савичевой с указанием дат смерти всех членов ее семьи, оставшихся в Ленинграде, был передан на хранение в архив музея «Обороны Ленинграда».

На открытии памятника «Цветок жизни» нам — подросткам блокады, удалось реализовать желание бывших школьников объединиться в общественную организацию, первоначально названную «Поиск», всех блокадных школьников, малолетних рабочих, учащихся ПТУ, сынов-полков, юнг и других детей войны. Ее организаторами стали бывшие блокадные школьники: Н. Трофимова, А. Любимов, О. Тюлева, М. Рыбальченко, М. Ткачева. В газете «Ленинские искры» было опубликовано открытое письмо с уставом штаба «Поиск» и его задачами. На одном из первых заседаний

Первые организаторы Союза «Поиск». Слева направо: А. Трофимова, О. Тюлева, М. Рыбальченко, А. Любимов, М. Ткачева

был избран Совет штаба и распределены обязанности. Были избраны ответственные представители от всех районов города, которым предстояло собрать сведения обо всех блокадниках школьного возраста, зарегистрировать их и вести учет. Председателями организации «Поиск» в разные годы были: Ю. Морозов, А. Любимов, А. Кузьмин, Ю. Колосов. Заместителем председателя многие годы была О. Тюлева. Мне, как члену Совета союза, было поручено собирать все школьные реликвии (дневники, фотографии, справки, документы, рисунки), которые можно было бы использовать для последующих выставок, стендов и бесед по военно-патриотическому воспитанию молодежи. После регистрации всех реликвий и сделанных фотокопий я по описи передавала на хранение в архив Петропавловской крепости. Ежемесячно Совет штаба заслушивал отчеты о работе ее членов и ответственных по районам. Составляли план работы на будущее. В связи с расширением состава

Члены секции «Юные защитники Ленинграда» на встрече с молодежью в библиотеке ДК им.Кирова — Л. Попов, А. Молчанов, О. Тюлева, Е. Кан

ва союза «Поиск» был переименован в «Школьники блокадного Ленинграда», а позже в «Юные участники обороны Ленинграда».

Мы, как члены этого объединения, проводили большую работу по военно-патриотическому воспитанию молодежи в школах, училищах, в клубах, библиотеках, на заводах. Наша очень нужная

Выступает заслуж. учитель М.М.Линсберг, директор блокадной 307 школы Ленинграда

Митинг у памятника «Цветок жизни»

Гирлянда памяти

работа отмечена многими грамотами и благодарностями. Особенно гордимся грамотой от Советского комитета ветеранов войны, в котором указано: «За активное участие по военно-патриотическому воспитанию молодежи», подписанной генералом армии П. Батовым и героем войны А. Мересьевым (см. Приложение).

Ежегодно, в день Победы Великой Отечественной войны, у памятника «Цветок жизни» юные участники обороны Ленинграда проводят митинги-встречи. Собирается много народа, в том числе и молодежь. На митинге выступают ветераны-защитники Ленинграда, школьники, курсанты военных училищ. В завершение митинга члены штаба «Юные участники обороны Ленинграда» возлагают гирлянду памяти на Пискаревском кладбище, к монументу «Матери-Родины». Свои материалы-воспоминания мы печатаем в различных издательствах. Мои личные воспоминания о пережитых годах блокады Ленинграда опубликованы в газетах: «Ленинградский рабочий» (1984 г.), в курортной газете «Старая Русса» (2005, 2013 гг.), в «Ново-Измайловском меридиане» (2009, 2010 гг.), в книге «Мы — из блокады» (2010), в докладе и в жур-

Монумент «Защитникам Ленинграда»

нальной статье Нейрохирургического общества, посвященных 65-ой годовщине освобождения Ленинграда от фашистской блокады (2009, 2010).

Мы, как бывшие блокадники-подростки, участвовали во многих общегородских мероприятиях, связанных с Ленинградской блокадой и ролью молодежи в годы войны. Вот некоторые из этих встреч, в которых члены Союза «Юные участники обороны Ленинграда» принимали активное участие в разные годы.

К 30-летию Победы, 9 мая 1975 года, на площади Победы у Средней Рогатки, откуда уходило на фронт народное ополчение, в торжественной обстановке был открыт монумент «Защитникам Ленинграда» — мемориал воинской славы. Он обращен к парадному въезду в Ленинград со стороны аэропорта «Пулково». Этот монумент действительно народный и возведен на средства всей страны. В его сооружении участвовал весь Советский народ. Авторы мону-

Члены Союза «Юные участники обороны Ленинграда» работают в нижнем зале «Блокада» монумента «Защитники Ленинграда»

Благодарность от «Совета Содействия строительству памятника

мента — скульптор, народный художник СССР М.К. Аникушин, заслуженные архитекторы С.Б. Сперанский и В.А. Каменский.

Нам, блокадникам, очень дорог этот памятник. В нем в камне и бронзе правдиво воплощены разные реальные эпизоды героической обороны Ленинграда. Особенно впечатляет скульптурная группа в нижнем зале монумента — «БЛОКАДА». Сердце замирает и слез не унять, когда всматриваешься в эту незабываемую и правдивую композицию, которая передает ужасы пережитого ленинградцами в годы 900-дневной фашистской осады города. Нам, членам Союза «Юные участники обороны Ленинграда», была оказана большая честь потрудиться на заключительном этапе сооружения этого монумента. Мы работали в нижнем зале — «Блокада». От Совета Содействия строительству памятника все получили благодарность.

Открытие финала военно-спортивной игры «Зарница-75»

*Открытие финала
военно-спортивной игры
«Зарница-75» у монумента
«Защитникам Ленинграда»*

В этом же 1975 году, 28 июня я вместе с несколькими членами Союза «Юные участники обороны Ленинграда» принимали участие в закрытии VI Всесоюзного финала военно-спортивной игры «Зарница-75». После многоэтапных соревнований лучшие юнармейские отряды страны приехали по приглашению ВЛКСМ в Ленинград. Здесь победителей ожидала большая познавательная и интересная программа знакомства с нашим городом-героем, с Ленинградом. Мы серьезно готовились к этой встрече. Каждого из нас прикрепили к определенному отряду юнармейцев, и мы сопровождали их во всех мероприятиях в дни пребывания в нашем городе.

Торжественное открытие финала игр «Зарница-75» прошло на площади Победы у монумента «Защитникам Ленинграда». Юнармейцев приветствовали представители руководства города, герои-ветераны Великой Отечественной войны и мы, юные участники обороны Ленинграда. Юнармейцы вместе с бывшими блокадными школьниками на следующий же день пребывания в Ленинграде, 3 июля 1975 года, совершили на автобусах поездку по Дороге жизни. Каждый из нас был закреплен за одним из отрядов и всюду их сопровождал. В поездке мы рассказывали гостям о 900-дневной блокаде, о нашем участии в обороне города, об учебе в блокадном городе, о награждении нас в 1943 году медалью «За оборону Ленинграда» и о другой нашей общественной деятельности. По дороге было несколько остановок. На первой же остановке, на 3 км Дороги жизни, юнармейцы посетили памятник «Цветок жизни» в память о погибших детях в годы ленинградской блокады. Здесь командиры отрядов заложили Аллею дружбы. Далее наш путь лежал к Ладожскому озеру, к памятнику «Разорванное кольцо» на 12 км

Юнармейцы у памятника «Цветок жизни» закладывают Аллею Дружбы

Юнармейцы у памятника «Разорванное кольцо»

Юнармейцы у начала Дороги жизни опускают венки Памяти

Дороги жизни. Этот монумент символизирует героизм всех защитников Ленинграда, Победу бойцов и ленинградцев над фашистской Германией. В торжественной обстановке с почетным караулом гости опустили в воду традиционные «венки памяти». Прозвучал салют! На обратном пути в город мы продолжали рассказывать юнармейцам об общественной работе нашего Союза «Юные участники обороны Ленинграда», об уроках военно-патриотического воспитания молодежи в школах и на предприятиях, которые мы регулярно проводим. Наши рассказы оказались им интересными. Они очень внимательно нас слушали, и было много вопросов. Завязалась дружба между нами.

Этот день пребывания в Ленинграде юнармейцы завершили поездкой к мемориалу Памяти на Пискаревском кладбище-некрополе, где захоронены тысячи и тысячи защитников и жертв блокады Ленинграда. Здесь, в конце центральной аллеи некрополя высится огромная фигура «Матери-Родины». На мемориальной стене позади монумента высечены строгие и взволнованные слова ленинградской поэтессы Ольги Берггольц:

*Здесь лежат Ленинградцы.
Здесь горожане — мужчины, женщины, дети.
.....
Рядом с ними солдаты — красноармейцы.
Всею жизнью своею
Они защищали тебя, Ленинград.
.....
Ни кто не забыт и ни что не забыто...
.....
Подвиг свой ежедневный
Вы совершали достойно и просто...*

Монумент Матери-Родины на Пискаревском кладбище олицетворяет собой и Родину, и скорбящую женщину – ленинградку. Здесь похоронено более 470 тысяч жителей, погибших во время фашистской блокады. Мать с ними ведет безмолвный разговор...

СЛОВО МАТЕРИ

*Я ни ночью, ни днем
Не смыкаю уставших очей,
Но стоять в карауле
С гирляндой цветов
Не устану:
Мать
Не может устать
Над могилами павших детей.
Как не могут года
Залечить
Материнские раны.*

*Тем, кто в этих
Бескрайних могилах лежит,
Не слышны
Ни людские шаги,
Ни мелодии траурных маршей,
Затяжные дожди или зимняя стынь —
Не страшны.
Горько только одно,
Что Победы не видели нашей.*

*А Победа пришла
С пламенеющим флагом
На черной коробке Рейхстага.
И одна из дорог
Начиналась к Победе от них —
Тех, что встали за город
И долг не считали отвагой.
Не устану следить,
Чтобы Вечный огонь не погас,
Чтоб его лепестки
Не задули ветра ненароком.
И в грядущих столетиях
Ему полыхать —
Как сейчас,
И к нему никогда
Не кончатся людскому потоку.*

*Не жалеите минут постоять здесь,
Вникая в слова,
Что со здешних камней
Словно скорбные руки воздеты.*

.....

Эти строчки:

*«Никто не забыт и ничто не забыто».
Людям память нужна,
Как бы трудно
Им ни было с нею,
Людям память нужна,
Чтоб беду отвести от земли.*

.....
И с печальных могил,
Вспоминая о битве былой,
Я взываю сегодня
От имени тех,
Кто не дышит:
Люди!
Встаньте за жизнь
И за звездную синь над Землей,
Чтобы Землю —
Наш дом —
Не засыпало мертвой золой,
Чтобы небо над ней
Оставалось
Надежною крышей!

Ю. Воронов

Детский рисунок «Прорыв блокады» Тани Винник (Соболевской), 11 лет

Под звуки траурной музыки юнармейцы и юные защитники Ленинграда возложили гирлянды и цветы к фигуре «Матери-Родины». Прошел митинг-реквием, и под звуки Государственного гимна СССР покинули некрополь. Все члены моей семьи считают своим долгом в дни «Памяти и Скорби» посещать Пискаревское кладбище, чтобы почтить память погибших в годы блокады и Великой Отечественной войны. Здесь всегда очень много народа и детей. Всюду цветы, цветы, цветы!

На следующий день своего пребывания в нашем городе на Дворцовой площади состоялась торжественная линейка, посвященная закрытию финала VI военно-спортивной игры «Зарница-75». Были названы ее победители — лучшие отряды юнармейцев. Среди 10 победителей были названы и юнармейцы 227 и 410 ленинградских школ. По окончании митинга отряды юнармейцев маршем прошли по Невскому проспекту к Большому концертному залу, где состоялся большой прощальный праздничный концерт.

Ежегодно, 27 января, в день полного освобождения Ленинграда от фашистской блокады юные участники обороны города и их учителя проводят Традиционные вечера-встречи с почетными ветеранами Великой Отечественной войны и гостями из других городов, которые помогали ленинградцам выживать в тяжелые годы блокады.

В зале торжественного вечера-встречи юных участников обороны Ленинграда с учителями и с почетными ветеранами (1976 г.).

В зале заседания торжественного вечера-встречиветеранов ВОВ. Справа налево в первом ряду: Е.Л.Кан, Н.И. Беспрозванная, Г.С.Кан. Во втором ряду справа П.И.Лукьянова

*А.И.Любимов. Председатель
Союза «Юные участники обороны
Ленинграда» (1974)*

*О.Н.Тюлева. Зам. председателя Союза
«Юные участники обороны Ленинграда»
(1979)*

Член Совета Союза «Юные участники обороны Ленинграда» Л.П. Попов с почетными гостями: И.А. Андреенко — зав. отделом торговли Исполкома Ленгорсовета, генералом Е.С. Лагутиным — начальником МПВО, и генералом П. Артамоновым — начальником ВПВО

ВСТРЕТИМ XXV СЪЕЗДА КПСС НОЗЫМИ ТРУДОВЫМИ УСПЕХАМИ!

Уважаемый товарищ!

Ленинградский областной комитет ВЛКСМ,
Дворец культуры имени С. М. Кирова,
Музей истории Ленинграда
приглашают Вас

на
ТРАДИЦИОННЫЙ ВЕЧЕР-ВСТРЕЧУ
учителей и юных защитников блокадного
Ленинграда

**„СЛАВУ ГОРОДА-ГЕРОЯ
СВОИМ ТРУДОМ ПРИУМНОЖАЯ“**

3 февраля 1976 года
в театральном зале ДК им. С. М. Кирова

Начало в 19 часов
Регистрация — с 18 часов

СТРАНИЦЫ ВЕЧЕРА:

Эстафета поколений

Подвиг ленинградского учителя

От победы боевой
к победе трудовой

Тебе, родная партия

Д. А. Гранин
3.02.76

В фойе театра оформлены тематическая
выставка

Играет эстрадный оркестр

Открыто вечернее кафе

Народный художник СССР,
М.К.Аникушин (1978 г.)

Герой Социалистического труда, писатель
Д.А. Гранин (1977 г.)

*Директор блокадного детдома,
М.К.Кожева (1980 г.)*

*Герой Социалистического труда, компо-
зитор В.П.Соловьев-Седой (1976 г.)*

Герой Социалистического труда, В.П.Соловьев-Седой у фотовыставки (1976 г.)

*А. Кузьмин, Л. Попов, и
Ю. Воронов на вечере-
встрече Союза «Юные
участники обороны
Ленинграда» (1976 г.)*

*Вс. Азаров. Офицер КБФ, военный
корреспондент (1976 г.)*

*Ю. Тюкалов — олимпийский
чемпион*

Белорусские партизаны — орлята в Таврическом саду у памятника «Детям-героям».

Делегация из Киргизстана. Они привозили в блокадный Ленинград продовольствие и подарки детям (1979 г.)

Е. Л. Кан среди почетных гостей вечера-встречи с ветеранами

Ветераны знакомятся с фотовыставкой – участие подростков в обороне Ленинграда

Члены Союза «Юные участники обороны Ленинграда с почетными ветеранами» (1983 г.).

Они учились в блокадном Ленинграде. Слева направо. Е. Кан, Т. Родионова, Т. Садовская, Т. Соболевская (1979 г.)

Встреча поколений (ветеран ВОВ и И.Юнатова, 1977 г.)

Традиционные торжественные собрания сотрудников РНХИ им. проф. А.Л. Поленова проходят 27 января в дни Памяти и Скорби с поздравлениями ветеранов Великой Отечественной войны. В конце собрания выступают с концертом учащиеся 351-й школы Московского района.

*Е.Л.Кан с внучкой
Марьяной, бывшей
ученицей 351 школы
Московского района
(2004 г.)*

*Проф. И.В. Яковенко, директор РНХИ им. проф. А.Л. Поленова
поздравляет ветеранов Великой Отечественной войны*

*Председатель
Совета ветеранов
д.м.н. Е.Л.Кан
поздравляет
ветеранов Великой
Отечественной войны*

Поздравление ветерана, жителя блокадного Ленинграда, проф. В.Е. Олюшина

Поздравление С.Ф. Наумовой — блокадной медсестры

Профессор В. А. Берснев поздравляет ветерана, жителя блокадного Ленинграда, Д.А. Фарберову

Поздравление малолетнего узника-ветерана В.И. Елисееву

Е.Н. Кан делится воспоминаниями со школьниками 351 школы Московского района

Воспитатель З.Л. Сташкевич и ветеран Е.Л. Кан с учениками 351-й школы после встречи-беседы, посвященной 70-летию Победы

Школьники младших классов 351 школы приветствуют ветеранов на свирельках

Учитель И.Л. Фомичева и Е.Л. Кан со школьниками 351 школы Московского района

Выступления школьников 351-й школы в РНХИ им. А.Л. Поленова в День Победы

Выступления школьников 351-й школы в РНХИ им. А.Л. Поленова

Встреча ветеранов ВОВ с учащимися 214 лицея (2006 г.)

Встреча ветеранов ВОВ в 239 школе (2006 г.)

* * *

Заканчивая свои воспоминания о блокаде Ленинграда, я с благодарностью вспоминаю моего мужа, Герберта Санельевича Кана, безвременно ушедшего из жизни, за большую, постоянную помощь по сбору материалов о блокаде Ленинграда и Великой Отечественной войне. Вместе со мной он участвовал во многих мероприятиях Союза «Юные участники обороны Ленинграда». Им сделано много фотографий, посвященных ленинградской военной тематике. Они использованы в этой книге. Профессор Г. С. Кан — участник Великой Отечественной войны, награжден медалью «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.».

Я с чувством благодарности вспоминаю члена Союза «Юные участники обороны Ленинграда», блокадника Владимира Владимировича Григорьева за большую работу фотографа-профессионала для сохранения памяти об общественной работе Союза и о ленинградской блокаде.

Содержание

Глава 1. Начало войны	3
Глава 2. Первая зима блокады	49
Глава 3. Весна 42-го	110
Глава 4. Вторая зима и прорыв блокады	124
Глава 5. Лето 43-го	140
Глава 6. Третья зима и полное освобождение от блокады ..	148
Глава 7. К Победе	157
Заключение	165
Приложение	175

Елена Леонтьевна Кан

МЫ — ИЗ БЛОКАДЫ

Издание 2-е, переработанное и дополненное

Компьютерный набор — *И. В. Селезнева*

Верстка — *С. Е. Лукин*

Дизайн обложки — *Д. А. Неговский*

Подписано в печать 29.06.2015.

Формат 60x84 1/16. Усл. печ. л. 13,32. Заказ 3235. Тираж 150 экз.

Отпечатано в типографии «Скифия-принт»

197198 С.-Петербург, ул. Б. Пушкарская, д. 10, лит. А. пом. 32-Н